

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Противодействие экстремизму и терроризму в современном мире

Сборник материалов Международного круглого стола

ISBN 978-5-7247-1235-4

© Уфимский ЮИ МВД России, 2026 г.

Об издании – [2](#), [3](#)

УДК 343.85:343.34(082)
ББК 67.518.5я431
П83

*Рекомендован к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

***Под общей редакцией
кандидата юридических наук, доцента Е. В. Пономаревой***

Редакционная коллегия:

И. А. Биккинин, доктор юридических наук, профессор;
С. В. Алешин, б/с, б/з;
Г. Ю. Каримова, кандидат юридических наук, доцент;
А. С. Нурисламов, б/с, б/з;
А. И. Алимова, б/с, б/з;
А. Р. Габдуллина, б/с, б/з;
С. С. Султанов, б/с, б/з;
А. З. Хасанов, б/с, б/з;
А. С. Игуменов, кандидат юридических наук, б/з;
А. Р. Исмагилова, б/с, б/з;
Л. Р. Байдавлетова, б/с, б/з

П83 **Противодействие терроризму и экстремизму в современном мире**
[Электронное издание] : материалы Международного круглого стола,
г. Уфа, 16 апреля 2026 года / под общ. ред. Е. В. Пономаревой. – Электрон.
текстовые дан. 702 МБ (1,8 МБ). – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России,
2026. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC,
1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод;
операционная система Windows XP и выше; Adobe Reader 8.0 и выше. –
Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7247-1235-4

В настоящий сборник включены тезисы докладов, сообщений, выступлений отечественных и зарубежных участников Международного круглого стола.

Сборник предназначен для представителей образовательных организаций правоохранительных органов зарубежных стран, педагогических работников, докторантов, адъюнктов образовательных организаций МВД России, сотрудников правоохранительных и других органов власти.

УДК 343.85:343.34(082)
ББК 67.518.5я431

© Уфимский ЮИ МВД России, 2026

Научное издание

Противодействие экстремизму и терроризму в современном мире

Сборник материалов Международного круглого стола

Редакторы

Е. А. Ермолаева
Р. Р. Гафарова
Е. А. Карамзина
Г. Ф. Сурагулова

Корректурa,
компьютерная верстка

Е. А. Карамзина

Дизайн обложки

Т. Д. Латыпова

Дата подписания к использованию: 30.06.2026

Объем издания: 702 МБ (1,8 МБ)

Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (CD-R)

Тираж: 10 дисков

Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамян С. К. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОМУ ТЕРРОРИЗМУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	8
Алешин С. В. К ВОПРОСУ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	12
Алимова А. И. ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ.....	17
Асеев И. А. ЗАЩИТА ЯДЕРНЫХ ОБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ.....	21
Ахмадиев А. Б. ФИНАНСОВЫЕ ПИРАМИДЫ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ И КРИМИНОГЕННЫХ РИСКОВ.....	25
Биккинин И. А. ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА.....	32
Васильченко А. В. ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА КОМПЛЕКСНЫХ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	37
Выходов А. А. ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	42
Габдуллина А. Р. ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА.....	50
Гарина О. В., Бабенкова А. И. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ДЕСТРУКТИВНЫХ ЦЕЛЯХ.....	54
Горячева Н. Ю. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАСИЛЬСТВЕННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В КОНТЕКСТЕ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА И РОЛИ ЖЕНЩИН В МИРНЫХ ПРОЦЕССАХ.....	58
Грознова Д. М. ПУБЛИЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ КАК ПРИЗНАК ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА И НОВОЕ ОТЯГЧАЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ.....	67
Даллакян К. А. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА.....	72

Исмагилова А. Р. ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ДЕСТРУКТИВНОГО ХАРАКТЕРА.....	77
Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю. К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	82
Каримова Г. Ю. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ.....	87
Кобец П. Н. ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫМ ВЫЗОВАМ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 2020-Х ГГ.....	91
Кожухова И. А. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ.....	98
Куровский В. М. МИГРАЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЭКСТРЕМИЗМ: ИЗМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ.....	102
Лисаускайте В. В. МОДЕЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ» ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК НОВЫЙ ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ.....	106
Маликова Н. В. ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ.....	111
Миняшева Г. И. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	115
Мирошниченко А. В. РОЛЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ.....	121
Мухаметшин Ф. Б. ПО ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ КАК АДАПТАЦИИ К РИСКАМ СОВРЕМЕННОСТИ.....	125
Нурисламов А. С. О ПРОЯВЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ БАШКИРСКОМ КРАЕ.....	129
Поезжалов В. Б. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	134

Помиркованая Д. С., Биккинин И. А. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ.....	138
Прокопьева А. В. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ.....	143
Рябчиков С. А. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ.....	147
Сибагатуллин Ф. Ф. БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРЕДИКТОР ЭКСТРЕМИЗМА (НА ПРИМЕРЕ СТАТЕЙ 116 И 116.1 УК РФ).....	153
Сидорова Е. З. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	164
Соловьев Д. Н. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА.....	168
Старостенко О. А. ИНТЕРНЕТ-РАДИКАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МЕХАНИЗМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОФИЛАКТИКИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	175
Табанаква В. И. ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ В СТАТЬЕ 282 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	182
Терехов М. Г. ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	187
Тулебаева Д. Т. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК СОВРЕМЕННАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ.....	191
Тхаровская О. Ю. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В ЦЕЛЯХ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.....	197
Фасхутдинова А. В. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА.....	202
Хайруллин А. Г. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	207

Халитов О. Ф. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УЯЗВИМОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР РИСКА РАДИКАЛИЗАЦИИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ.....	210
Хасанова З. И. ПУБЛИЧНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	214
Хусаинов Р. Р. ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	219
Шарипова А. Р. ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ.....	225
Янбухтин Р. М. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА.....	230

Абрамян С. К. – доцент кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Краснодар)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОМУ ТЕРРОРИЗМУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

COUNTERING INFORMATION TERRORISM IN MODERN RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена информационного терроризма в современном мире, характеризующегося активным влиянием на общественное сознание и подрывом социальной стабильности благодаря развитым технологиям и доступности интернета. Рассматриваются ключевые виды информационного терроризма, такие как дезинформация, пропаганда, кибертерроризм и социальные манипуляции, их характерные особенности и возможные последствия. Анализируются риски, возникающие вследствие распространения ложной информации, пропаганды, нарушений в функционировании критической инфраструктуры и информационных атак. Автор подчеркивает важность понимания природы информационного терроризма для разработки действенных мер по предупреждению и нейтрализации его последствий, включая образовательные инициативы и совершенствование нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: информационный терроризм, дезинформация, пропаганда, кибертерроризм, социальные манипуляции, общественное сознание, информационная безопасность, политический экстремизм, международное сотрудничество.

Abstract. This article explores the phenomenon of information terrorism in the modern world, which is characterized by its active influence on public consciousness and its ability to undermine social stability due to advanced technologies and the availability of the internet. It examines the key types of information terrorism, such as disinformation, propaganda, cyberterrorism, and social manipulation, as well as their characteristics and potential consequences. The article analyzes the risks associated with the spread of false information, propaganda, disruptions in critical infrastructure, and information attacks. The author emphasizes the importance of understanding the nature of information terrorism in order to develop effective measures to prevent and neutralize its consequences, including educational initiatives and improvement of the legal framework.

Keywords: information terrorism, disinformation, propaganda, cyberterrorism, social manipulation, public consciousness, information security, political extremism, international cooperation.

Информационное пространство XXI века претерпело кардинальные изменения, став площадкой для интенсивного взаимодействия множества авторов: государств, коммерческих компаний, негосударственных организаций и индивидуальных участников. Одновременно оно превратилось в поле острых информационных баталий, где идет борьба за доминирующее положение в восприятии действительности и утверждение определенного видения мировых событий. Одной из серьезнейших угроз в новом веке стал информационный терроризм – активная эксплуатация коммуникативных каналов для оказания давления на общество, подрыва его устоев и дестабилизации ситуации. В условиях всепроникающего интернета любые силы могут оказывать мощное влияние на общественные настроения, ставить под сомнение легитимность власти, способствовать возникновению гражданских протестов и революций. Поэтому понимание сущности информационного терроризма и его возможных последствий становится актуальным вопросом безопасности как отдельного гражданина, так и целой страны.

Информационный терроризм трактуется как целенаправленное воздействие на индивидуумов и массы посредством манипулирования информацией с целью внесения изменений в поведение, установку определенных менталитетов, дестабилизации ситуаций или разрушения основ существующей социальной структуры. Чаще всего речь идет о целенаправленном применении информационных техник, обеспечивающих возможность добиваться поставленных целей с минимальным риском для организаторов и исполнителей операций.

История появления термина уходит корнями в XIX век, когда была отмечена взаимосвязь информационных технологий и использования специальных методик для достижения политических целей. Наиболее известным примером ранних этапов становления феномена были разведывательно-диверсионные операции, проводившиеся спецслужбами имперских держав Европы и России. Позже термин получил новое звучание в связи с появлением радио, телевидения и, наконец, интернета, расширивших арсенал воздействий и позволивших выйти на качественно новый уровень [1, с. 37].

Сегодня понятие охватывает не только классические приемы дезинформации и психологической войны, но и новые формы вроде целенаправленного размещения вбросов, манипулирования пользователями социальных сетей, разработки и распространения вирусов, атак на информационные системы.

Классификация видов информационного терроризма базируется на особенностях используемых методов и целях организаторов. Выделяются четыре основных категории:

1. Дезинформация. Ее смысл сводится к подаче ложных или частично искаженных сведений, что приводит к ошибочным выводам и принятию неправильных решений. Пример – публикации фейковых новостей, нацеленных на создание атмосферы паники или смятения.

2. Пропаганда. Включает методологию формирования устойчивых взглядов и установок. Может реализовываться открыто или завуалированно, применяя символику народов, культурные стереотипы и историческую память.

3. Кибертерроризм. Характеризуется действиями, направленными на нарушение функционирования компьютерной техники, ПО и прочих компонентов цифрового окружения. Распространенными приемами выступают хакерские вторжения, DDoS-нападения, похищение конфиденциальных данных, внедрение вредоносных программ.

4. Социальные манипуляции. Применяется для целенаправленного изменения мнения и поступков значительных социальных слоев. Типичные подходы заключаются в эксплуатации автоматизированных аккаунтов, создании поддельных онлайн-сервисов, организации массовых акций и демонстраций.

Все перечисленные разновидности представляют серьезную угрозу государству и социуму, поскольку затрагивают самые важные сферы человеческой жизнедеятельности: интеллектуальное восприятие реальности, поведенческие паттерны, техническую инфраструктуру.

Источники, инициирующие террористические акции в информационном пространстве, многообразны и разнятся по своим мотивам и основаниям. Среди них: группы радикально настроенных активистов, чьи цели связаны с изменением политической ситуации или достижением конкретной цели (например, ликвидация какого-либо лидера); корпорации, стремящиеся вытеснить конкурентов, добиться выгодных контрактов или повлиять на общественное мнение; спецслужбы иностранных государств, пытающиеся провести операцию по изменению международной обстановки или ослаблению противника; преступные группировки, извлекающие прибыль из шантажа, вымогательства и продажи незаконно полученных данных. Факторы мотивации террористов весьма разнообразны: от личного обогащения до удовлетворения амбициозных устремлений либо идеологических мотиваций.

Для достижения целей информационного терроризма применяется целый арсенал тактик и методов. Рассмотрим некоторые из них: троллинг и флэш-мобы. Используется для привлечения внимания к определенной проблеме, инициирования обсуждений и смены фокуса дискуссий. Методы маскировки и криптографии. Помогают скрыть следы пребывания в информационной среде, позволяя избегать преследования правоохранными орга-

нами. Создание дипфейков и фотошопов. Данные технологии помогают фабриковать убедительную картинку или видео, способные заставить поверить в реальность произошедшего. Метод «войн троллей». Осуществляется посредством автоматизации деятельности тысяч аккаунтов, пишущих одинаковые посты или реагирующих одинаково на конкретные запросы. Отдельно отметим высокую адаптивность террористических групп к изменениям в окружающей среде. Например, популярность социальных сетей привела к бурному развитию таргетированной рассылки фейковых сообщений, стриминга видеороликов и запугивания с помощью картинок или звукозаписей. Информационный терроризм угрожает каждому элементу государственной системы и затрагивает всех членов общества. Далее рассмотрим основные последствия его реализации. Одной из центральных целей информационного терроризма является подрыв доверия граждан к действующему правительству и администрации. Простота доступа к информации и возможность производить массивные объемы данных сделали его эффективным инструментом политического влияния. Операции, направленные на компрометацию высокопоставленных чиновников, внесение путаницы в законодательство или поддержку оппозиционеров, получили широкую известность. Еще одним следствием оказывается искаженное восприятие роли государства, которое утрачивает связь с народными чаяниями и ожиданиями, теряет способность своевременно реагировать на потребности общества.

Экономические эффекты информационного терроризма проявляются в следующем: ухудшается инвестиционный климат из-за подозрения инвесторов в ненадежности предприятий и рынка в целом; повышаются издержки, связанные с обеспечением кибербезопасности, уменьшением скорости оборота капитала и сокращением объема торговли; происходит снижение производительности труда и доходности компаний, пострадавших от информационных атак; экономика превращается в еще один объект приложения информационных ударов, результатом которого становится заторможенный экономический рост и увеличение бедности [2, с. 111].

Основными элементами социальных эффектов являются следующие аспекты: формирование тревожности и неопределенности среди населения, что приводит к понижению уровня удовлетворенности жизнью и качеству жизни; ослабление социальных связей, сопровождающее фрагментацию общества и уменьшение степени солидарности; увеличение уровня неравенства и социального дисбаланса, ускоряется деградация духовных ориентиров и культурных традиций. Информационный терроризм буквально разрушает социальные ткани общества, провоцирует рост радикальных настроений и потерю веры в традиционные институты власти. Противостоять информационному терроризму непросто, так как требуются совместные усилия государства, бизнеса и общества. Законодательство является ключевым элементом защиты от информационного терроризма. Ос-

новными мерами являются: принятие закона о запрете распространения ложной информации; установление уголовной ответственности за публикацию дезинформации и совершение преступлений с использованием цифровых технологий; организация надзорных органов, контролирующих исполнение законодательства в данной сфере. Также целесообразно вводить обязательные требования по маркировке новостей и комментированию в интернете, внедряя механизмы верификации учетных записей и отчетов об источниках финансирования кампаний.

Библиографический список

1. Манукян А. Р. Проблемы противодействия терроризму и экстремизму в сети Интернет в условиях повсеместной цифровизации // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 3. С. 37–41.

2. Сальников Е. В. Проблемы противодействия экстремизму: минимизация и (или) ликвидация его последствий в составе механизма противодействия экстремизму // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 3 (25). С. 107–118.

© Абрамян С. К., 2026

УДК 342. 9

Алешин С. В. – доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

К ВОПРОСУ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ON THE QUESTION OF PROTECTING PUBLIC ORDER AND ENSURING PUBLIC SAFETY

Аннотация. В статье изучаются понятия «общественный порядок», «общественная безопасность», рассматривается роль полиции в реализации данных государственных задач, анализируются правовые основы данной деятельности. Акцентируется внимание на необходимость взаимодействия всех государственных структур, общественных объединений, граждан в вопросах охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Автором делается вывод о необходимости совершенствования системы общественной безопасности, требующей от государства комплексного подхода.

Ключевые слова: общественный порядок, правопорядок, общественная безопасность, полиция, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности.

Abstract. The article examines the concepts of «public order» and «public safety», examines the role of the police in the implementation of these state tasks, and analyzes the legal foundations of this activity. Attention is focused on the need for interaction between all government agencies, public associations, and citizens in matters of protecting public order and ensuring public safety. The author concludes that it is necessary to improve the public safety system, which requires an integrated approach from the state.

Keywords: public order, law and order, public safety, police, public order protection, public safety.

Современные угрозы общественным ценностям и интересам предъявляют особые требования к государственным структурам, предназначенным для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Указанные правовые категории являются базовыми понятиями в сфере безопасности личности, общества и государства.

На сегодняшний день остро стоит вопрос обеспечения общественного порядка и общественной безопасности в свете возрастающих угроз террористического характера.

Несомненно, возрастающие угрозы требуют от государственных органов силового блока своевременного реагирования. Вместе с этим, нестабильность ситуации в свете возрастающих угроз требует внедрения новых подходов к вопросам охраны и обеспечения общественной безопасности. Становится очевидной и необходимость более углубленного теоретического изучения указанных базовых категорий «общественный порядок» и «общественная безопасность».

Впервые идеи «общественного порядка» и «добрых нравов» были прописаны в Наполеоновском кодексе. Позже эта концепция появилась и в проекте Российского Гражданского кодекса, где активно участвовал в обсуждении И. А. Покровский, который обратил внимание на то, что в данном законодательном акте отсутствовало четкое объяснение термина «общественный порядок» [1]. Комментатор Французского кодекса Лоранс отметил, что статья 1133 вызвала множество дискуссий и недопонимания, сам он предложил уточнение, обобщив концепцию под термином «общественный интерес» [2].

Изучая категорию «общественные порядок», необходимо уделить внимание понятию «правопорядок», которое, на наш взгляд, является составляющей частью первого понятия.

Специалисты в области административного права интерпретируют общественный порядок как совокупность общественных связей и отноше-

ний, возникающих под влиянием социальных норм, которые охватывают все взаимодействия, подвергающиеся правовому регулированию. Общественный порядок включает в себя не только правовые аспекты, но и моральные нормы, обычаи, традиции и общепринятые ценности. В отличие от этого, правопорядок касается лишь тех аспектов, которые регулируются нормативными актами. Из этого следует, что категория «общественный порядок» является более обширной и охватывает как юридические, так и этические элементы, тогда как правопорядок ограничивается рамками законодательства.

Рассматривая изучаемую категорию «общественный порядок» в более узком ключе, мы можем охарактеризовать ее как систему общественных отношений, созданную в интересах всех граждан и государства, регулируемую нормами законов, моральными принципами, правилами сосуществования и обычаями. Данная система включает взаимодействие как в общественных, так и частных интересов граждан. При этом она направлена на защиту жизни, здоровья и чести граждан, сохранность имущества граждан и государственную собственность, поддержание общественных ценностей и создание необходимых условий для эффективной работы предприятий, организаций, учреждений.

Охрана общественного порядка имеет принципиальное значение для любого государства и общества и обеспечивается соответствующими органами исполнительной власти в лице правоохранительных органов. К раскрытию понятия «общественный порядок» можно подойти через призму культурных, исторических и политических контекстов различных государств, что порождает многообразие интерпретаций данного понятия.

Обобщенно отметим, что общественный порядок включает деятельность правоохранительных органов по защите прав и свобод граждан, а также обеспечение их безопасности путем противодействия преступности в различных формах. Вместе с этим, содержание самого понятия охватывает правовые, материальные и волевые аспекты.

Правовую составляющую образуют юридические нормы, установленные государством в соответствующих нормативных правовых актах, чаще всего в виде законов, которые регулируют поведение граждан в рамках общественного порядка. Это включает в себя закрепление отдельных правил поведения, допустимые границы этого поведения, а также различные виды юридической ответственности за их нарушение.

Материальные аспекты охватывают экономическую структуру общества, систему власти в нем, а также потребности и интересы его членов.

Волевой элемент проявляется в осознании действий, направленных на достижение определенных целей. В этой связи важно воспитывать в каждом человеке уважение к правовым нормам и социальным правилам, а также формировать общественное и личное правосознание.

Отметим, что эффективность обеспечения общественного порядка и безопасности напрямую зависит от качества организации работы сотруд-

ников МВД России, включающей многие факторы, в том числе разработку и применение качественных методик противодействия противоправным проявлениям, внедрения современных технологий, а также профессиональное обучение сотрудников министерства.

Охрана общественного порядка является прямым назначением полиции. В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О полиции» обеспечение правопорядка в общественных местах является одним из основных направлений деятельности сотрудников полиции [3]. Отмечая законодательное закрепление силовых органов обеспечения правопорядка отметим также, что войска национальной гвардии предназначены для обеспечения государственной и общественной безопасности. Статья 2 Федерального закона «О войсках национальной гвардии» в числе первых закрепляет такую задачу как «участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности».

Эффективная охрана общественного порядка заключается не должна ограничиваться исключительно контролем и надзором за соблюдением норм законодательства и соответствующим наказанием за их нарушение. Она подразумевает реализацию комплекса целенаправленных, системных мер, направленных на воспитание граждан в духе уважения к законам и моральным нормам. Для достижения этих целей необходимо объединение усилий не только правоохранительных органов, а всех государственных структур, общественных объединений, граждан.

Обеспечение общественной безопасности представляет собой многоуровневую систему мер, законодательно закрепленных в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [4]. В соответствии с требованиями данного закона ключевым звеном в системе безопасности выступает профилактическая работа по предупреждению правонарушений. Современные вызовы обществу и государству, такие как террористические угрозы и киберпреступность, требуют комплексного подхода, включающего как совершенствование правового регулирования (Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»), так и развитие межведомственного взаимодействия.

Важной составляющей повышения эффективности охраны общественного порядка является совершенствование взаимодействия между федеральными и региональными органами власти. Как отмечается в научных исследованиях профессора С. А. Авакьяна [5], эффективность государственного управления во многом зависит от сбалансированности централизации и децентрализации властных полномочий. Этот тезис находит подтверждение в судебной практике, где подчеркивается необходимость учета региональной специфики при реализации единой государственной политики.

Как показывает анализ ведомственной отчетности МВД России, внедрение информационных технологий способствует повышению эффек-

тивности как профилактической работы, так и оперативно-розыскной деятельности. При этом, как справедливо отмечает академик В. Д. Зорькин, технологическая модернизация не должна подменять собой содержательные аспекты государственного управления [6].

Обеспечение общественной безопасности представляет собой системную деятельность, включающую комплекс взаимосвязанных мер профилактического и оперативного характера. В соответствии с положениями Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», данный процесс предполагает осуществление постоянного мониторинга потенциальных угроз, разработку и реализацию целевых программ, а также проведение образовательных мероприятий для сотрудников правоохранительных органов. Как отмечает Г. С. Пыпина, эффективность подобной деятельности напрямую зависит от слаженного взаимодействия всех институтов власти, включая МВД и ФСБ России [7].

Таким образом, совершенствование системы общественной безопасности требует от государства комплексного подхода, включающего:

- внедрение современных технологий;
- оптимизацию нормативно-правовой базы;
- повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

При этом, как подчеркивается в Концепции общественной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации, особое значение приобретает развитие механизмов общественного контроля и гражданского участия в обеспечении правопорядка. Реализация указанных мер позволит создать эффективную систему безопасности, сочетающую профессиональные подходы с принципами открытости и уважения прав граждан.

Библиографический список

1. Калустов Р. Г. Общественный порядок: понятие и содержание категории // Социология и право. 2020. № 2 (48).
2. Зеленцов А. Б., Немытина М. В. Публичные интересы и производные от них юридические конструкции // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. № 4.
3. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. URL: <https://rulaws.ru/laws/Federalnyy-zakon-ot-07.02.2011-N-3-FZ/> (дата обращения: 01.02.2026).
4. О безопасности : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.02.2026).
5. Авакьян С. А. Проблемы совершенствования конституционного строя Российской Федерации на современном этапе. М. : Юрист, 2012. С. 251.

6. Валерий Зорькин о том, каковы юридические уроки предыдущих попыток модернизации России // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2010/06/25/zorkin.html> (дата обращения: 18.02.2026).

7. Пыпина Г. С. Становление теории безопасности в Российском государстве XIX–XXI веков (политико-правовой аспект) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. 30 с.

© Алешин С. В., 2026

УДК 340.1

Алимова А. И. – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

SPECIFIC FEATURES OF COUNTERING MANIFESTATIONS OF EXTREMISM AND TERRORISM AMONG YOUNG PEOPLE

Аннотация. В работе рассматриваются особенности противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в молодежной среде и среди несовершеннолетних. Рассмотрены причины уязвимости данных категорий лиц к проявлениям терроризма и экстремизма. Проанализирована роль сети Интернет и социальных сетей как инструментов вовлечения и пропаганды радикальных идей. Автором отмечено, что стратегия борьбы с экстремизмом и терроризмом в рассматриваемой среде должна акцентироваться на активном информационном воздействии, на эффективной предупредительной работе, а также международном сотрудничестве по обмену опытом в этой области.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, молодежная среда, противодействие.

Abstract. This scientific article examines the specifics of countering extremism and terrorism among young people and minors. The reasons for the vulnerability of these groups to terrorism and extremism are examined. The role of the internet and social media as tools for engaging and promoting radical ide-

as is analyzed. The author notes that the strategy for combating extremism and terrorism in this environment should emphasize active information campaigns, effective preventive work, and international cooperation in exchanging experience in this area.

Keywords: terrorism, extremism, young people, counteraction.

Молодежь как социально-возрастная группа представляет собой особую категорию, которой согласно положениям Конституции Российской Федерации и Семейного кодекса Российской Федерации гарантируется воспитание и развитие, а также защита и уважение их прав и интересов. Обратим внимание, что законные представители несовершеннолетних обязаны обеспечивать их воспитание, образование и всестороннее развитие. Данные положения приняты не случайно, так как указанная категория подвержена большому воздействию множества внешних факторов. Отметим, что влияние оказывают факторы, пропагандирующие идеологию экстремизма и терроризма.

Директор Федеральной службы безопасности А. В. Бортников на заседании Национального антитеррористического комитета сообщил, что в 2025 году отмечается значительный скачок числа преступлений террористической направленности, среди которых выделяется нанесение ущерба критически важной и социальной инфраструктуре, а также нападения на военнослужащих и должностных лиц органов власти [1]. Кроме того, в рамках своей деятельности правоохранительными органами предупреждено 172 аналогичных теракта. А. В. Бортников отметил, что 65 % задержанных за преступления террористической направленности в России – молодежь, попавшая под влияние украинских спецслужб и неонацистских организаций.

Глава комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации сенатор В. М. Джабаров озвучил, что основным мотивом для совершения терактов несовершеннолетними лицами являются денежные вознаграждения. Средняя сумма за террористический акт 50 тысяч рублей [3]. Главную причину он видит в активной работе иностранных спецслужб. Низкий уровень воспитательной работы с несовершеннолетними способствует успешному вовлечению молодежи в экстремистские и террористические сообщества представителями радикальных группировок и иностранных спецслужб. Вследствие чего возникает необходимость разработки мероприятий по защите подростков и учителей от преступных посягательств.

Следует отметить заявление помощника секретаря Совбеза Российской Федерации Н. М. Мухитова о необходимости проведения просветительской работы с молодежью. Сенатор В. С. Тимченко указал, что «нужно пресекать каналы распространения фейков, деструктивной информации

и одновременно усиливать работу на российских информационных каналах, которые доводят до молодежи объективную информацию о происходящем в стране и в мире» [4].

Руководитель научного совета Центра политической конъюнктуры А. А. Чеснаков сообщил, что недоверие молодого поколения к власти и государству характерно не только для России. Так, на Западе аналогично присутствуют факты попытки подрыва легитимности власти в молодежной среде. А. А. Чеснаков пишет, что в настоящее время отсутствует комплексный анализ глубинных причин, мотивирующих подростков к совершению актов насилия, таких как нападения на образовательные учреждения либо диверсии на объектах транспортной инфраструктуры [4]. Таким образом, несмотря на отмечаемое влияние иностранных спецслужб на процессы радикализации молодежи, нельзя недооценивать роль внутренних факторов.

Сенатор В. М. Джабаров считает, что нужно создать специальную мониторинговую группу по воспитательной работе с детьми и их ограждению от влияния западных враждебных структур, потому что школам это не под силу. Однако можно заметить, что это тоже решение частной проблемы.

В настоящее время правоохранительные органы Российской Федерации в рамках противодействия распространению деструктивной информации внедрили механизм постоянного мониторинга интернет-пространства. Как показывает практика, в 2025 году по материалам подразделений по противодействию экстремизму и представлениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации Роскомнадзором ограничен доступ к более 37 тыс. материалов и интернет-ресурсов экстремистской направленности и террористического характера [2]. Отметим, что Роскомнадзором создана автоматизированная система «Кабинет оперативного взаимодействия». К данной системе также имеют доступ сотрудники Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ФСО России, МВД России, Росгвардии, производится подключение территориальных подразделений органов правопорядка.

Следует отметить в положительном ключе взаимодействие сотрудников полиции с представителями Министерства образования и науки Российской Федерации. В рамках совместных действий данными структурами проводились профилактические мероприятия с обучающимися образовательных организаций. В частности, особое внимание уделялось лицам, которые принимали участие в незаконных массовых протестных акциях.

Также для борьбы с молодежными экстремистскими группировками создаются специальные оперативные и следственно-оперативные группы. Они занимаются выявлением и разработкой лидеров и активных членов таких организаций, а также раскрытием и расследованием их преступлений, связанных с экстремизмом. В этом процессе могут участвовать со-

трудники других правоохранительных органов и представители общественности.

В последние годы законодатели ряда государств внедряют нормативно-правовые ограничения, направленные на регулирование доступа несовершеннолетних к социальным сетям, а именно: Австралия стала первой страной, которая ввела запрет на пользование социальными сетями для детей младше 16 лет, заблокировав доступ – это шаг, который приветствовали многие родители и защитники детей, но он был подвергнут критике со стороны крупных технологических компаний и сторонников свободы слова; была введена строгая проверка возраста, например, по удостоверению личности, при посещении тех или иных категорий сайтов; было поставлено требование получать явное родительское согласие на доступ несовершеннолетних ко многим онлайн-сервисам; применялись разные формы давления, включая блокировки и судебные иски к онлайн-платформам, не соблюдающим уже принятые законы о защите детей – наиболее яркий пример – игровая онлайн-платформа Roblox. Таким образом, необходимость развития международного сотрудничества и обмена опытом в сфере правового регулирования сети Интернет для эффективной борьбы с интернет-провокаторами приобретает значимость[4].

Для борьбы с экстремизмом в России правоохранительные органы тщательно анализируют и изучают деятельность различных религиозных организаций, которые занимаются вербовкой молодых людей для участия в незаконных вооруженных группировках. Данные усилия направлены на обеспечение безопасности общества, предотвращение радикализации молодежи и реализацию предупредительной работы.

В заключение отметим, что меры, направленные на противодействие террористическим и экстремистским идеям, взглядам и действиям на сегодняшний день являются важнейшими и актуальными. Современная стратегия борьбы с экстремизмом и терроризмом в молодежной среде должна акцентироваться на активном информационном воздействии, эффективной предупредительной работе, а также международном сотрудничестве по обмену опытом в этой области.

Библиографический список

1. Выступление А. В. Бортникова на заседании Национального антитеррористического комитета (2025) // Национальный антитеррористический комитет. URL: <https://nac.gov.ru/view/019eabad-bffc-7b6f-a38b-4e531909d375c> (дата обращения: 01.03.2026).

2. Данные Роскомнадзора о блокировке интернет-ресурсов экстремистской направленности // Официальный интернет-ресурс Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массо-

вых коммуникаций. URL: <https://27.rkn.gov.ru/civilian/p13668/p18540/> (дата обращения: 01.03.2026).

3. Лукманов А. В России больше половины терактов совершает молодежь // Российское информационное агентство «Европейско-Азиатские Новости». 2025. 12 августа. URL: <https://eanews.ru/rossiya/20250812191312/v-rossii-bolshe-poloviny-teraktov-sovershaet-molodezh> (дата обращения: 01.03.2026).

4. Профилактика идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде России // Научная библиотека ФГБОУ ВО «ЧелГУ». URL: <https://library.csu.ru/ru/bibindex/2/> (дата обращения: 01.03.2026).

© Алимова А. И., 2026

УДК 323.28

Асеев И. А. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ЗАЩИТА ЯДЕРНЫХ ОБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ

PROTECTING NUCLEAR FACILITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION FROM TERRORIST ACTS

Аннотация. В статье анализируются возможные последствия террористических актов против атомных электростанций и предприятий по переработке отработанного ядерного топлива, а также вероятные угрозы безопасности ядерных объектов Российской Федерации.

Ключевые слова: терроризм, экология, радиоактивные осадки, ядерные объекты.

Abstract. The article analyzes the possible consequences of terrorist attacks against nuclear power plants and spent fuel reprocessing facilities, as well as possible threats to the security of nuclear facilities in the Russian Federation.

Keywords: terrorism, ecology, radioactive fallout, nuclear facilities.

Энергетические объекты Российской Федерации: атомные электростанции и предприятия по переработке отработанного ядерного топлива в условиях внутренних и внешних угроз являются целью возможных террористических атак.

Государственная политика в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации представляет собой совокупность скоординированных и объединенных общим замыслом политических, экономических, инженерно-технических, социальных, правовых, информационных и иных мер в области использования атомной энергии в мирных и оборонных целях, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» (Госкорпорация «Росатом»), организациями и направленными на обеспечение национальных интересов, реализацию стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, защиту жизни и здоровья граждан, собственности, а также на охрану окружающей среды [1].

В 1945 году на японские города Хиросима и Нагасаки были сброшены атомные бомбы и в результате погибло несколько сотен тысяч человек, а многие погибли вскоре после взрыва в результате заражения радиацией, инфекций и ослабления иммунитета. Вместе с тем, взрыв ядерного реактора вызовет такие катастрофические последствия как выброс огромного количества радиоактивных веществ в атмосферу, пожары и долгосрочное заражение окружающей среды и которые будут иметь более разрушительные последствия в долгосрочном плане, чем при взрыве атомной бомбы.

Можно сравнить последствия аварии на Чернобыльской АЭС с бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки. В результате аварии в Чернобыле произошла утечка около 3,0 % радиоактивного материала и, помимо заражения большой территории вокруг реактора, различные выбросы достигли Европы и Атлантики. Последствия чернобыльской аварии в течение еще длительного времени будут ощущать Россия, Белоруссия и многие европейские страны, которые были загрязнены радиоактивными осадками [2, с. 266].

Такое предположение возможно, поскольку похожий инцидент, произошел в СССР на перерабатывающем предприятии в г. Кыштыме в конце 1957 года. Бак с отходами высокой радиоактивности выкипел и взорвался, вызвав радиоактивное облако. Около тридцати деревень, пришлось эвакуировать, а значительные территории освободить от жителей. Точное количество погибших до сих пор неизвестно.

Ядерные реакторы с железобетонными противоаварийными защитными устройствами, несомненно, более защищены от внешнего воздействия. Вместе с тем целостность всех реакторов и, естественно, отработанного топлива на их территориях в охлаждаемых резервуарах зависит в значительной мере от постоянного наличия внешнего источника электроэнергии для обеспечения функционирования систем безопасности, включая введение управляющих стержней для выключения реактора в случае чрезвычайной ситуации.

Чернобыльская авария показала, что безопасная эксплуатация ядерного реактора в определенных случаях подвержена вероятности ядерного взрыва. Радиация, попавшая в атмосферу, может привести к таким последствиям, как эвакуация людей с территории примерно в 120 тыс. квадратных километров только из-за гамма-излучений в результате радиоактивных осадков. Постоянному отсутствию людей из-за пылевых осадков плутония, разрушению аграрно-продовольственного производства на площадях свыше 750 тыс. квадратных километров из-за осадков стронция-90 и цезия-137 и оставлению территории в 200 тыс. квадратных километров или большей из-за заражения всеми формами радиации.

Катастрофа, при которой разрушаются все реакторы на площадке АЭС и происходит испускание летучих радионуклидов из отработанного топлива, усугубит ущерб в несколько раз и, возможно, поставит под угрозу миллионы жизней из-за сильной радиации и тяжелых болезней лейкемии и рака.

В случае отключения подачи электроэнергии реактору, топливные элементы быстро окажутся в перегретом состоянии. Керамико-оксидное топливо расплавляется при температуре, превышающей примерно на 1 000 градусов по Цельсию температуру плавления покрытия из нержавеющей стали. Вследствие этого через 30–40 секунд сталь начнет плавиться и стекать с горячего топлива, и этот процесс приведет к резкому увеличению количества нейтронов, которые могут принять участие в расщеплении урана.

Ядерная реакция, развивающаяся по экспоненте, приведет к испарению топлива, а это, в свою очередь, приведет к еще большему росту количества нейтронов, как это было в ходе аварии на Чернобыльской АЭС. В результате произойдет массовый атомный взрыв в активной зоне реактора, который, вероятно, разорвет герметизирующую оболочку реактора.

Безусловно, необходимо учитывать такие расщепляющиеся материалы, как плутоний и обогащенный уран, которые являются неотъемлемой частью любой программы ядерной энергии, поскольку всегда существует такая угроза со стороны террористических организаций.

Наиболее насущной, опасной угрозой безопасности ядерных объектов Российской Федерации в настоящее время является угроза того, что оружие массового поражения или материалы, пригодные для изготовления такого оружия, могут быть украдены и проданы террористам или враждебным государствам.

Кражи ядерных материалов нарастают достаточно быстро, и они являются потенциально пригодными для изготовления бомбы. Можно представить какую опасность могут представлять террористы, обладающие ядерными возможностями, включая управляемые ракеты для доставки ядерного оружия. Несмотря на то что АЭС надежно защищены и сконструированы с учетом устойчивости в отношении аварий тем не менее

наиболее чрезвычайной и непосредственной угрозой является, то что террористы могут получить в свои руки небольшое количество оружейного урана или плутония и построить несовершенную или так называемую «грязную» бомбу.

Международное агентство по атомной энергетике (МАГАТЭ) заявляет, что в настоящее время незаконная контрабанда ядерных материалов выросла в два раза. Покупатели из некоторых стран активно добиваются возможности получения с хранилищ ядерных материалов, пригодных для изготовления атомного оружия. Имея небольшое количество обогащенного урана и получив дополнительные материалы, большинство которых можно купить в сети торговли радиоактивными изотопами и располагая специалистами с инженерным образованием можно создать «грязную» ядерную бомбу, которая может нанести значительный урон.

Значимым является тот факт, что террористы не руководствуются теми же мотивами, которые удерживают ядерные державы от нажатия ядерной кнопки. Если такое оружие было бы использовано для достижения политических или национальных целей, то организаторы таких акций не без основания побоялись бы потери общественной поддержки. Члены террористических организаций не сдерживаются подобными соображениями.

В связи с возросшей угрозой терроризма, существенным образом возросла роль физической защиты потенциально опасных объектов. В связи с этим в ядерном оружейном комплексе Российской Федерации необходимо наращивать усилия по совершенствованию физзащиты. Проводить научные исследования, актуализировать модели угроз, разрабатывать и внедрять современные образцы инженерно-технических средств физической защиты, проводить реконструкцию и модернизацию охранных зон и т. д. На реализацию этих мероприятий необходимо выделять, в том числе, и дополнительные средства.

Библиографический список

1. Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу : указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2018 г. № 585. URL: <https://base.garant.ru/72075716/> (дата обращения: 25.03.2026).

2. Брылев В. И., Лях Л. А. Ядерная и биологическая угроза со стороны террористов // Общество и право. 2011. № 5. С. 266.

© Асеев И. А., 2026

Ахмадиев А. Б. – старший преподаватель кафедры кибербезопасности и информационных технологий Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова

ФИНАНСОВЫЕ ПИРАМИДЫ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ И КРИМИНОГЕННЫХ РИСКОВ

FINANCIAL PYRAMID SCHEMES AS A FACTOR OF SOCIAL DESTABILIZATION AND CRIMINOGENIC RISKS

Аннотация. В статье рассматриваются финансовые пирамиды как устойчивый криминогенный феномен, оказывающий дестабилизирующее воздействие на социально-экономические процессы и уровень общественной безопасности. Анализируются механизмы вовлечения населения в пирамидальные схемы, их влияние на рост социальной напряженности, снижение доверия к институтам государства и формирование вторичных форм преступности. Особое внимание уделяется цифровой трансформации финансовых пирамид, расширившей их масштаб, латентность и трансграничный характер. Обосновывается необходимость комплексного подхода к противодействию данному явлению, включающего уголовно-правовые, профилактические и информационно-аналитические меры.

Ключевые слова: финансовые пирамиды, социальная дестабилизация, экономическая преступность, криминогенные риски, цифровая среда, профилактика преступлений.

Abstract. The article examines financial pyramids as a stable criminogenic phenomenon that has a destabilizing effect on socio-economic processes and the level of public safety. The mechanisms of the population's involvement in pyramid schemes, their impact on the growth of social tension, the decrease in trust in state institutions, and the formation of secondary forms of crime are analyzed. Special attention is paid to the digital transformation of financial pyramids, which has expanded their scale, latency, and cross-border nature. The article substantiates the need for a comprehensive approach to countering this phenomenon, which includes criminal law, preventive, and information and analytical measures.

Keywords: financial pyramids, social destabilization, economic crime, criminal risks, digital environment, crime prevention.

Финансовые пирамиды в течение длительного времени сохраняют устойчивое присутствие в структуре экономической преступности, после-

довательно приспособляясь к изменениям социально-экономической конъюнктуры и информационной среды. Практика показывает, что их общественная опасность не ограничивается фактом причинения имущественного вреда конкретным потерпевшим: массовый характер вовлечения, использование заемных средств и эффект «цепной реакции» в социальных связях приводят к более широким негативным последствиям. В числе таких последствий – снижение доверия к финансовым институтам и государственным механизмам защиты прав граждан, усиление правового нигилизма, а также формирование у населения устойчивого ощущения правовой незащищенности. Цифровизация экономики и активное развитие социальных сетей дополнительно усложнили ситуацию: современные пирамидальные схемы все чаще маскируются под легальные инвестиционные продукты, используют онлайн-платформы и мессенджеры, что повышает их латентность, ускоряет масштабирование и затрудняет своевременное выявление и доказывание противоправной деятельности.

Социальная опасность пирамидальных схем во многом определяется тем, что они воздействуют на широкие слои населения, включая социально уязвимые группы, и формируют у граждан психологически привлекательную иллюзию «быстрого и гарантированного дохода». На ранних стадиях организаторы поддерживают доверие демонстративными выплатами, псевдоотчетностью и активным информационным сопровождением, вследствие чего участие воспринимается как допустимый инвестиционный риск, а не как заведомо сомнительная модель. Когда же схема прекращает существование, массовые потери средств превращаются в источник социальной фрустрации, рост конфликтности в семьях и коллективах, а в отдельных случаях – в публичное недовольство и протестные настроения. По этой причине финансовые пирамиды следует оценивать не только как форму экономической преступности, но и как фактор социальной дестабилизации, способный порождать вторичные криминогенные риски и подрывать основы общественного доверия и правопорядка.

С криминологической точки зрения финансовые пирамиды обоснованно рассматриваются как специфическая форма организованной экономической преступности, в основе которой лежит целенаправленное перераспределение денежных средств между участниками без осуществления реальной инвестиционной, производственной либо иной экономической деятельности. В отличие от легальных финансовых инструментов, доходность в таких схемах формируется исключительно за счет притока средств новых участников, что предопределяет неизбежность их краха и массовый характер причиняемого ущерба. Правоприменительная практика показывает, что устойчивость пирамидальных структур обеспечивается заранее выстроенной иерархией ролей, распределением функций между организаторами, координаторами и активными вовлечателями, а также использованием элементов сетевого маркетинга, что придает данным преступлениям признаки организованности и системности.

Функционирование финансовых пирамид неизбежно сопровождается систематическим введением граждан в заблуждение относительно реальных источников дохода и финансовой устойчивости проекта. Достигается это за счет намеренного искажения информации, подмены экономических понятий, демонстрации фиктивной отчетности и апелляции к якобы «инновационным» или «социально ориентированным» моделям деятельности. С точки зрения практикующего юриста важно отметить, что данное заблуждение носит не случайный, а управляемый характер: оно формируется и поддерживается на протяжении всего жизненного цикла схемы и направлено на минимизацию критического восприятия информации со стороны участников. В результате значительная часть потерпевших длительное время не осознает противоправный характер происходящего, что способствует латентности преступления, затрудняет своевременное обращение в правоохранительные органы и осложняет процесс доказывания по уголовным делам данной категории [1].

Криминогенный потенциал финансовых пирамид носит комплексный характер и проявляется не только в факте причинения имущественного ущерба, но и в воспроизводстве целого ряда негативных явлений, влияющих на состояние правопорядка. Во-первых, пирамидальные схемы объективно повышают уровень латентности экономической преступности: значительная часть участников длительное время не обращается в правоохранительные органы, поскольку сохраняет надежду на возобновление выплат, опасается признать собственную ошибку либо находится под воздействием организаторов, которые используют аргументы о «временных трудностях», «технических сбоях» и «проверках». В практическом плане это означает, что правоохранительные органы получают массив заявлений уже на стадии массового обрушения схемы, когда активы выведены, цифровые следы частично утрачены, а круг причастных лиц требует установления в условиях дефицита доказательственной информации. Во-вторых, крах пирамид нередко запускает цепочку вторичной криминализации: потерпевшие пытаются компенсировать убытки через сомнительные заимствования, незаконное кредитование, расписки под завышенные проценты; возникают конфликты между вкладчиками и «вовлекателями», включая родственников и коллег, что может трансформироваться в угрозы, вымогательство и иные противоправные действия. С точки зрения юриста важно подчеркнуть, что таким образом финансовая пирамида выступает «триггером» последующих правонарушений, формируя криминогенную среду вокруг себя.

Отдельного внимания заслуживает деформирующее влияние участия в финансовых пирамидах на экономическое и правовое поведение граждан. Массовое распространение установок на «быстрый доход без труда» подменяет ценности законной предпринимательской деятельности и профессиональной самореализации ожиданием пассивной прибыли, что в дол-

госрочной перспективе снижает общий уровень финансовой дисциплины и правовой культуры. В социальном измерении последствия проявляются в утрате доверия к финансовой системе и государственным механизмам контроля и защиты прав граждан. Когда значительные группы населения теряют сбережения, это воспринимается не только как частная неудача, но и как свидетельство недостаточной эффективности регулирования и профилактики, что усиливает социальную напряженность. В подобных условиях особенно быстро распространяются конспирологические объяснения, недоверие к официальной информации и обвинительная риторика в адрес институтов государства, что повышает конфликтность в обществе и усложняет профилактическую работу. Именно поэтому финансовые пирамиды следует оценивать не только как форму экономической преступности, но и как фактор социальной дестабилизации, способный подрывать доверие к правопорядку и провоцировать вторичные криминогенные риски [2].

Наибольшую социальную опасность представляют случаи, когда вовлечение в пирамидальные схемы происходит не индивидуально, а через устойчивые социальные группы – семьи, трудовые коллективы, профессиональные сообщества. В юридической практике это проявляется тем, что финансовые решения одного участника фактически перерастают в коллективный риск: используются общие семейные накопления, оформляются кредиты под поручительство близких лиц, берутся займы у коллег, а нередко и вовлекаются новые участники «по доверительным связям». В результате имущественный ущерб перестает быть частным эпизодом и начинает затрагивать экономическое положение нескольких лиц одновременно, что закономерно усиливает конфликтность на микросоциальном уровне. Возникают претензии между родственниками и коллегами, формируются долговые споры, разрушается доверие внутри групп, а отдельные конфликты переходят в плоскость правовых разбирательств. В ряде ситуаций последствия приобретают более широкий, региональный характер: массовые потери населения снижают платежеспособность, повышают кредитную нагрузку домохозяйств, отражаются на локальных потребительских рынках и трудовой мобильности, что в совокупности усиливает социальное напряжение и подрывает устойчивость отдельных территориальных сообществ.

Именно по этой причине финансовые пирамиды следует квалифицировать не только как источник имущественного вреда, но и как фактор кумулятивного деструктивного воздействия на социальную устойчивость и общественную безопасность. Их вред накапливается «волновым эффектом»: первичный ущерб (утрата денег) порождает вторичные последствия (долги, конфликты, снижение доверия к институтам), которые закрепляются в поведении и установках значительных групп населения. Современный этап развития пирамидальных схем дополнительно усложняет ситуацию,

поскольку организаторы активно используют цифровую инфраструктуру. Социальные сети и мессенджеры обеспечивают быстрый охват аудитории и постоянное информационное сопровождение, онлайн-платформы и псевдоинвестиционные приложения создают у участников ощущение легальности и «технологической надежности», а риторика о криптовалютах, алгоритмах и цифровых активах позволяет замаскировать отсутствие реальной экономической деятельности. При этом рекламные механизмы инфлюенсер-маркетинга и «лидеров мнений» снижают критичность восприятия информации, поскольку доверие переносится с содержания предложения на авторитет источника. В практическом плане это означает рост латентности, ускорение масштабирования и повышение сложности выявления организаторов и фиксации доказательственной базы, что требует от правоохранительных органов и профилактических субъектов более оперативных и технологически оснащенных мер реагирования [3].

Цифровая трансформация пирамидальных схем объективно изменила условия совершения и раскрытия преступлений данной категории. Если ранее деятельность пирамид была в большей степени привязана к конкретной территории и физическим офисам, то в современной практике значительная часть операций, коммуникаций и вовлечения осуществляется дистанционно, через онлайн-площадки и мессенджеры. Это размывает территориальные границы преступной активности и позволяет организаторам действовать одновременно в нескольких регионах либо за пределами государства, оставаясь недостижимыми для оперативного реагирования на местном уровне. Одновременно усложняется идентификация фактических организаторов, поскольку публичный «фасад» проекта часто представлен номинальными лицами, а ключевые решения принимаются через распределенную сеть координаторов и цифровые каналы связи. Существенные трудности возникают и на стадии доказывания: цифровое общение носит фрагментарный характер, сведения быстро удаляются, используются закрытые чаты, временные аккаунты и подменные номера, а установление устойчивых преступных связей требует системной цифровой фиксации и верификации данных.

Дополнительный криминогенный эффект создает использование анонимизированных платежных инструментов и трансграничных переводов. Практика показывает, что денежные потоки дробятся, многократно «прогоняются» через цепочки счетов, электронные кошельки и обменные операции, а также переводятся в иные финансовые инструменты, что усиливает латентность и затрудняет последующее взыскание и возмещение ущерба. В результате цифровизация пирамидальных схем формирует качественно новые риски: повышается скорость вовлечения, масштаб ущерба и сложность финансово-аналитической реконструкции событий. Это требует развития современных аналитических инструментов, включая мониторинг цифровых следов, риск-скрининг по совокупности признаков, работу с открытыми источниками и цифровой криминалистикой, а также

устойчивого межведомственного взаимодействия (правоохранительные органы, финансовый регулятор, операторы связи, платежные организации) в пределах правовых процедур.

Эффективное противодействие финансовым пирамидам в таких условиях возможно лишь при комплексном подходе, сочетающем уголовно-правовые, организационно-управленческие и профилактические меры. Уголовно-правовой блок обеспечивает запрет и ответственность, однако он, как правило, вступает в действие уже после формирования значительного массива потерпевших и причинения крупного ущерба. Поэтому ключевое значение приобретает раннее выявление признаков пирамидальной активности, основанное на анализе типичных маркетинговых стратегий (обещания гарантированной доходности, бонусы за привлечение, давление срочности), финансовых потоков (аномальные транзакционные модели, дробление платежей, массовые переводы на однотипные реквизиты) и цифровых коммуникаций (активность в соцсетях, закрытые чаты, единые скрипты убеждения, использование «лидеров мнений»). Организационные меры включают регламентированный обмен информацией, алгоритмы первичной проверки, оперативное ограничение незаконного продвижения и фиксацию цифровых следов на ранней стадии. Профилактический компонент должен быть адресным и технологически адаптированным: граждан необходимо обучать распознавать признаки пирамид не абстрактно, а через реальные сценарии и типовые модели вовлечения, формируя устойчивую привычку правовой и финансовой осторожности в цифровой среде [4].

Повышение финансовой и правовой грамотности населения следует рассматривать как самостоятельное и стратегически важное направление профилактики, поскольку именно виктимологические особенности поведения граждан во многом определяют воспроизводство пирамидальных схем. При этом речь должна идти не о формальном информировании по принципу «перечня признаков», а о формировании устойчивых навыков критической оценки инвестиционных предложений: умения сопоставлять обещаемую доходность с экономической реальностью, проверять правовой статус субъекта, анализировать источники выплат и распознавать манипулятивные модели вовлечения. С позиции практикующего юриста важно подчеркнуть, что значительная часть потерпевших принимает решение на эмоциональной основе – под влиянием доверительных рекомендаций, авторитетов в социальных сетях, эффекта «коллективного участия» и психологического давления срочности. Следовательно, профилактика должна быть адресной и прикладной: через разбор типовых сценариев, примеров из практики, кратких алгоритмов проверки и объяснение правовых последствий участия. В цифровой среде это неизбежно требует активного присутствия государства и правоохранительных органов на тех площадках, где формируется массовое мнение и где происходит вовлечение: в социальных сетях, мессенджерах и на онлайн-платформах. Такое присутствие должно быть не эпизодическим, а системным – с оперативным опроверже-

нием недостоверной информации, разъяснением механизмов защиты, публикацией предупреждений и поддержанием каналов обратной связи для своевременного реагирования на новые схемы.

В целом финансовые пирамиды целесообразно квалифицировать не только как разновидность экономической преступности, но и как фактор социальной дестабилизации, поскольку их последствия выходят за пределы индивидуального имущественного вреда. Массовые потери сбережений подрывают социальную устойчивость, формируют устойчивое недоверие к финансовым институтам и государственным механизмам защиты, деформируют экономическую культуру и провоцируют рост конфликтности в микросоциальной среде. Цифровизация пирамидальных схем усиливает их опасность: расширяется охват аудитории, ускоряется темп вовлечения, повышается латентность финансовых потоков и усложняется доказывание, что объективно затрудняет своевременное пресечение противоправной деятельности. В этих условиях приоритетное значение приобретает комплексная стратегия профилактики, опирающаяся на три взаимосвязанных элемента: раннее выявление по совокупности цифровых и финансовых маркеров, своевременное правовое реагирование в рамках установленной компетенции и формирование устойчивого «социального иммунитета» – способности граждан распознавать риски, критически оценивать инвестиционные предложения и отказываться от участия в схемах, построенных на манипуляции и заведомо нереалистичных обещаниях.

Библиографический список

1. Атабаев Ж. Т., Аубакирова Ф. М., Сагындыкова Р. Е. Қазақстан экономикасының инновациялық дамуындағы инвестициялық – институционалдық фактор // KazEU Khabarshysy/ Vestnik KazEU. 2016. Vol. 113. Issue 6. P. 124–133.

2. Сачков А. Н. Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества : признаки преступного деяния // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 1.

3. Akhmediyev A., Balgozhina M. Corruption component of the signs of an act established by article 217 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan // «Ғылым-Наука», ҚРІІМШ. Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы. 2022. № 2 (73). С. 96–102б.

4. Akhmediyev A., Balgozhina M., Tokubayev K. Study of the Mechanism for the Implementation of Crimes Related to Pyramid Schemes and Methods of Their Prevention // Interdisciplinary Economics and Law. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 231–244. URL: <https://hrcak.srce.hr/313132> (дата обращения: 18.03.2026).

© Ахмадиев А. Б., 2026

Биккинин И. А. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Уфа)

**ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ЭКСТРЕМИЗМУ В УЧРЕЖДЕНИЯХ
СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ
БАШКОРТОСТАНА**

**ISSUES OF ORGANIZING A SYSTEM TO COUNTER EXTREMISM
IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION INSTITUTIONS
IN BASHKORTOSTAN**

Аннотация. В работе рассматриваются проблемы организации эффективной системы противодействия вовлечению обучающихся в экстремистские и террористические организации в организациях среднего профессионального образования Республики Башкортостан. Установлено, что в республике эта система строится на многоуровневой нормативно-правовой основе. Она включает федеральное и региональное законодательство, муниципальное регулирование и внутренние нормативные акты самих образовательных организаций. Основные меры в системе противодействия включают такие составляющие, как разработка комплексных программ и планов; назначение ответственных лиц; систематическое проведение профилактических мероприятий, направленных на формирование гуманистической основы и неприятия деструктивных идеологий. Важным элементом является тесное взаимодействие с правоохранительными органами.

Ключевые слова: противоправное поведение, экстремизм, девиации, деструктивные идеологии, социализация, системность.

Abstract. The paper examines the problems of organizing an effective system of countering the involvement of students in extremist and terrorist organizations in secondary vocational education institutions of the Republic of Bashkortostan. It has been established that this system in the republic is based on a multi-level legal framework. It includes federal and regional legislation, municipal regulations, and internal regulations of the educational institutions themselves. The main measures in the counteraction system include the development of comprehensive programs and plans, the appointment of responsible individuals, and the systematic implementation of preventive measures aimed at fostering a humanistic foundation and rejecting destructive ideologies. Close cooperation with law enforcement agencies is an important element.

Keywords: illegal behavior, extremism, deviations, destructive ideologies, socialization, system approach.

Организация эффективной системы противодействия вовлечению обучающихся в экстремистские и террористические организации представляет собой одну из наиболее актуальных и первостепенных задач для современных образовательных учреждений [2, с. 308]. В этом контексте особое значение приобретает проведение специальных мероприятий, целенаправленно ориентированных на формирование устойчивого иммунитета к деструктивным идеологиям. Однако ключевым фактором успеха в данной работе является профессиональная подготовка педагогических кадров [5, с. 59]. Именно поэтому повышение квалификации преподавателей профессиональных образовательных организаций по проблемам профилактики экстремизма и радикализма в студенческой среде выходит на передний план. Педагогический работник, находясь в постоянном контакте со студентами, зачастую является тем человеком, который в силах своевременно заметить тревожные изменения и повлиять на обучаемых, упредив процесс их вовлечения в деятельность деструктивных культов и экстремистских структур [1, с. 70]. Крайне важно осознавать, что экстремистские организации непрерывно совершенствуют свои методы вербовки и распространения идеологии, придумывая новые способы и используя современные технологии [6, с. 242]. Проведенные нами исследования показывают, что зачастую сюда вовлекают представителей зарубежных диаспор, мигрантов и их семьи [3, с. 9]. Следовательно, педагогические работники и руководители образовательных организаций должны быть постоянно осведомлены о текущих угрозах, актуальных тактиках вербовщиков и эффективных стратегиях противодействия, чтобы адекватно реагировать на вызовы времени и защищать подрастающее поколение.

Организация системы противодействия экстремизму в учреждениях среднего профессионального образования (СПО) Республики Башкортостан базируется на многоуровневой нормативно-правовой основе, включающей федеральное и региональное законодательство, а также внутренние нормативные акты самих образовательных организаций [4, с. 136]. Основные меры в этой сфере включают разработку комплексных программ и планов, назначение ответственных лиц, систематическое проведение профилактических мероприятий, направленных на формирование толерантности и неприятия деструктивных идеологий, а также тесное взаимодействие с правоохранительными органами. В Башкортостане особое внимание уделяется межведомственному взаимодействию. Например, в январе 2025 года на совещании в Уфимском колледже статистики, информатики и вычислительной техники обсуждались вопросы профилактики терроризма и экстремизма в образовательных учреждениях. В мероприятии участвовали представители Антитеррористической комиссии РБ, Министерства образования и науки РБ, Прокуратуры РБ и других ведомств.

Министерство просвещения Республики Башкортостан активно реализует комплексные меры по противодействию идеологии терроризма в образовательных организациях. В 2025 году был утвержден соответствующий план мероприятий, а также проводятся регулярные мониторинги для выявления уязвимых к экстремизму лиц.

16 января 2025 года Министерством просвещения Республики Башкортостан был утвержден комплексный план мероприятий на 2025 год (приказ № 32). План включает:

- разработку и внедрение методических материалов для образовательных организаций;
- организацию профилактических мероприятий в учебных заведениях;
- взаимодействие с правоохранительными органами и другими структурами для своевременного выявления и пресечения экстремистских проявлений.

Среди методических материалов, разработанных или рекомендованных министерством, можно выделить:

- учебно-методическое пособие по противодействию террористическим угрозам в образовательной среде;
- методические рекомендации по организации адресной профилактической работы с лицами, наиболее подверженными воздействию идеологии терроризма;
- материалы для проведения уроков и лекций на тему дроппинга, разработанные региональным центром финансовой грамотности.

В соответствии с Планом мероприятий по реализации Стратегии противодействия экстремизму в Республике Башкортостан раз в полугодие проводится мониторинг по выявлению обучающихся, наиболее уязвимых к воздействию идеологии терроризма и экстремизма. Мониторинг осуществляется в формате тестирования с использованием диагностических инструментариев, разработанных ГАУ ДПО «Институт развития образования Республики Башкортостан», либо авторской методики диагностики диспозиций насильственного экстремизма Давыдовой Д. Г. и Хломовой К. Д.

Тестирование проводится анонимно. Для обучающихся старше 15 лет требуется их информированное согласие, для младших – согласие родителей или законных представителей. Цель мониторинга – определение латентных склонностей к экстремистским проявлениям. При выявлении лиц, склонных к насилию, организуется индивидуальная профилактическая работа с учетом их социально-экономических и возрастных особенностей.

Например, в 2024–2025 учебном году мониторинг проводился в Стерлитамакском профессионально-техническом колледже на основании приказа Министерства образования и науки Республики Башкортостан от 6 февраля 2025 года №165. Он проходил с 17 февраля по 10 марта 2025 года.

В Колледже БГПУ им. М. Акмуллы регулярно проводятся лекции-беседы и профилактические мероприятия по вопросам терроризма, экстремизма и безопасности в цифровой среде: 5 марта 2024 года инспектор по делам несовершеннолетних Управления общественной безопасности по Советскому району г. Уфы провела лекции на темы «Профилактика терроризма и экстремизма» и «Мошенничество: кибермошенничество» для студентов групп 9ПНК-11П-23(27) и 9ИСИП-11П-23(27); 26 января 2024 года в концертном зале вуза состоялась лекция о противодействии идеологии терроризма и экстремизма с участием студентов колледжа и нескольких институтов вуза.

В Уфимском медицинском колледже регулярно проводятся мероприятия, направленные на профилактику экстремизма и терроризма: с 25 ноября по 10 декабря 2025 года состоялся колледжный этап республиканского конкурса творческих работ «Молодежь против терроризма и экстремизма», в рамках которого в группах прошли классные часы и были подготовлены творческие работы – победители награждены, лучшие работы направлены на республиканский этап; 23 сентября 2021 года проведены учения по противодействию терроризму с двумя этапами – инструктаж персонала, проверка системы оповещения и путей эвакуации, а также практическая отработка плана экстренной эвакуации при обнаружении подозрительного предмета, завершившиеся беседой и дополнительным инструктажем по нормативно-правовым актам; помимо этого в колледже размещены информационные материалы о недопустимости распространения идеологий неонацизма и радикального национализма и инструкции по действиям в чрезвычайных ситуациях.

В рамках реализации системы противодействия экстремизму в учреждениях среднего профессионального образования 6 февраля 2024 года в Стерлитамакском политехническом колледже был проведен профилактический семинар, посвященный вопросам противодействия проявлениям экстремизма и терроризма. Мероприятие организовано Координационным центром по противодействию идеологии терроризма и экстремизма Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Участниками семинара выступили студенты и педагогические работники средних профессиональных образовательных учреждений г. Стерлитамака.

Семинар продемонстрировал высокую информационную и практическую ценность. В формате открытого диалога участники получили развернутые ответы на интересующие их вопросы, что свидетельствует об эффективности выбранной формы профилактической работы.

На основе изучения организации системы предотвращения экстремизма в средних профессиональных учебных заведениях сделаем следующие заключения об элементах структуры, способах взаимодействия и ответственности осуществляемых действий.

Установлено, что в республике эта система строится на многоуровневой нормативно-правовой основе. Она включает федеральное и регио-

нальное законодательство, муниципальное регулирование и внутренние нормативные акты самих образовательных организаций. Основные меры в системе противодействия включают такие составляющие как разработка комплексных программ и планов; назначение ответственных лиц; систематическое проведение профилактических мероприятий, направленных на формирование гуманистической основы и неприятия деструктивных идеологий. Важным элементом является тесное взаимодействие с правоохранительными органами.

Библиографический список

1. Ахметьянова И. Р., Биккинин И. А. Педагогические и правовые аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних в общеобразовательных организациях // Этнопедагогика как ресурс воспитания и становления личности через приобщение к традиционной родной культуре (XIX Акмуллинские чтения) : материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 29 ноября 2024 года. Уфа : Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2024. С. 70–72.

2. Мошнина М. Д. Делинквентное поведение: понятие, проблемы профилактики // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2022. № 1-3 (62). С. 308–311.

3. Правовые основы пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации: тенденции к совершенствованию : монография / И. А. Биккинин, Г. Ю. Каримова, А. И. Алимова. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2025. 80 с. Материал опубликован не был.

4. Сазонов, И. С. Вопросы профилактики терроризма в учреждениях общего образования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 136–146.

5. Хакимова К. И. Роль психолога в противодействии буллингу как инструменту формирования иерархии в коллективе воспитанников детских домов // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2025. № S4 (57). С. 59–62.

6. Тетенова Д. М. Проблемы профилактики преступлений несовершеннолетних // Этнопедагогика как ресурс воспитания и становления личности через приобщение к традиционной родной культуре (XIX Акмуллинские чтения) : материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 29 ноября 2024 года. Уфа : Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2024. С. 242–243.

© Биккинин И. А., 2026

Васильченко А. В. – доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук (Россия, г. Уфа)

**ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА КОМПЛЕКСНЫХ
ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

**ISSUES OF APPOINTING AND CONDUCTING COMPREHENSIVE
PSYCHOLOGICAL AND PSYCHIATRIC EXAMINATIONS
IN CRIMINAL CASES INVOLVING TERRORIST NATURE**

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее распространенные проблемы процессуального и методологического характера, возникающие при назначении и производстве психолого-психиатрических экспертиз, назначаемых по статьям 205–205.5 Уголовного кодекса Российской Федерации. Проведен всесторонний анализ правовых, методологических и организационных аспектов назначения и производства комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам террористической направленности, а также формулирование выводов и практических рекомендаций для повышения эффективности экспертной деятельности.

Ключевые слова: терроризм, судебная экспертиза, психиатр, психолог, специальные знания.

Abstract. This article examines the most common procedural and methodological issues that arise when ordering and conducting psychological and psychiatric examinations under Articles 205–205.5 of the Criminal Code of the Russian Federation. A comprehensive analysis of the legal, methodological, and organizational aspects of ordering and conducting comprehensive forensic psychological and psychiatric examinations in terrorism-related cases is provided, along with conclusions and practical recommendations for improving the effectiveness of expert assessments.

Keywords: terrorism, forensic examination, psychiatrist, psychologist, specialized knowledge.

В 2025 году продолжилась тенденция к росту числа граждан осужденных судами первой инстанции Российской Федерации за преступления террористического характера (в сравнении с 2024 годом: за совершение террористического акта рост на 483 % и за содействие террористической деятельности, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, захват заложника увеличение на 48 %) [1]. Общественная

опасность деяний террористического характера обуславливает необходимость совершенствования процессуальных и криминалистических средств противодействия им.

Специфика террористического акта как преступления, детерминированного сложным сплетением социальных, идеологических, психологических и нередко патопсихологических факторов, требует интегративного подхода к оценке личности обвиняемого [2, с. 47].

Обладая специальными знаниями, специалисты в области психиатрии и психологии способны внести значительный вклад в исследование обстоятельств преступления, получению новых данных, оценке доказательств, и как следствие, вынесению законных и гуманных решений, что указывает на необходимость применения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в качестве доказательства по данной категории уголовных дел. Однако содержание приговоров судов по уголовным делам террористического характера указывает на то, что привлечение специалистов в данных областях осуществлялось далеко не всегда, в результате чего, в ряде случаев комплексная психолого-психиатрическая экспертиза в отношении обвиняемых не назначалась [3, с. 78]. Помимо вышеизложенного, следует также отметить такие перманентные проблемы, как: ненадлежащее предоставление материалов на экспертизу и несвоевременное и (или) не в полном объеме предоставление дополнительных материалов по запросу эксперта, что не способствует сокращению сроков проведения экспертизы.

Целью данной работы является всесторонний анализ правовых, методологических и организационных аспектов назначения и производства комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам террористической направленности, а также формулирование выводов и практических рекомендаций для повышения эффективности экспертной деятельности.

Предметом комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по данной категории дел является установление психического состояния подозреваемого (обвиняемого), его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими (вменяемость), а также выявление психологических особенностей, значимых для квалификации деяния и назначения наказания.

Основанием для назначения является возникновение сомнения в психическом здоровье или полноценности психического развития лица, совершившего деяние террористической направленности. Ввиду тяжести последствий и специфики мотивации, основаниями часто служат:

1. Данные о наличии у лица психических расстройств в анамнезе.
2. Наблюдаемые странности в поведении, высказываниях, эмоциональных реакциях.

3. Факты употребления психоактивных веществ.

4. Участие в деструктивных культах и экстремистских организациях, предполагающих изменение сознания.

Производство комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы осуществляется комиссией экспертов, в состав которой входят судебные психиатры и судебные психологи. Ключевым принципом является комплексность. Эксперты совместно анализируют одни и те же объекты (материалы дела, данные анамнеза, результаты клинического интервью и экспериментально-психологического исследования), формулируя синтезированный вывод.

Сложность комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по данной категории дел обусловлена необходимостью разграничения идеологической мотивации и психопатологии.

Судебно-психиатрическая оценка направлена на решение вопроса о вменяемости или ограниченной вменяемости подэкспертного. Эксперты исследуют наличие:

1) невменяемости (наличие психических расстройств, входящих в одну из 4 групп отклонений, составляющих медицинский критерий невменяемости, а также полного юридического критерия (невозможности осознавать фактический характер своих действий (бездействий) и (или) руководить ими в момент совершения противоправного деяния):

2) ограниченной вменяемости: наличие любого психического расстройства, а также неполного юридического критерия невменяемости (невозможности в полной мере осознавать фактический характер своих действий (бездействий) и (или) руководить ими в момент совершения противоправного деяния);

3) у несовершеннолетних: отставания в психическом развитии не связанного с психическим расстройством, а также неполного юридического критерия невменяемости.

Кроме того, психиатрами решается вопрос о необходимости применения принудительных мер медицинского характера.

Согласно исследования, проведенным Т. Е. Евдокимовой [4, с. 107] «у 56 % подэкспертных по делам террористической направленности не выявлено признаков психического расстройства во время совершения инкриминируемого преступного деяния, у 36 % подэкспертных в выборке диагностировано психическое расстройство. Среди установленных диагнозов значились легкое когнитивное расстройство, различные варианты расстройств личности (эмоционально неустойчивое, шизоидное, смешанное), пагубное употребление алкоголя, а также параноидная и недифференцированная формы шизофрении». Вышеуказанные данные подтверждают необходимость привлечения психиатров в качестве специалистов по делам подобного рода.

В задачи судебного психолога входят:

1) исследование мотивационной сферы. Выявление ведущих мотивов: идеологические (религиозный фанатизм), личностно-смысловые (поиск идентичности, самоутверждение), корыстные, месть;

2) анализ психологических механизмов радикализации. Исследование таких феноменов, как «мораторий идентичности», когнитивные искажения (дегуманизация жертвы, разделение мира на «своих» и «чужих»), сужение временной перспективы;

3) оценка эмоционального состояния. Дифференциация физиологического аффекта от эмоциональных состояний, не достигших степени аффекта, но существенно влиявших на поведение;

4) выявление индивидуально-психологических особенностей. Акцентуации характера, уровень интеллекта, внушаемость, склонность к подчинению авторитету – факторы, способствовавшие вовлечению в террористическую деятельность.

Наиболее сложным является разграничение: совершено ли деяние под влиянием психопатологического бреда (бредовые идеи величия, реформаторства, преследования) или под влиянием глубоко усвоенной, но не связанной с психозом деструктивной идеологии (квазирелигиозный фанатизм). Ответ на этот вопрос напрямую влияет на решение о вменяемости.

Анализ экспертной практики позволяет выделить ряд проблем:

1. Противодействие работе экспертов. Высокая идеологизированность обвиняемых, их установка на сокрытие истинных мотивов и симуляцию (диссимуляцию) психических расстройств.

2. Дефицит валидизированных методик. Недостаток специализированных психодиагностических инструментов для оценки уровня религиозного фанатизма, степени вовлеченности в деструктивный культ, склонности к насилию на почве экстремизма.

3. Сложность интерпретации. Трудности в разграничении культурно обусловленных особенностей мировоззрения и патологии (например, при экспертизе лиц, воспитанных в радикальной религиозной среде с детства).

4. Высокая эмоциональная нагрузка на экспертов. Изучение материалов сцен насилия, жестокости, а также непосредственный контакт с данной категорией подследственных.

Таким образом, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по делам террористической направленности является важнейшим процессуальным действием, обеспечивающим полноту и объективность предварительного и судебного следствия. Предмет экспертизы имеет сложную структуру, интегрирующую психиатрические (нозологическая оценка) и психологические (мотивация, личностные особенности, эмоциональное состояние) компоненты. Ключевой экспертной задачей является дифференциальная диагностика между патологическими формами мотивации (бред, галлюцинации) и психологическими механизмами радикализации и фанатизма, не исключающими вменяемости. Существующая практи-

ка сталкивается с серьезными вызовами, включая противодействие экспертов, методологический дефицит и высокую сложность интерпретации полученных данных.

Это обуславливает необходимость:

1. Разработки и валидации специализированного психодиагностического инструментария для оценки рисков экстремистского поведения и глубины идеологической вовлеченности.

2. Создания методических рекомендаций для экспертов по дифференциации признаков патологической (бредовой) и непатологической (идеологической) мотивации террористических актов.

3. Обеспечения обмена опытом различных регионов для унификации подходов при расследовании уголовных дел террористической направленности.

Библиографический список

1. Судебный департамент при Верховном суде Российской. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291> (дата обращения: 18.03.2026).

2. Идрисов К. А. Социально-психологические установки в мотивационно-потребностной сфере и их взаимосвязь со стилями совладания у лиц, совершивших преступления террористической направленности // Живая психология. 2022. Т. 9, № 3 (35). С. 47–55.

3. Китаев Н. Н. Возможности использования судебной психологической и судебной психолого-психиатрической экспертиз при изобличении террористов // Теория и практика установления лица, совершившего преступление: уголовно-процессуальный, криминалистический, оперативно-розыскной аспект : сборник статей XXI Международной научно-практической конференции, Барнаул, 26 мая 2023 года. Барнаул : Алтайский государственный университет, 2023. С. 78–82.

4. Евдокимова Т. Е. Судебно-психиатрическая экспертиза по уголовным делам террористической направленности : клинико-социальные характеристики подэкспертных, анализ экспертного случая // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. 2024. Т. 17, № 1 (168). С. 102–110.

© Васильченко А. В., 2026

Выходов А. А. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук (Россия, г. Орел)

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

LEGAL MEANS OF ENSURING IDEOLOGICAL SECURITY

Аннотация. В статье исследуется понятие и система правовых средств обеспечения идеологической безопасности как одного из ключевых направлений государственной политики в современных условиях. На основе анализа теоретических подходов к пониманию правовых средств и сущности идеологической безопасности автор выделяет особенности правового инструментария, используемого для защиты национальных интересов в идеологической сфере. Рассматриваются нормативные правовые акты, правореализационные средства, а также институциональные механизмы, обеспечивающие функционирование системы идеологической безопасности. Особое внимание уделяется соотношению правовых средств предупредительного, охранительного и восстановительного характера. Делается вывод о необходимости формирования целостной системы правовых средств, учитывающей специфику идеологической безопасности как комплексного социально-политического явления.

Ключевые слова: идеологическая безопасность, правовые средства, национальная безопасность, правовое регулирование, противодействие экстремизму, традиционные ценности.

Abstract. The article explores the concept and system of legal means of ensuring ideological security as one of the key areas of state policy in modern conditions. Based on an analysis of theoretical approaches to understanding legal means and the essence of ideological security, the author highlights the features of the legal tools used to protect national interests in the ideological sphere. The article examines regulatory legal acts, legal implementation tools, and institutional mechanisms that ensure the functioning of the system of ideological security. Special attention is paid to the relationship between preventive, protective, and restorative legal means. The article concludes that it is necessary to form a comprehensive system of legal means that takes into account the specifics of ideological security as a complex socio-political phenomenon.

Keywords: ideological security, legal means, national security, legal regulation, countering extremism, and traditional values.

Современные геополитические условия характеризуются обострением идеологического противоборства, усилением информационного воздействия на общественное сознание и ростом числа попыток дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в различных государствах. В этой связи проблема обеспечения идеологической безопасности приобретает особую актуальность для Российской Федерации столкнувшихся с целенаправленной политикой отдельных западных стран по размыванию традиционных ценностей, фальсификации истории и формированию деструктивных идеологических установок [4, с. 152; 5, с. 170].

Традиционно проблема обеспечения национальной безопасности рассматривается преимущественно сквозь призму политических, экономических и военных аспектов, однако, вместе с тем анализ научной литературы свидетельствует о возрастающем интересе исследователей к духовно-идеологической составляющей безопасности государства [4; 6; 7]. При этом, как справедливо отмечает М. П. Оксенюк, идеологическая безопасность представляет собой сложное, многогранное социально-политическое и духовное явление, отражающее комплекс идеологических, информационных и социально-политических процессов, направленных на охрану и защиту национальных интересов в идеологической сфере [4, с. 156].

Несмотря на значительное количество работ, посвященных как общим вопросам идеологической безопасности, так и отдельным аспектам противодействия экстремизму, проблема правовых средств ее обеспечения, используемых государством для защиты идеологической сферы, и особенности их применения в современных условиях, требует более внимательного исследования

Прежде чем обратиться непосредственно к правовым средствам обеспечения идеологической безопасности, необходимо определиться с пониманием категории «правовые средства» в современной юридической науке. Как отмечают А. В. Шабуров и Р. Л. Иванов, понятие «средства» является общенаучным, трактуемым в философско-методологическом смысле как «все то, что необходимо для реализации цели и служит ей, имея смысл именно в этой связи» [1, с. 43]. Средства выступают в качестве связующего звена между субъектом и объектом его деятельности, направленной на достижение определенного результата. Применительно к юридической науке, также необходимо отметить несколько основных доминирующих подходов к пониманию правовых средств.

Первый, «инструментальный», подход С. С. Алексеева заключается в понимании правовых средств как институциональные явления правовой действительности, воплощающих регулятивную силу права, которым принадлежит роль ее активных центров [1, с. 44]. В данном аспекте правовые

средства не являются действиями юридического характера, а проявлением юридической реальности. Противоположной точки зрения придерживался Б. И. Пугинский, акцентирующий внимание именно на деятельностном их аспекте, рассматривая правовые средства как сочетания юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей [2, с. 27]. И, наконец, в качестве интегративного подхода, следует признать позицию А. В. Малько, о том, что правовые средства определяются как правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологиях), при помощи которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей [2, с. 27; 3, с. 44]. Думается, что подобная позиция, разделяющая правовые средства на средства-установления и средства деяния, наиболее удачно подходит для характеристики рассматриваемой проблематики в контексте обеспечения идеологической безопасности, так как учитывает как нормативную правовую основу регулирования, так и практическую деятельность по реализации правовых предписаний. В этой связи, хотелось бы обратить внимание на том, что непосредственный юридический результат применения правового средства является промежуточным по отношению к планируемому конечному результату, что особенно важно учитывать в контексте обеспечения идеологической безопасности.

Применительно к пониманию содержания идеологической безопасности также необходимо отметить ряд доминирующих подходов в современной теории права и государства. Например, С. Ю. Поярков рассматривает идеологическую безопасность как способность государственной власти при любых условиях обеспечить эффективное функционирование государства в существующих идеологических условиях [4, с. 153]. Л. В. Вонсович определяет ее как способность государственной власти обеспечивать эффективное функционирование государственного механизма в существующих общественных условиях, разрешать существующие идеологические противоречия [4, с. 155]. Также заслуживает внимание мнение Л. В. Солодовник, о раскрытии сущности идеологической безопасности через категории идеологического пространства, социальной реальности, нейтрализации идеологических угроз, защиты национальных интересов в идеологической сфере [5, с. 171]. Е. А. Ходаковский раскрывает данное понятие как свойство идеологической сферы, охватывающей идеалы, ценности, образы, символы, культурно-исторические традиции, воспроизводства идеологического суверенитета, обеспечивающего возможность самобытного развития социально-политической системы [6, с. 61]. Представленные определения не противоречат, а напротив, взаимодополняя друг друга, отражают разные сущностные аспекты содержания идеологической безопасности, в основе которой, как самостоятельного вида национальной безопасности, заключается состояние защищенности национальных инте-

ресов в идеологической сфере. Несмотря на то, что в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года прямо не используется термин «идеологическая безопасность», но анализ ее содержания позволяет сделать вывод о том, что защита традиционных духовно-нравственных ценностей, исторической памяти, культурного суверенитета фактически и составляет содержание идеологической безопасности [5, с. 172].

Признавая неразрывную связь отдельных видов национальной безопасности между собой, важно подчеркнуть, что и правовые средства их обеспечения, в том числе и идеологической безопасности, характеризуются комплексным характером и по функциональному назначению могут быть подразделены на средства предупредительного (профилактического), охранительного и восстановительного характера. Предупредительные правовые средства направлены на недопущение возникновения угроз идеологической безопасности. К ним относятся правовые нормы, закрепляющие основы государственной политики в сфере сохранения и укрепления традиционных ценностей. В качестве примера можно привести Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который определяет систему ценностей, подлежащих защите, и механизмы реализации государственной политики в данной сфере. Сюда же следует отнести нормы, регулирующие деятельность институтов гражданского общества, участвующих в формировании мировоззренческих установок, включая образовательные организации, учреждения культуры, религиозные объединения, а также требования к содержанию образования, направленные на формирование у обучающихся гражданской идентичности, патриотизма, уважения к культурному и историческому наследию, а также правовые механизмы, обеспечивающие сохранение и развитие языков народов Российской Федерации, защиту русского языка как государствообразующего. На значимость патриотизма в данном аспекте обращает внимание А. П. Погорелый, раскрывая его как центральную духовную ценность, определяющую устойчивость национальной безопасности [5, с. 172].

Охранительные правовые средства призваны пресекать противоправные посягательства на идеологическую безопасность. Данная группа средств включает нормы об административной и уголовной ответственности за правонарушения экстремистской направленности. Как отмечает Т. В. Прокофьева, в обновленной Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации 2024 года понятие «проявления экстремизма» дополнено указанием на общественно опасные действия, направленные на умышленное искажение истории, реабилитацию нацизма, а также иные публичные действия по разжиганию ненависти [8, с. 137]. К числу охранительных относятся нормы, устанавливающие ответственность за возбуж-

дение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), реабилитацию нацизма (ст. 354¹ УК РФ), а также нормы, предусматривающие ответственность за распространение экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ). Особую группу составляют правовые средства ограничительного характера, такие как блокировка интернет-ресурсов, содержащих информацию экстремистского характера, включение материалов в федеральный список экстремистских материалов, запрет деятельности экстремистских организаций. По справедливому замечанию Р. А. Ким, уголовно-правовые средства противодействия экстремизму охватывают как индивидуальные, так и организованные формы экстремистской активности, включая вербальные, идеологические и практические проявления [10, с. 184]. При этом важно соблюдать баланс между необходимостью обеспечения государственной безопасности и соблюдением конституционных прав граждан.

Восстановительные правовые средства направлены на минимизацию последствий идеологических угроз и восстановление нарушенного состояния защищенности. К ним можно отнести механизмы компенсации морального вреда, причиненного распространением порочащих сведений, унижением национального или религиозного достоинства, обязательные требования к опубликованию опровержений сведений, не соответствующих действительности, а также меры по ресоциализации лиц, подвергшихся деструктивному идеологическому воздействию.

Как было уже отмечено выше, по форме выражения правовые средства обеспечения идеологической безопасности, разделяются на средства-установления и средства-деяния.

Средства-установления представлены комплексом норм и положений, содержащихся в нормативных правовых актах (Конституции, ФКЗ, ФЗ, Указах Президента и др.), документах стратегического планирования, международных договоров, касающихся рассматриваемой сферы. Например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года традиционные духовно-нравственные ценности упоминаются в различных контекстах в нескольких статьях, при этом их укрепление рассматривается как национальный интерес, а их защита – как стратегический национальный приоритет [5, с. 171].

Средства-деяния включают как правотворческую деятельность уполномоченных органов по созданию и совершенствованию нормативной правовой базы в сфере идеологической безопасности, так и правоприменительную деятельность государственных органов, направленную на реализацию правовых предписаний и пресечение нарушений. Как отмечают Л. М. Алланина и И. В. Изюмов, важным направлением деятельности органов внутренних дел выступает предупреждение правонарушений экстремистской и террористической направленности, включающее выявление лиц, способных совершить такие правонарушения, и проведение индиви-

дуальной профилактической работы [9, с. 2]. К средствам-действиям также относятся интерпретационная деятельность высших судебных органов, обеспечивающая единообразие в понимании и применении норм (например, об ответственности за экстремистские проявления), деятельность институтов гражданского общества (например, в реализации правовых предписаний в сфере укрепления межнационального и межконфессионального согласия), а также судебная деятельность по рассмотрению дел, связанных с защитой идеологической безопасности.

Важной особенностью правовых средств обеспечения идеологической безопасности является их тесная взаимосвязь со средствами обеспечения информационной безопасности. Как справедливо отмечает ряд исследователей, производство и распространение информации является методом воздействия на ценностную, идейно-мировоззренческую сферу общества, а сама информация выступает средством воздействия на идеологию как форму общественного сознания [4; 7]. В этой связи особое значение приобретают правовые средства, направленные на регулирование информационных отношений в части, касающейся защиты идеологической сферы, включая нормы, ограничивающие распространение информации, наносящей вред духовно-нравственному развитию личности, требования к деятельности средств массовой информации, направленные на недопущение пропаганды экстремизма, насилия, расовой и религиозной нетерпимости, а также механизмы противодействия распространению недостоверной общественно значимой информации, искажающей историческую правду, дискредитирующей органы государственной власти.

К особенностям также правовых средств обеспечения идеологической безопасности следует отнести их комплексный характер, предполагающий их закрепление в различных отраслях законодательства, что в свою очередь предопределяет необходимость координации нормотворческой и правоприменительной деятельности, обеспечения внутреннего единства и согласованности правового регулирования в государстве.

Важно понимать, что подлинная эффективность правовых средств обеспечения идеологической безопасности во многом зависит от их адекватности существующим угрозам. Как отмечается в обновленной Стратегии противодействия экстремизму 2024 года, перечень внешних экстремистских угроз расширен за счет включения финансирования экстремистской деятельности со стороны недружественных государств, а также инициирования «цветных революций» [8, с. 138]. Соответственно, и правовые средства должны быть адаптированы к противодействию данным угрозам.

Вместе с тем определенную теоретико-практическую проблему вызывает отсутствие в действующем законодательстве легального определения понятия «идеологическая безопасность», что во много затрудняет формирование целостной системы правовых средств ее обеспечения. Представляется целесообразным закрепление данного понятия в документах стратегического планирования с определением его содержания, струк-

туры и места в системе национальной безопасности. Помимо этого, необходимо также отметить существующую разобщенность правовых средств, регулирующих смежные отношения, что, в свою очередь, актуализирует вопрос об их систематизации и координации на основе единых концептуальных подходов. Представляется, что во многом также сохраняется проблема разграничения уголовной и административной ответственности за деяния, посягающие на идеологическую безопасность [8, с. 138], а сам правовой механизм противодействия распространению экстремистской идеологии в сети Интернет, включая использование технологий искусственного интеллекта для выявления противоправного контента и оперативного реагирования на угрозы требует совершенствования и более активного внедрения, наряду с усилением профилактической направленности правовых средств, развитием механизмов правового просвещения и воспитания, формированием у граждан устойчивого иммунитета к деструктивным идеологическим воздействиям.

Таким образом, правовые средства обеспечения идеологической безопасности представляют собой систему правовых установлений и основанных на них юридически значимых деяниях, направленных на защиту национальных интересов в идеологической сфере, сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, исторической памяти, культурного суверенитета, противодействие экстремистским проявлениям и деструктивным идеологическим воздействиям. Система правовых средств обеспечения идеологической безопасности классифицируется по функциональному назначению на предупредительные, охранительные и восстановительные, по форме выражения на средства-установления и средства-деяния. Данные средства находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, образуя единый правовой механизм. Особенности правовых средств обеспечения идеологической безопасности являются их комплексный межотраслевой характер, тесная связь со средствами информационной безопасности, зависимость от характера существующих угроз, необходимость обеспечения баланса между защитой национальных интересов и соблюдением конституционных прав и свобод граждан. Дальнейшее совершенствование правовых средств обеспечения идеологической безопасности должно быть направлено на законодательное закрепление понятийного аппарата, систематизацию и координацию правового регулирования смежных отношений, развитие профилактических механизмов, адаптацию к новым вызовам и угрозам, включая распространение экстремистской идеологии в цифровой среде.

Библиографический список

1. Алланина Л. М. Административно-правовые и организационные средства противодействию экстремизму // Human Progress. 2025. Т. 11, № 4.

2. Дорофеев А. В. Правовые средства и правовые стимулы: к вопросу о соотношении понятий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73), № 2. С. 26–30.

3. Ким Р. А. Уголовно-правовые средства противодействия экстремизму // Вестник науки. 2025. Т. 4, № 10 (91). С. 183–188.

4. Мантуров О. С., Килимник Е. В. Идеологическая безопасность России : от концепта к воплощению // Общество, право, государственность : ретроспектива и перспектива. 2025. № 4 (24). С. 122–130.

5. Оксенюк М. П. Идеологическая безопасность в системе национальной безопасности государства // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2024. Т. 16, № 3. С. 151–157.

6. Погорелый А. П. Духовно-идеологическая безопасность как элемент национальной безопасности Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 6. С. 169–174.

7. Прокофьева Т. В. Противодействие экстремизму : современные угрозы и ответные организационно-правовые меры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2025. № 4 (857). С. 135–140.

8. Ходаковский Е. А. Идеологическая безопасность России : проблемы и перспективы // Вестник Российской нации. 2023. № 5 (91). С. 60–67.

9. Цветков И. В. О понятиях «правовая работа» и «правовое средство» // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 3. С. 42–60.

10. Шабуров А. В., Иванов Р. Л. Средства правового регулирования и правовые средства: вопросы соотношения понятий // Вестник. Государство и право. 2023. № 3 (38). С. 43–47.

© Выходов А. А., 2026

Габдуллина А. Р. – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

**ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ОТНОШЕНИЙ
СОБСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ
ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА**

**LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTING PROPERTY RELATIONS
IN THE TERRORIST FINANCING SYSTEM**

Аннотация. В статье рассматриваются правовые механизмы защиты отношений собственности в системе противодействия финансированию терроризма. Право собственности анализируется как фундаментальный институт, обеспечивающий устойчивость экономических и социальных связей, а также как объект повышенного публично-правового воздействия в условиях усиления террористических угроз. Особое внимание уделяется соотношению частноправовых гарантий неприкосновенности собственности и публичных интересов государства в сфере обеспечения безопасности. Обосновывается вывод о том, что защита отношений собственности в данной сфере носит комплексный характер и реализуется посредством сочетания уголовно-правовых, административно-правовых и финансово-правовых инструментов.

Ключевые слова: право собственности, финансирование терроризма, государственно-правовое обеспечение, правовые механизмы защиты.

Abstract. The article examines the legal mechanisms for protecting property relations in the system of countering the financing of terrorism. Property rights are analyzed as a fundamental institution that ensures the stability of economic and social relations, as well as as an object of increased public legal influence in the context of increasing terrorist threats. Special attention is paid to the relationship between private legal guarantees of property inviolability and the public interests of the state in the field of security. The article concludes that the protection of property relations in this area is a complex process that involves a combination of criminal, administrative, and financial legal instruments.

Keywords: property rights, financing of terrorism, state legal regulation, and legal protection mechanisms.

Право собственности традиционно рассматривается в теории права как один из фундаментальных институтов, обеспечивающих устойчивость

экономических и социальных связей в обществе. Его значение выходит далеко за рамки частноправового регулирования, поскольку стабильность имущественных отношений является необходимым условием реализации иных конституционных прав и свобод, а также функционирования государства в целом. В условиях усиления угроз террористического характера и расширения системы противодействия финансированию терроризма отношения собственности приобретают особую значимость, поскольку именно имущественная сфера становится объектом повышенного публично-правового воздействия. Это обуславливает необходимость теоретического осмысления правовых механизмов защиты отношений собственности в рамках антитеррористической политики государства.

В законодательстве Российской Федерации преобладает уголовная ответственность за совершение деяний террористической направленности, и Уголовный кодекс Российской Федерации содержит целый ряд составов указанного преступления. Преобладание уголовной ответственности в данном контексте представляется весьма оправданным в силу масштабы негативных последствий терроризма.

Частью 1 статьи 15.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [4] установлена административная ответственность за предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, если они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из указанных преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений. Указанное влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от десяти миллионов до шестидесяти миллионов рублей.

Правовые механизмы защиты отношений собственности в системе финансирования терроризма включают меры, которые позволяют выявлять, отслеживать и оценивать преступное имущество, приостанавливать или отказывать в проведении транзакций, принимать следственные меры, замораживать и арестовывать имущество, конфисковывать его.

В России указанный механизм регламентируется Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [8].

Некоторые меры, которые входят в этот механизм:

1) организация внутреннего контроля (идентификация клиентов, определение целей финансово-хозяйственной деятельности, финансового

положения и деловой репутации клиентов, оценка риска совершения подозрительных операций);

2) обязательный контроль (осуществляется Росфинмониторингом на основании информации, которую ему предоставляют организации, осуществляющие операции с имуществом);

3) замораживание активов;

4) ответственность.

Первостепенное значение в противодействии террористической деятельности имеет выявление и устранение источников спонсирования деструктивных организаций, что позволяет минимизировать последствия действий террористических и экстремистских группировок. Из этого следует, что повышение эффективности системы обнаружения и пресечения источников финансирования терроризма – ключ к устранению террористической деятельности в обществе. Следует отметить, что источники финансирования терроризма чрезвычайно разнообразны, они бывают как законные, так и незаконные [2].

Противодействие финансированию терроризма представляет собой сложный правовой комплекс, включающий нормы уголовного, финансового, административного, банковского и международного права. В то же время данные меры неизбежно затрагивают основы гражданско-правового регулирования, прежде всего институт права собственности. Замораживание активов, приостановление финансовых операций, конфискация имущества, расширение контроля за сделками – все эти меры, направленные на защиту публичной безопасности, оказывают прямое воздействие на имущественную сферу и могут затрагивать интересы не только лиц, причастных к террористической деятельности, но и добросовестных собственников. С позиции теории права данная ситуация отражает классическую проблему соотношения публичных и частных интересов, требующую поиска справедливого и правового баланса.

Особое значение приобретает анализ правовой природы ограничений права собственности, применяемых в целях противодействия финансированию терроризма. Ограничение права собственности допустимо лишь при соблюдении определенных условий: законности, соразмерности, временного характера и направленности на достижение конституционно значимых целей. Применительно к антитеррористическим мерам эти условия нередко приобретают формальный характер, что создает риск подмены правовых механизмов политической или административной целесообразностью. В теоретико-правовом аспекте это проявляется в ослаблении принципа правовой определенности и снижении уровня доверия к праву как регулятору общественных отношений.

Одним из ключевых механизмов защиты отношений собственности в системе противодействия финансированию терроризма является институционализация процедурных гарантий. К ним относятся судебный кон-

троль за ограничением имущественных прав, возможность обжалования решений уполномоченных органов, презумпция добросовестности участников имущественного оборота, а также четкое нормативное закрепление оснований и пределов вмешательства государства в сферу собственности. Теоретический анализ показывает, что именно процедурные гарантии играют системообразующую роль в обеспечении баланса между публичными и частными интересами, выступая своего рода «буфером» между государственным принуждением и автономией воли собственника.

Существенное значение имеет и вопрос правовой квалификации мер, применяемых в рамках противодействия финансированию терроризма. В теории права до сих пор остается дискуссионным вопрос о соотношении конфискации, специальной конфискации, изъятия и замораживания имущества. Неоднозначность правовой природы указанных институтов порождает проблемы правоприменения и снижает эффективность защиты отношений собственности. С теоретической точки зрения представляется необходимым разграничивать меры ответственности и меры обеспечения публичной безопасности, поскольку смешение данных категорий приводит к размыванию границ правового регулирования и нарушению принципа справедливости.

В контексте правового анализа следует отметить, что усиление государственного контроля за имущественной сферой в условиях угрозы безопасности не является новым явлением. В этом смысле защита отношений собственности выступает не препятствием, а необходимым элементом системы национальной безопасности.

Таким образом, правовые механизмы защиты отношений собственности в системе противодействия финансированию терроризма следует рассматривать как комплекс взаимосвязанных нормативных, институциональных и процедурных средств, направленных на обеспечение баланса публичных и частных интересов. Их совершенствование предполагает не только развитие отраслевого законодательства, но и углубление теоретико-правовых исследований, ориентированных на выявление пределов допустимого вмешательства государства в имущественную сферу. Только при таком подходе возможно формирование устойчивой и справедливой модели правового регулирования, отвечающей задачам как безопасности, так и защиты фундаментальных прав человека.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Теория права. М. : Норма, 2019.
2. Ануфриева К. Ю., Еманова С. С. Вопросы противодействия финансированию терроризма в Российской Федерации // Хроноэкономика. 2022. № 3 (37). С. 17–24.
3. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М. : Норма, 2020.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.02.2026).

5. Мелкумян К. С. ФАТФ в противодействии финансированию терроризма (специфика подхода) // Вестник МГИМО-Университета. № 1. 2014. С. 88–96.

6. Осипов М. Ю. Публичные и частные интересы в праве : теоретико-правовой анализ. М. : Инфра-М, 2018.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.

8. О противодействии (отмыванию) доходов, легализации полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Габдуллина А. Р., 2026

УДК 351.74

Гарина О. В. – старший преподаватель Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук (Россия, г. Орел);

Бабенкова А. И. – курсант Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова (Россия, г. Орел)

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
В ДЕСТРУКТИВНЫХ ЦЕЛЯХ**

**CERTAIN ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES
TO COUNTER THE USE OF SOCIAL NETWORKS
FOR DESTRUCTIVE PURPOSES**

Аннотация. В статье указывается, что социальные сети стали площадкой для представления информации в различном формате, что позволяет маскировать деструктивный контент. Это обуславливает необходи-

мость функционирования многоуровневой системы правоохранительных органов в целях предотвращения рисков цифровой среды.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, полиция, противодействие, социальная сеть, терроризм, экстремизм.

Abstract. The article states that social networks have become a platform for presenting information in various formats, which allows for the masking of destructive content. This necessitates the functioning of a multi-level system of law enforcement agencies in order to prevent the risks of the digital environment.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, police, counteraction, social network, terrorism, extremism.

Социальные сети стали неотъемлемой частью ландшафта гуманитарного знания и творчества XXI века. Они предлагают беспрецедентные возможности для инноваций, демократизации и оживления дискурса. Однако их будущее в этой роли зависит от способности всех участников признать и конструктивно противостоять присущим этим платформам рискам поверхностности, изоляции и поляризации. Только тогда социальные сети смогут реализовать свой потенциал как подлинно открытые, плюралистичные и глубокие пространства для гуманитарного поиска, творчества и взаимопонимания в цифровую эпоху. Гуманитарное знание в социальных сетях – это не данность, а задача, требующая постоянных усилий по сохранению сложности, контекста и диалога в условиях, которые постоянно им угрожают. Социальные сети являются не только полем для гуманитарных практик, но и ареной интенсивного противостояния, требующего от государства и правоохранительной системы постоянной адаптации и развития высокотехнологичного инструментария.

Деструктивные и радикальные идеи оказывают негативное воздействие на сознание граждан, порождают не только отрицательные мысли и чувства, но и выступают в качестве причин противоправного поведения отдельных лиц или социальных групп, угрожая устоям общественной жизни, стабильности и государственного порядка [1, с. 270].

Современные экстремистские и организованные преступные группы активно адаптируются к цифровой среде, используя социальные сети не только для коммуникации, но и как мощный инструмент вербовки, пропаганды, координации и мобилизации. В условиях глобальной цифровизации это создает серьезные вызовы для системы национальной безопасности, что отмечалось в выступлениях Президента Российской Федерации В. В. Путина, подчеркивавшего необходимость опережающего развития правовых и оперативных механизмов защиты информационного пространства России. Актуальность исследований по заявленной тематике обусловлена динамичным развитием технологий, опережающим часто нормотворческую и оперативно-розыскную практику.

Социальные сети предоставляют широкий спектр форматов для подачи контента: короткие видеоролики (TikTok, Reels), мемы, стримы, интерактивные опросы и «сторис». Экстремистские и преступные сообщества мастерски адаптируют эти форматы. Например, пропагандистские ролики террористических организаций, маскирующиеся под мотивационные или исторические видео, используют кинематографические приемы и саундтреки для эмоционального воздействия на молодежь.

Организованные преступные группы, занимающиеся кибермошенничеством или торговлей запрещенными веществами, используют зашифрованный сленг, геймифицированные механики (квесты, розыгрыши) и визуальные коды в «сторис» для рекрутинга курьеров или сбора персональных данных. Использование преступниками высокотехнологичных средств не только для реализации известных преступных схем, но и в целях создания нетрадиционных форм преступной активности, вынуждает правоохранительные структуры оперативно приспосабливать методы раскрытия и расследования, а также внедрять в практику достижения цифровой криминалистики [2, с. 172]. В 2025 г. силами 2-го отдела Главного управления по противодействию экстремизму МВД России была пресечена деятельность экстремистского сообщества, участники которого проводили тренировки и собрания, где обсуждали варианты совершения насильственных действий по национальному признаку [3]. В 2025 г. МВД пресекло деятельность двух Telegram-каналов мошенников, которые ежедневно использовали более 1 000 арендованных аккаунтов в мессенджерах для обмана граждан России [4].

Противодействие такому контенту осуществляется в рамках Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [5] и Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6]. Ключевую роль играет сотрудничество с администрациями социальных сетей на основе Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [7].

Вызовы, порождаемые социальными сетями, обусловили формирование в России развитой системы государственного регулирования и активной правоприменительной практики.

На основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» Роскомнадзор осуществляет мониторинг соцсетей на предмет запрещенного контента, содержащего признаки экстремизма и пропаганды наркотиков, призывы к участию в несанкционированных акциях и т. д. В случае выявления нарушений направляются уведомления владельцам ресурсов о необходимости удаления информации. Неисполнение такого обязательства ведет к административной ответственности по ст. 13.41 КоАП РФ [8]

с наложением штрафов, а впоследствии – к частичной или полной блокировке ресурса на территории Российской Федерации по решению суда.

Приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» [9] определяет в качестве направления профилактики органами внутренних дел противодействие терроризму и экстремистской деятельности. Сотрудники полиции выявляют, документируют и пресекают экстремистскую деятельность в сети. Такая деятельность осуществляется во взаимодействии с Роскомнадзором и большей частью в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий. ФСБ России, в рамках своих полномочий по противодействию терроризму и шпионажу, издает внутренние нормативные акты, регламентирующие мониторинг и анализ информационных угроз. На практике сотрудничество МВД и ФСБ в киберсфере осуществляется в рамках межведомственных оперативных штабов.

Таким образом, государственный ответ на риски цифровой среды вылился в создание многоуровневой системы, сочетающей оперативный мониторинг, административное давление на платформы, быстрое судопроизводство о блокировках и эффективную практику привлечения к ответственности самих пользователей.

Библиографический список

1. Янбухтин Р. М. Профилактика и противодействие идеологии экстремизма и терроризма: теоретико-методологический аспект // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина : материалы Международной конференции, посвященной принятию Всеобщей декларации прав человека, Уфа, 4 декабря 2025 года. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2025. С. 269–274.

2. Хамидуллин Р. С. Криминалистические аспекты использования цифровых технологий в противодействии преступности // Актуальные вопросы расследования преступлений в условиях развития цифровых технологий : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры криминалистики и кафедры уголовного процесса, Уфа, 17 октября 2025 года. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2025. С. 171–181.

3. Деятельность экстремистского сообщества пресечена в Нижнем Новгороде. URL: https://rg.ru/2025/02/10/reg-pfo/deiatelnost-ekstremistskogo-soobshchestva-presechena-v-nizhnem-novgorode.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 10.01.2026).

4. МВД пресекло деятельность двух Telegram-каналов мошенников. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25629541> (дата обращения: 10.01.2026).

5. О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О персональных данных : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» : приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Гарина О. В., 2026

© Бабенкова А. И., 2026

УДК 323.28:343.3

Горячева Н. Ю. — заместитель начальника кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАСИЛЬСТВЕННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В КОНТЕКСТЕ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА И РОЛИ ЖЕНЩИН В МИРНЫХ ПРОЦЕССАХ

COUNTERING VIOLENT EXTREMISM IN THE CONTEXT OF PEACEBUILDING AND THE ROLE OF WOMEN IN PEACE PROCESSES

Аннотация. В статье проводится комплексный и углубленный анализ проблемы противодействия насильственному экстремизму через призму миростроительства с особым акцентом на роль женщин в мирных процессах. Исследуется эволюция концепций безопасности от жестких милитаризованных контртеррористических мер к превентивным социально-

политическим технологиям, базирующимся на устойчивости локальных сообществ. Подробно анализируется глобальная повестка «Женщины, мир и безопасность» (Резолюция СБ ООН 1325), ее достижения и стагнация в условиях современных геополитических реалий, а также проблема недостаточного представительства женщин в официальных переговорных процессах. Особое внимание уделено специфике Российской Федерации, в частности новой Стратегии противодействия экстремизму, утвержденной в конце 2024 года, которая делает ставку на защиту традиционных духовно-нравственных ценностей и института семьи как главного барьера на пути радикализации. На основе обширного массива международной и отечественной научной литературы, а также отчетов международных организаций, выявляются ключевые детерминанты вовлечения женщин в экстремистскую деятельность и их потенциал как независимых агентов миростроительства. Сформулирован вывод о необходимости интеграции гендерно-чувствительных подходов в государственные стратегии безопасности при сохранении национально-культурной идентичности.

Ключевые слова: насильственный экстремизм, миростроительство, мирные процессы, роль женщин, гендерный подход, радикализация, устойчивость сообществ, стратегия безопасности, традиционные ценности, международное сотрудничество.

Abstract. The article provides a comprehensive and in-depth analysis of the problem of countering violent extremism through the prism of peacebuilding, with a special focus on the role of women in peace processes. The evolution of security concepts from hard militarized counter-terrorism measures to preventive socio-political technologies based on the resilience of local communities is examined. The global Women, Peace and Security (WPS) agenda (UNSCR 1325), its achievements, and stagnation in the context of modern geopolitical realities, as well as the problem of women's underrepresentation in formal negotiation processes, are analyzed in detail. Special attention is paid to the specific context of the Russian Federation, in particular the new Strategy for Countering Extremism approved at the end of 2024, which relies on the protection of traditional spiritual and moral values and the institution of the family as the main barrier to radicalization. Based on a vast array of international and domestic scientific literature, as well as reports from international organizations, the key determinants of women's involvement in extremist activities and their potential as independent agents of peacebuilding are identified. The conclusion formulates the need to integrate gender-sensitive approaches into state security strategies while preserving national and cultural identity.

Keywords: violent extremism, peacebuilding, peace processes, role of women, gender approach, radicalization, community resilience, security strategy, traditional values, international cooperation.

Современная архитектура международной и национальной безопасности находится в стадии глубокой трансформации, спровоцированной изменением самой природы социально-политических конфликтов и беспрецедентной эскалацией глобальной нестабильности. Традиционные, исключительно силовые и принудительные методы контртеррористической деятельности демонстрируют свою ограниченность в борьбе с идеологической базой терроризма, что обуславливает необходимость концептуального перехода к стратегиям противодействия насильственному экстремизму (далее – ПНЭ), интегрированным в парадигму миростроительства. В этом контексте критически важной, но исторически недооцененной силой превентивного воздействия выступают женщины. Интеграция гендерного фактора в процессы раннего предупреждения радикализации и трансформации конфликтов на низовом уровне открывает новые возможности для формирования глубинной устойчивости обществ. Целью настоящего исследования является доскональный анализ пересечения повесток миростроительства и ПНЭ с особым акцентом на статистически подтвержденную роль женщин в мирных процессах, а также оценка суверенного опыта Российской Федерации, сформировавшего в конце 2024 года обновленную нормативную базу профилактики экстремистских угроз.

Фундаментальный анализ теоретико-методологических оснований современной конфликтологии позволяет констатировать, что миростроительство (peacebuilding) представляет собой не просто акт прекращения огня, а сложную социально-политическую технологию, направленную на предупреждение конфликтного потенциала до его перехода в активную фазу противоборства и восстановление отношений на базе согласования ценностных ориентаций [1, с. 448]. В рамках данного подхода противодействие насильственному экстремизму рассматривается как деятельность, направленная на убеждение индивидов отказаться от использования идеологически мотивированного насилия. Как показывают прикладные исследования профильных некоммерческих организаций, процесс радикализации неразрывно связан с локальным контекстом и стимулируется комбинацией «подталкивающих» (push) факторов, таких как эндемическая коррупция, ущемление прав, социально-экономическая депривация, и «притягивающих» (pull) факторов, включающих целенаправленную пропаганду, предлагающую иллюзию героизма, родства и материальной выгоды [2, с. 39]. Следовательно, дерадикализация и обеспечение устойчивости (resilience) сообществ возможны исключительно при вовлечении широких слоев гражданского общества в устранение указанных коренных причин.

В этой многоуровневой архитектуре ПНЭ гендерная динамика долгое время оставалась «слепым пятном» для политиков и исследователей. Лишь с принятием в 2000 году Резолюции Совета Безопасности ООН 1325

была официально оформлена глобальная повестка «Женщины, мир и безопасность» (WPS), признавшая, что женщины несут непропорционально тяжелое бремя конфликтов, но при этом обладают уникальным потенциалом миротворцев. Дальнейшее развитие эта линия получила в Резолюции 2242 (2015 г.), впервые напрямую увязавшей задачи WPS с контртерроризмом. Однако академический дискурс, как отмечает К. П. Томаро, до сих пор подвержен стереотипизации: участие женщин в программах ПНЭ часто конструируется либо через «логику защиты» (женщина как пассивная жертва гендерного насилия), либо через эссенциалистскую «логику материнского агентства» (женщина как природенный миротворец), что нивелирует понимание того факта, что женщины также могут выступать добровольными участницами и вербовщицами экстремистских ячеек [3, с. 349; 14, с. 3].

Эмпирические данные последних лет демонстрируют удручающий регресс в вопросах имплементации повестки WPS на официальном межгосударственном уровне (рисунок).

Как наглядно демонстрирует рисунок, в 2024 году на фоне 61 активного конфликта (самый высокий показатель с 1946 года) женщины составляли в среднем лишь 7 % участников мирных переговоров, 14 % посредников и 20 % подписантов мирных соглашений; при этом в 9 из 10 переговорных процессов они не были представлены вовсе [4, с. 10–11].

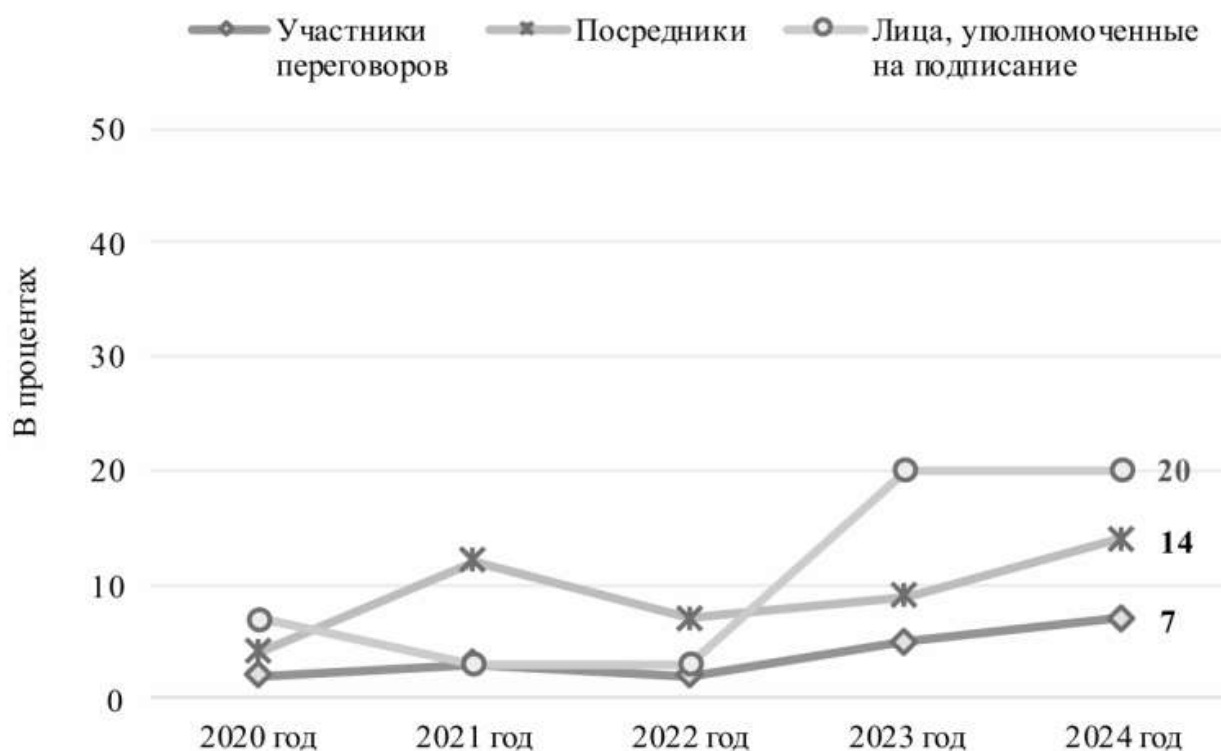

Рис. Участие женщин в основных мирных процессах во всем мире, 2020–2024 годы

Столь маргинальное положение женщин в институциональной дипломатии напрямую связано с кризисом финансирования. Глобальные военные расходы в 2024 году продемонстрировали беспрецедентный скачок на 9,4 %, превысив колоссальную отметку в 2,7 трлн долл. США. На фоне этой милитаризации объем двусторонней помощи, выделяемой женским правозащитным и миротворческим организациям в странах с высокой нестабильностью, составил мизерные 186 млн долл. США (около 0,4 % от общего объема помощи), что красноречиво подтверждает платформу EDVAW, заявляющую о радикальном разрыве между нормативными декларациями ООН и реальной политической волей [4, с. 38; 6, с. 2].

Осознавая коллапс формальных международных интервенций, женщины на местах вынужденно формируют собственные стратегии выживания и миростроительства, демонстрируя поразительную эффективность «повседневного феминизма». Наиболее рельефно этот феномен проявляется в Африке, в частности в Сахеле, где, по данным Global Terrorism Index, сегодня сосредоточены самые быстрорастущие и смертоносные террористические группировки в мире (на Африку приходится 48 % глобальных смертей от терроризма, а 87 % атак в Сахеле сконцентрированы в Мали и Буркина-Фасо) [7, с. 5]. Исследователи фиксируют, что в условиях, когда мужчины массово гибнут, уходят в подполье или примыкают к джихадистам (Боко Харам, ИГ), именно женщины берут на себя функции глав домохозяйств и инициаторов межконфессионального диалога. Так, в нигерийском Майдугури сеть организаций гражданского общества штата Борно, возглавляемая женщинами, координирует гуманитарную помощь и ведет сложнейшие переговоры с инсургентами об освобождении похищенных детей.

В малийском Гао коалиция из 76 женских ассоциаций «Case de la Paix» («Дом мира») смогла не только принудить вооруженные группы к локальному прекращению огня, но и пролоббировать 30-процентную квоту для женщин в местных советах [7, с. 9]. Аналогичная созидательная работа ведется в Мавритании, где в рамках регионального механизма G5 Sahel проект «Mourchidates» успешно обучает женщин – религиозных лидеров навыкам деконструкции экстремистской теологии и раннего предупреждения насильственного радикализма на уровне общин [8, с. 19]. Данный опыт доказывает, что, когда женщинам предоставляются экономические инструменты и площадки для коммуникации, их локальные сети становятся наиболее плотным и надежным фильтром, отсеивающим деструктивную пропаганду.

Переходя к анализу опыта Российской Федерации, следует подчеркнуть формирование уникальной, суверенной стратегии ПНЭ, органично синтезирующей задачи обеспечения государственной безопасности с миростроительством через призму защиты культурно-исторического кода.

Криминологическая статистика МВД России указывает на остроту проблемы: если в 2023 году наблюдалось снижение преступлений экстремистской направленности, то в 2024 году зафиксирован их резкий скачок на 28,3 % (1719 преступлений), а за первое полугодие 2025 года тенденция закрепилась ростом еще на 38,8 % (1137 преступлений) [11, с. 136]. Основным вектором деструктивного вербовочного влияния, осуществляемого, в том числе, агентурой геополитического противника, стала российская молодежь в цифровой среде. Ответной мерой институционального характера стало утверждение Президентом Российской Федерации В. В. Путиным Указом от 28 декабря 2024 года № 1124 новой, бессрочной Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации [10; 11, с. 136]. В документе фундаментально расширен понятийный аппарат (введены категории «ксенофобия», «русофобия»), а в качестве главных внутренних и внешних угроз обозначены фальсификация истории, инспирирование сепаратизма, использование технологий искусственного интеллекта в вербовке и деструктивное идеологическое воздействие, разрушающее единство общества.

В этой парадигме роль женщины в миростроительстве и профилактике экстремизма в России концептуализируется иначе, чем в западных либеральных демократиях. Основной акцент делается на консолидирующий потенциал традиционных ценностей и институт крепкой семьи. Именно семья, в которой женщина традиционно несет ключевую воспитательную функцию, признается важнейшим субъектом выявления ранних признаков радикализации молодежи и формирования у нее устойчивого иммунитета к неонацистской и псевдорелигиозной пропаганде. В то же время государство активно подключает международные форматы для проецирования своего видения безопасности. Как справедливо отмечает Е. Н. Клещина, деятельность Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС), Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) и BRICS (далее – БРИКС) приобретает первостепенное значение: так, в Казанской декларации XVI саммита БРИКС (октябрь 2024 г.) закреплён курс на принятие всеобъемлющей Конвенции Организации Объединённых Наций о борьбе с международным терроризмом, а Региональная антитеррористическая структура ШОС системно координирует перехват экстремистского контента [12, с. 134; 13, с.137]. Внедрение женского экспертного потенциала в работу профильных подгрупп антитеррористических комиссий этих международных блоков способно значительно повысить эффективность аналитической и профилактической работы.

С целью систематизации различных концептуальных подходов к роли женщин в процессах миростроительства и ПНЭ, выявленных в ходе исследования международных докладов и российской нормативной базы, целесообразно представить их в виде сравнительной таблицы.

Сравнительная характеристика концептуальных подходов к роли женщин в противодействии экстремизму и миростроительстве

Критерий сравнения	Глобальный (ООН / западный) подход	Российский (суверенный) подход
Базовая парадигма	Феминистская внешняя политика, институционализация гендерных квот, деконструкция патриархальных норм безопасности	Защита духовно-нравственных ценностей, сохранение традиционной семьи и общероссийской гражданской идентичности
Приоритетный уровень воздействия	Интеграция женщин в официальные правительственные делегации, миссии по поддержанию мира (уровень принятия решений)	Укрепление макросоциальной стабильности, гражданское единение, превентивная роль материнства на микроуровне (воспитание)
Ключевые инструменты ПНЭ	Прямое донорское финансирование независимых женских НПО, формирование сетей локальных медиаторов (например, FemWise-Africa)	Государственно-общественное партнерство, сотрудничество с традиционными религиозными конфессиями, кибермониторинг
Восприятие женской субъектности	Женщина как независимый политический актор, правозащитник, трансформирующий сложившийся институциональный порядок	Женщина как хранительница культурного кода и социокультурной гармонии, интегрированная в солидарную модель общества

Синтезируя данные международной практики и российской стратегической линии, следует заключить, что эффективность противодействия насильственному экстремизму напрямую зависит от отказа от «гендерной слепоты». Женщины, сталкиваясь с катастрофическими последствиями конфликтов – от физического насилия до полного экономического коллапса, – аккумулируют мощнейший ресурс низовой резистентности. Использование этого потенциала требует не только официальных политических деклараций, но и создания реальных социально-экономических условий,

при которых женские гражданские и семейные инициативы получают системную государственную и международную поддержку.

Таким образом, проведенный масштабный анализ доказывает, что противодействие насильственному экстремизму представляет собой не исключительно правоохранительную задачу, а многомерный процесс миростроительства, требующий тонкой настройки социально-политических технологий. Изучение глобального контекста выявляет тревожный диссонанс: несмотря на четвертьвековую историю повестки «Женщины, мир и безопасность», формальное участие женщин в мирных процессах стагнирует на отметке в 7 %, а финансовые потоки несоизмеримо смещены в сторону милитаризации в ущерб превентивным социальным программам. Вместе с тем эмпирический опыт стран Африки и Ближнего Востока доказывает высочайшую результативность низовой женской дипломатии, способной купировать экстремистские угрозы там, где пасуют государственные институты. На фоне этих общемировых вызовов Российская Федерация формирует жесткую, но ценностно-ориентированную модель безопасности, закреплённую в Стратегии противодействия экстремизму 2024 года. В рамках российского подхода главным щитом против радикализации выступают не навязанные извне гендерные квоты, а консолидация общества вокруг традиционных духовно-нравственных ориентиров и института семьи, где созидательная роль женщины неоспорима. Представляется очевидным, что дальнейшее повышение эффективности ПНЭ кроется в гармоничном синтезе суверенных профилактических практик с ресурсами многостороннего международного сотрудничества (БРИКС, ШОС, СНГ) для создания непреодолимого социального барьера на пути деструктивных идеологий.

Библиографический список

1. Нагайчук А. Ф., Абгаджав Д. А., Мусаев А. И. Миротворческая деятельность и концепция миростроительства : от рассуждений к практической социально-политической технологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 3. С. 444–458.

2. Противодействие насильственному экстремизму : Вводное руководство по концепциям, разработке программ и передовой практике / НКО «Поиск общих интересов», центр «Хедайя». Вашингтон : Search for Common Ground, 2019. 208 с.

3. Tomaro Q. C. Preventing and countering violent extremism: the logics of women's participation // Australian Journal of International Affairs. 2025. Vol. 79. No. 3. С. 341–363.

4. Организация Объединённых Наций. Совет Безопасности. Женщины и мир и безопасность : Доклад Генерального секретаря (S/2025/556). Нью-Йорк : ООН, 2025. 48 с.

5. Facts and Figures : Women, Peace and Security // UN Women. URL: <https://www.unwomen.org/en/articles/facts-and-figures/facts-and-figures-women-peace-and-security> (дата обращения: 16.03.2026).

6. Position paper by the EDVAW Platform on the occasion of the 25th anniversary of the Women, Peace, and Security agenda. Geneva : OHCHR, 2025. 36 с.

7. Tripp A. M., Maiga A., Yahi M. "We Are Always Each Other's Keeper": Transformative Dimensions of Women's Local Peacebuilding in Africa // Global Studies Quarterly. 2025. Vol. 5. С. 1–12.

8. Strategies and Partnerships for Advancing the Women, Peace and Security Agenda between Mauritania and Italy. Rome : UNICRI, 2025. 46 с.

9. Море́йра М. Х. Важность устойчивости для повестки дня по вопросам женщин, мира и безопасности, особенно во время пандемии Covid-19 // Connections : The Quarterly Journal. 2020. Vol. 19. № 4. С. 102–113.

10. Путин утвердил новую стратегию противодействия экстремизму // Ведомости. 28 декабря 2024 года. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/28/1084467-putin-utverdil-novuyu-strategiyu-protivodeistviya-ekstremizmu> (дата обращения: 17.03.2026).

11. Прокофьева Т. В. Противодействие экстремизму : современные угрозы и ответные организационно-правовые меры // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2025. Вып. 4 (857). С. 135–140.

12. Клещина Е. Н. Эволюция стратегий и роль деятельности международных организаций в борьбе с экстремизмом в условиях современных угроз // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 3 (75). С. 132–138.

13. Кашкин С. Ю. Противодействие насильственному экстремизму. Рецензия на монографию «Экстремизм в современном мире» // Управленческое консультирование. 2018. № 11. С. 186–189.

14. The Women, Peace and Security Agenda in NATO and Beyond : The Way Forward // RUSI Conference Report. London : Royal United Services Institute, 2025. 10 с.

© Горячева Н. Ю., 2026

Грознова Д. М. – адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

**ПУБЛИЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ КАК ПРИЗНАК
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА И НОВОЕ
ОТЯГЧАЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО:
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ**

**PUBLIC DEMONSTRATION AS A SIGN TERRORIST ACT
AND NEW AGGRAVATING CIRCUMSTANCE:
QUALIFICATION ISSUES AND DIFFERENCES**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об ответственности за совершение террористического акта в свете изменений, внесенных в Уголовный кодекс в 2024 году. Эти изменения расширили перечень отягчающих обстоятельств. С появлением в иных составах преступлений нового квалифицирующего признака «преступление, совершенное с публичной демонстрацией...» возникли вопросы о возможности совершения террористического акта с признаками этого «отягчающего обстоятельства». Автор анализирует конструктивные признаки террористического акта и приходит к выводу, что публичная демонстрация может быть обязательным элементом этого деяния. Публичная демонстрация рассматривается как возможный способ устрашения населения, что создает риск двойного вменения этого признака в рамках одного преступления. На основе проведенного анализа предложены критерии, позволяющие разграничить террористический акт и аналогичное деяние с отягчающим обстоятельством.

Ключевые слова: террористический акт, публичная демонстрация, квалификация преступления, отягчающее обстоятельство, устрашение населения, общественная опасность.

Abstract. The article discusses the responsibility for committing a terrorist act in light of the changes made to the Criminal Code in 2024. These changes expanded the list of aggravating circumstances. With the introduction of a new aggravating circumstance in other criminal offenses, "a crime committed with a public demonstration," questions arose about the possibility of committing a terrorist act with the characteristics of this "aggravating circumstance." The author analyzes the structural features of a terrorist act and concludes that a public demonstration may be a mandatory element of this act. Public demonstration is considered as a possible way of intimidating the population, which creates a risk of double imputation of this feature within the framework of one crime. Based on the analysis, criteria are proposed to distinguish between a terrorist act and a similar act with an aggravating circumstance.

Keywords: terrorist act, public demonstration, crime classification, aggravating circumstance, intimidation of the population, public danger.

В современном мире невозможно рассматривать терроризм без учета его влияния на информационное пространство. Традиционные проявления терроризма претерпевают изменения и постепенно переходят в цифровую сферу. По своей сути террористический акт направлен на физическое унижение людей, устрашение неопределенного круга лиц и оказание воздействия на государственные органы с целью принятия ими решений. В составе преступления, связанного с совершением террористического акта, публичная демонстрация представляет собой обязательный конструктивный признак. До внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), где публичная демонстрация была выделена в качестве отягчающего обстоятельства и квалифицирующего признака, ее проявление в террористическом акте выражалось через специальную цель – устрашение населения путем демонстрации силы и возможностей.

Изменения в общественных отношениях, вызванные доступностью информации, предоставляют преступникам возможность демонстрировать свои действия неограниченному кругу лиц. Чтобы противостоять этому, федеральный закон от 8 августа 2024 года № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» внес изменения, направленные на ужесточение уголовной ответственности за преступления, совершенные с публичной демонстрацией. Как уже упоминалось ранее, признак «совершение преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)» является отягчающим обстоятельством и квалифицирующим признаком в 12 составах преступлений (например, в ст.ст. 105, 111, 115, 119 и 245 УК РФ).

С момента внесения этих изменений в уголовное законодательство перед теорией и практикой возникает вопрос о соотношении понятия «публичная демонстрация» с деянием в форме террористического акта. Проблема заключается в том, что в самом составе этого преступления уже присутствует обязательный конструктивный признак публичности. Возникает вопрос: можно ли говорить о повышенной общественной опасности и ужесточении уголовной ответственности, если действия сопровождаются внешними проявлениями в форме публичной демонстрации, уже обнажают свой характер и степень общественной опасности в полной мере. Мы полагаем, законодатель поступил верно, не усилив ответственность за наличие отмеченного признака.

Согласно ст. 205 УК РФ под террористическим актом понимают: совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий в целях

дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями. Ключевым элементом в рамках данного исследования является один из признаков субъективной стороны, а именно, цель – устрашение населения.

В информационном аспекте преступных последствий террористический акт является устрашающим для населения. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [1] определено, что «действия носят устрашающий характер: по своему характеру способны вызвать страх у людей за свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества и т. п.». Таким образом, преступное последствие от террористического акта в виктимологическом аспекте влечет создание определенной психотравмирующей ситуации: возникает паника, беспокойство у людей, данный критерий следует установить правоприменителю. Учитывая данное обстоятельство, вышеуказанный вред состоянию психики человека можно рассмотреть как посягательство на здоровье людей, если широко рассматривать категорию здоровье, под которым можно признавать «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» [2, с. 124].

Террористический акт направлен на устрашение населения, и это достигается через публичное совершение преступления. Желание устрашить людей является обязательным конструктивным признаком субъективной стороны – специальной целью. Внешне это деяние напоминает публичную демонстрацию, поскольку процесс его совершения становится известен неограниченному кругу лиц.

Несмотря на кажущееся сходство между этими понятиями, они имеют принципиальные различия, обусловленные их правовой природой. В традиционном понимании уголовное законодательство рассматривало публичность как способ совершения преступления или как характеристику обстановки. Этот признак проявлялся в факте наличия непосредственных очевидцев на месте преступления в момент его совершения. Однако, если рассматривать террористический акт как отдельное преступление, становится ясно, что способ и обстановка не являются ключевыми факторами, которые позволяют отличить его от других составов, предусмотренных Особенной частью УК РФ.

Публичность в террористическом акте – это не просто способ или обстановка, в которой происходит преступление. Она представляет собой ключевую составляющую и необходимую часть этого вида деяния, отражающую суть преступного замысла. Совершая террористический акт, злоумышленник не стремится причинить имущественный, физический или моральный ущерб. Его цель – вызвать страх в обществе, навязать свои требо-

вания государственным органам или дестабилизировать деятельность органов власти или международных организаций либо воздействовать на принятие ими решений. Публичность является обязательным элементом, который позволяет донести информацию о совершенном преступлении до неограниченного круга лиц. Без этого признака действия, направленные на устрашение населения и предъявление требований к органам власти, перестают восприниматься как террористическая деятельность.

Таким образом, можно утверждать, что публичность является обязательным конструктивным элементом состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ. Полагаем, что изначально преступление следует рассматривать как демонстративное действие, направленное на непосредственное криминальное воздействие и информированность неопределенного круга лиц. В этом заключается его главное сходство с «публичной демонстрацией», которая обычно выступает в качестве отягчающего обстоятельства и квалифицирующего признака для других деяний.

Однако, в отличие от «публичной демонстрации», которая лишь повышает общественную опасность и, как следствие, влечет повышенную строгость наказания, в террористическом акте публичность является основой противоправного деяния и служит способом достижения специальной цели.

Проанализировав публичность как неотъемлемый элемент террористического акта, мы должны рассмотреть возможность квалификации деяния как террористического акта, совершенного с отягчающим обстоятельством. На наш взгляд, несмотря на наличие в рассматриваемом деянии признака публичной демонстрации, одновременное вменение отягчающего обстоятельства возможно.

Публичная демонстрация как квалифицирующий признак может иметь место в случае, когда характер демонстрации переходит в действия, направленные не только на устрашение населения, но и на ознакомление неограниченного круга лиц с процессом совершения конкретного преступления.

Это можно увидеть на примере лица, закладывающего взрывное устройство на объект критической инфраструктуры. Он может осуществить это тайным образом, а публично продемонстрированными могут стать только наступившие последствия. Или же он может организовать открытый и гласный процесс, привлекая внимание неопределенного круга лиц и информируя общественность о своих действиях и намерениях.

Данный пример показывает, что действия лица направлены не только на устрашение населения последствиями, но и на демонстрацию самого процесса совершения преступления.

Если публичная демонстрация осуществляется в режиме онлайн-трансляции или после завершения основного состава преступления,

то наличие отягчающего обстоятельства очевидно. По нашему мнению, выбор таких форм публичной демонстрации указывает на намерение не только ознакомить общество с последствиями, но и продемонстрировать сам процесс совершения преступного деяния.

Таким образом, можно утверждать, что если происходит публичная демонстрация не только наступивших последствий, которые направлены на устрашение населения, но и самого процесса совершения криминального деяния, то речь идет о совершении преступления с отягчающим обстоятельством.

Полагаем, что проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что признак публичной демонстрации является обязательным конструктивным элементом террористического акта. Так, просто констатация факта ознакомления неограниченного круга лиц с последствиями совершенного преступления не образуют основания применения отягчающего обстоятельства «преступления, совершенного с публичной демонстрацией».

Однако в случае совершения преступления, квалифицируемого как террористический акт, процесс совершения которого сопровождается публичной демонстрацией, где указанный признак выходит за пределы объективной стороны ст. 205 УК РФ, разграничение происходит по направленности умысла субъекта. Следовательно, если лицо желает ознакомить неограниченный круг лиц не только с последствиями совершенного деяния, вызывающие страх среди населения, но и с самим процессом совершения преступления, то квалифицировать такие действия необходимо как преступление, совершенное с отягчающим обстоятельством.

Полагаем, что критериями разграничения террористического акта и аналогичного деяния при отягчающем обстоятельстве являются:

1. Демонстрация не только последствий совершенного деяния, но и самого процесса осуществления. Преступление совершается в общественном месте в непосредственном присутствии публики, а также совершается «резонансно», привлекая внимание окружающих лиц «действия».

2. Применение в момент совершения преступления прямой трансляции для неограниченного круга лиц.

3. Создание и демонстрация в информационном пространстве для неограниченного круга лиц материалов, содержащих процесс совершения террористического акта.

Указанные формы совершения преступления указывают на повышенную общественную опасность, которая направлена не просто на устрашение населения, но и на демонстрацию самого процесса совершения преступления. Разработка критериев разграничения позволит внести ясность в правоприменительную практику, а также минимизировать риски двойного вменения признака или, напротив, на правильную квалификацию деяния как менее тяжкого, в силу отсутствия отягчающего обстоятельства.

Библиографический список

1. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Вопросы здравоохранения // Всемирная организация здравоохранения : офиц. сайт. URL: <https://www.who.int/ru/about/governance/constitution> (дата обращения: 04.03.2026).
3. Гармышев Я. В. Правовая природа преступных последствий при совершении террористического акта: уголовно-правовой и криминологический аспект // Baikal Research Journal. 2025. Т. 16, № 1. С. 122–129.

© Грознова Д. М., 2026

УДК 316.454.3

Даллакян К. А. – профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уфимского юридического института МВД России, доктор философских наук, профессор (Россия, г. Уфа)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR COUNTERING THE IDEOLOGY OF TERRORISM AND EXTREMISM

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретико-методологических основ противодействия идеологии терроризма и экстремизма, предполагающего выявление субъектно-объектных и причинно-следственных связей террористической деятельности. Методологическим приоритетом исследования является дифференциация стратегических ориентиров террора от тактических средств их реализации. Подчеркивается, что терроризм и экстремизм, как правило, являются следствием политики террора, использующего насилие как средство манипуляции социальными субъектами в личных интересах, как правило, материального обогащения. Раскрывается трагизм и абсурдность терроризма, его саморазрушительность. Предлагаются профилактические образовательные стратегии, проти-

в действующие идеологии терроризма и экстремизма. Рассматривается роль философии в формировании творческого мышления молодых людей как профилактического средства против зомбирования идеологами террора.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, противодействие, идеологии, насилие, страх, воля, свобода, творчество, критическое мышление, личность.

Abstract. The article is devoted to the study of the theoretical and methodological foundations of countering the ideology of terrorism and extremism, involving the identification of subject-object and cause-effect relationships of terrorist activity. The methodological priority of the study is to differentiate the strategic orientations of terror from the tactical means of their implementation. It is emphasized that terrorism and extremism, as a rule, are the result of the policy of terror, which uses violence as a means of manipulating social actors for personal gain, as a rule, material enrichment. It reveals the tragedy and absurdity of terrorism, its self-destructiveness. Preventive educational strategies are proposed to counteract the ideology of terrorism and extremism. The article considers the role of philosophy in the formation of creative thinking of young people as a preventive measure against brainwashing by terror ideologues.

Keywords: terrorism, extremism, counteraction, ideology, violence, fear, will, freedom, creativity, critical thinking, personality.

Беспрецедентное ускорение темпов социально-экономического и научно-технологического развития, знаменуя грандиозный эволюционный скачок, глобально трансформирующий способ человеческого существования, угрожает сегодня стабильности и устойчивости жизни на Земле. Одним из серьезных современных вызовов человечеству, разрушающих нормальное существование не только людей, но и всего природного мира, является терроризм и экстремизм как политика применения угроз и насилия в решении задач, поставленных порой совершенно внешними для террористов субъектами. Причем не всегда и не для всех очевидно, что экстремизм, по сути, выступает отражением террора, его следствием. Поэтому для понимания идеологических оснований деструктивных экстремистских практик методологически важно определить их идейно-политические основания и детерминанты. Часто люди акцентируют свое внимание и деятельность на экстремизме как следствии, не уделяя должного внимания идее террора как причины. Между тем, терроризм и экстремизм, как правило, являются именно следствием политики террора, имеющей в своем основании легистское отождествление силы и насилия.

Платоновское понимание философии заключается в «умении видеть сущности», которое в рамках вульгарно-материалистического мировоззрения не всегда правильно понимается. В этом случае уместно напомнить библейскую мудрость: «Имеющий глаза — да увидит». Теоретико-методологические основания противодействия идеологии терроризма и экстремизма должны заключаться в формировании таких умений видеть

сущности, причины, а не только следствия. Причем это особенно важно самим террористам и экстремистам для того, чтобы увидеть, кто ими манипулирует и с какой целью. Неслучайно больше всего террористических актов происходит недалеко от отдаленных от залежей углеводородов. Таким образом, жизнью и самих террористов, и людей, страдающих от них, регулируется цена на нефть и газ.

Стратегия современного образования поэтому, на наш взгляд, должна основываться не только на традиционном понимании философии как науки или мировоззренческой теории, но и на субстанционально-эйдетическом, предполагающем развитие у учащихся способности не просто читать и анализировать, но и «видеть сущности». Важной задачей современного образования поэтому является раскрытие сущности террора и терроризма как мирового зла, предполагающего, прежде всего, их дифференциацию. Под террором обычно понимают запугивание социальных субъектов посредством угрозы физической расправы, с целью манипулирования ими. Терроризмом же называют практическую реализацию идеи террора в конкретных актах насилия, в воздействии на общественное сознание [1]. Террор больше – стратегия, а терроризм – тактика ее реализации, то есть следствие и форма осуществления. Террор – это и эйдос, и одновременно способ его экзистенции. Терроризм же – конкретные меры реализации этого эйдоса. Поэтому люди, осуществляющие террористические акты, часто и не осознают, материализацией какого эйдоса служат их действия, подобно тому, как многие преступники, зная, что делают, не ведают, что творят.

Учитывая, что основными жертвами идейно-манипуляционных стратегий террористов являются молодые люди в возрасте до 30 лет, среди которых очень большой процент 17–20-летних, целесообразно выявить идейно-теоретические основания таких манипуляций и роль философского мышления как антитеррористической силы, противодействующей этой манипуляции в современных условиях информационно-цифрового общества. Это поможет определить методологию совершенствования образовательных практик, противодействующих манипуляции молодежью.

Сущностью террора выступает управление страхом, который террористы пытаются вывести за личностные границы. Террор превращается в управление посредством страха, парализующего волю социальных субъектов. Страх же, будучи иррациональным, почти всегда является фантазией, предположением о неизвестном. Человек, потенциальный террорист и экстремист, как правило, не осознает почему именно этого, а не иного он страшится. У него возникает бессознательная потребность в гиперкомпенсации своего комплекса, порожденного идеей и политикой террора.

Такой страх в большей степени присущ народам с патриархальной культурой. Именно в странах, культивирующих чрезмерную строгость в воспитании, страх перед отцом, чаще всего вырастают агрессивные и деструктивные юноши [2, с. 280]. Иногда страх порождается свободой, к ко-

торой личность еще не готова. Это ведет к «бегству от свободы», отмеченному Э. Фроммом. Поэтому идеологи террора пытаются повсеместно сеять страх, а современные средства массовой информации, в том числе различные социальные сети, преследуя свои корыстные цели, еще больше его раздувают.

Абсурдность и трагизм терроризма заключается всего саморазрушительности. Убийство – всегда самоубийство, как убедительно показал Ф. М. Достоевский в «Преступлении и наказании». Террорист убивает других, бессознательно желая покончить со своей бессмысленной и осточертевшей жизнью. И здесь проглядывается зловещая тень страха – эйдоса террора и терроризма. Страх жизни и свободы создает бессознательную тягу к смерти и ее трансцендированию. «Эшафот – это свобода!» – восклицает Сен Жюст.

Обычно террористы – молодые верующие люди, убежденные манипуляторами, что Всевышний призывает их наказать врагов. Вера помогает им преодолеть страх и собственные комплексы, поверив в себя, собрать себя из мозаичных разбитых жизнью кусочков. Психологические исследования показывают, что в основном террористы вполне вменяемы [3, с. 132]. Однако эти исследования не раскрывают под чьим влиянием находятся эти «горе борцы за справедливость».

Теоретико-методологическое противодействие терроризму и экстремизму предполагает образовательно-воспитательные стратегии, убеждающие молодых людей в том, что всякое убийство практически всегда является лишь формой самоубийства, это часто месть за себя, за свою ненависть к миру и отчаяние. Такой человек становится, как прекрасно показал Альбер Камю, сначала «посторонним», а затем уже палачом. Именно здесь должна включаться мировоззренческая и методологическая миссия философии как единства истины, добра и красоты.

Наряду с практическим влиянием философии на жизнь следует выделять ее теоретико-стратегическое значение для развития социальных субъектов. Видение перспектив определяет маршрут движения. Тот, кто видит разрушительность зла, в том числе и для самого себя, зла творить не будет. Научившись видеть сущности, человек может понять, что является всего лишь игрушкой в чужих руках [4, с. 132].

Одним из важных методов противодействия терроризму и экстремизму являются образовательные стратегии формирования и развития творческого потенциала молодых людей. Творческий подход к исследуемому объекту формирует самостоятельное оригинальное мышление как инакомыслие. Обычно пишут о необходимости формирования критического мышления, упуская из виду, что творческое мышление с необходимостью включает в себя критичность. Для того, чтобы создавать новое знание, необходимо критически относиться к старому. Альберт Эйнштейн не смог бы создать свою теорию относительности, если бы критически

не отнесся к физике Исаака Ньютона. Творчество – это не только способность человека мыслить иначе, чем другие, создавая новые, нестандартные мыслительные конструкции, но и жизнь в ином измерении, дарящем человеку свободу полета над жизненными обстоятельствами и зависимостями. Такого молодого человека уже труднее зомбировать информацией с целью манипулирования им. Никакие авторитеты не смогут закрывать вопросы своим решением, они лишь дадут пищу для размышления, которое может помочь творческим личностям двигаться вперед, порождая новые вопросы и их решения.

Роль философии как цветомузыки мысли, высоты полета над изучаемым объектом, заключается в развитии светлой творческой, свободной личности, служащей Истине, Добру и красоте и противодействующей деструктивной всеразрушающей силе Зла, которой является терроризм [5, с. 137].

Библиографический список

1. О противодействии терроризму : федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М. : Астрель, 2012.
3. Сейджмен М. Непонимание терроризма. Филадельфия : Университет Пенсильвании Пресс, 2016. 380 с.
4. Даллакян К. А. Террор как форма социальной экзистенции. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2016. 148 с.
5. Даллакян К. А. Нео-образование в глобальной матрице медиакультуры информационно-цифрового общества. Воронеж : БГПУ, 2022. 146 с.

© Даллакян К. А., 2026.

Исмагилова А. Р. – заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

**ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ ДЕСТРУКТИВНОГО ХАРАКТЕРА**

**DETERMINANTS OF CRIMES RELATED
TO THE ACTIVITIES OF NON-TRADITIONAL RELIGIOUS
ASSOCIATIONS OF A DESTRUCTIVE NATURE**

Аннотация. В статье проанализированы причины и условия совершения преступлений, связанные с деятельностью нетрадиционных религиозных объединений деструктивного характера, к которым относятся социальные, политические, экономические, кризисно-идеологические и иные факторы.

Ключевые слова: детерминанты преступлений, нетрадиционные религиозные объединения.

Abstract. The article analyzes the causes and conditions for the commission of crimes related to the activities of non-traditional religious associations of a destructive nature, which include social, political, economic, crisis-ideological and other factors.

Keywords: determinants of crime, non-traditional religious associations.

Для предупреждения преступлений, в том числе и совершаемых деструктивными религиозными объединениями, является необходимым выяснение причин и условий – детерминант их совершения.

Системное противодействие криминальным деяниям выстраивается на непосредственном влиянии на детерминирующие преступления элементы. В криминологической науке наиболее весомые позиции занимают такие понятия и категории, которые охватывают аспекты формирования и динамики преступных проявлений. Именно поэтому вопросы детерминации выступают обязательной составляющей любых сложных криминологических исследований.

Причинами возникновения нетрадиционных религиозных объединений могут быть самые разнообразные факторы. Детерминация религиозной преступности так или иначе связана с общей криминальной детерминацией, то есть в основе причинно-условной оценки преступлений, совершаемых деструктивными нетрадиционными религиозными объединениями.

ми, лежат факторы, способствующие общему развитию и укреплению преступности в стране. Такие факторы могут иметь социальные, политические, экономические, кризисно-идеологические и иные основания.

Финансово-экономическая стагнация и кризисные проявления, существовавшие в государстве в течение продолжительного промежутка времени, привели к формированию различных пограничных социальных явлений, в том числе к радикальному политическому акционизму и экстремистским тенденциям. Ситуация усугублялась активным использованием радикально настроенными лицами возможностей средств массовой информации. Общие социально-политические тенденции коснулись и сферы государственного управления: в тот период многие ротации и внутренние перемещения были обусловлены политическими и религиозными факторами. Остро стоял и национальный вопрос [1, с. 73–75].

Тяжелые социально-экономические условия привели к повышению общего уровня религиозности населения, стремящегося обрести уверенность в будущем. Отсутствие активной миссионерской деятельности со стороны традиционных религиозных конфессий при наличии активной просветительской работы со стороны новых религиозных течений привело к резкому увеличению числа участников тоталитарных сект. Вместе с тем крайне важно отметить, что в большом количестве случаев секты наполняли лица, так или иначе относящиеся к категории незащищенных (безработные, инвалиды, малообеспеченные, несовершеннолетние, люди с различными зависимостями и пр.).

Безусловно, наличие финансово-экономических трудностей выступало не единственным фактором вовлечения людей в деятельность нетрадиционных религиозных объединений. Значительную роль в распространении данного социального явления сыграл идеологический кризис.

Под влиянием внешних и внутренних воздействий, направленных как на отдельную личность, так и на общество в целом, подверглись трансформации традиционные ценностные ориентиры: толерантность и веротерпимость, патриотизм, дружба народов и пр. Наибольшее влияние слом нравственных ориентиров оказал на представителей молодого населения страны и несовершеннолетних. Именно данные категории оказались наиболее подверженными миссионерской деятельности и внушению деструктивных религиозных объединений.

Применительно к вопросам религиозной преступности важной детерминацией выступает национальный вопрос, включающий национальные и этнические разногласия. Такого рода актуальные для многих государств социальные конфликты в нашей стране часто принимают крайне преступное выражение [2, с. 108–114].

Часто в основе идей, провоцирующих национальный конфликт, лежат воззрения относительно необходимости защиты и восстановления чести и достоинства определенной нации. Часто именно такие идеи лежат в основе радикальных течений [3, с. 101–104]. Несмотря на ценность дан-

ной идеи и очевидную потребность поиска позитивных путей возникшей проблемы национального характера, те или иные группы людей не осуществляют поиск рационального пути преодоления разногласий, а прибегают к «спекуляциям» соответствующими идеями.

В российском государстве, учитывая его географические и иные особенности, национальный вопрос опосредован религиозными факторами. Особенности исторического развития и масштабы территории России обусловили факт распространения большого количества религиозных течений, в том числе и крупных многочисленных конфессий, таких как ислам, иудаизм, буддизм и христианство.

Вооруженные национальные конфликты на территории нашего государства и постсоветского пространства привели к гибели нескольких десятков тысяч людей. Радикально настроенные группы, стремящиеся к обособлению территорий по национальному признаку, применяли методы воздействия, в том числе и насильственные, не только по отношению к «врагам», но и по отношению ко всем людям, населявшим определенные территории. Содержание большинства конфликтов, возникших на основании национального вопроса, часто осложняется фактором религиозной нетерпимости. Следует отметить, что основной идеологический контекст базовых мировых религиозных конфессий не приемлет насилия и не одобряет поведение радикалов. Вместе с тем эксплуатация чувств верующих позволяет лидерам радикальных экстремистских организаций вовлекать в свои ряды последователей, привлекать их к противоправной деятельности, в том числе и посредством совершения самоубийства, для достижения корыстных целей руководителей [4, с. 51].

Рассмотренные выше причины, которые можно отнести к категории специальных, относимых к деятельности нетрадиционных религиозных объединений, сформированы исторически. Учитывая историческую обусловленность, их корректировка и нивелирование представляются крайне сложной задачей. Однако следует отметить, что межнациональный и межэтнический фактор самостоятельно не выступает условием эскалации конфликтной ситуации. Можно сказать, что он выступает скорее сопутствующим, дополнительным условием обострения конфликта, в том случае, если его возникновение неизбежно по другим причинам.

Социальные конфликты, связанные с национальным и этническим вопросами, обуславливают, кроме всего прочего, стимулирование миграционных процессов. Опасаясь за свою жизнь, люди оставляют территории обострения конфликта. Вынужденная миграция, и, как следствие, социальная неустроенность и социальная неудовлетворенность переселенцев и беженцев, являются фактором совершения ими преступлений на новых территориях. Ухудшение криминогенной обстановки приводит к формированию и обострению конфликтов между вынужденными мигрантами и местным населением и возникают по поводу распространения социально-негативных явлений: проституции, наркомании, иждивенчества и пр.

Именно вынужденные переселенцы и беженцы ввиду их слабых социальных позиций часто являются объектами вовлечения в деструктивные религиозные объединения.

Применительно к несовершеннолетним указанная проблема является наиболее актуальной. Подростковая психика является наиболее восприимчивой к любым идеям и системам взглядов. Именно этим обусловлено стремление большинства нетрадиционных религиозных объединений к продвижению своих идей через образовательные учреждения. В последние годы развития нашего государства попытки интеграции таких сообществ в образовательную систему носили масштабный характер. Следует отметить, что современная система образования не может в полной мере противостоять данному явлению [5, с. 122].

Осознание данной проблемы на государственном уровне привело к принятию первых мер противодействия. Но в ответ на такие меры нетрадиционные религиозные объединения только усовершенствовали практику внедрения в учебные заведения. Здесь важно подчеркнуть, что гарантированная основным законом страны свобода совести не может интерпретироваться как неограниченное право для ведения пропаганды, тем более в отношении несовершеннолетних. Очевидно, что интеграция идей многих нетрадиционных религиозных объединений в российские школы прямо противоречит основам конституционного строя России, т. е. ее светской организации [6, с. 149–150].

Часто религия выступает одним из традиционных начал для какого-либо этноса. В этом случае религиозная культура является важной составляющей общей культуры. Из этого следует вывод, что любые формы привлечения обучающихся в различные религиозные объединения могут быть рассмотрены как разновидность дискриминационной деятельности.

Применительно к вышеуказанному, следует также обратить внимание на причины распространения религиозного экстремизма в нашей стране. Так, В. А. Бурковская предлагает следующую систему таких факторов:

- отсутствие конкретной идеологической позиции, которая бы пришла на смену утраченной советской;
- тенденция к снижению уровня образования, в том числе наличие в современный период большого количества детей школьного возраста, лишенных базовых грамматических навыков;
- отсутствие у педагогического коллектива школ компетентности для обсуждения вопросов духовности;
- неприоритетная (факультативная) позиция важных образовательных курсов (например, граждановедение);
- допущение или поощрение в рамках отдельных образовательных программ религиозных дисциплин;
- допущение функционирования в структуре образовательного учреждения подразделения, распространяющего идеи какой бы то ни было традиционной религии [7, с. 103].

Таким образом, необходимо обобщить основные причины, которые обуславливают анализируемую разновидность преступности:

1. Недостатки правового регулирования.
2. Несистемность политики государства в области регулирования общественных отношений в сфере вероисповедания, способствующая интегрированию в российское общество различных религиозных учений, в том числе противоречащих действующим нормам права.
3. Отсутствие принятых на государственном уровне комплексных программ, направленных на духовно-нравственное воспитание граждан, в том числе несовершеннолетних и молодежи.
4. Длительный характер экономического кризиса, предопределившего в том числе миграционную активность и соответствующие национальные конфликты.
5. Проблемы в деятельности правоохранительных органов, препятствующие качественному пресечению, предупреждению, раскрытию и расследованию соответствующих преступлений.

Библиографический список

1. Степашин С. В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы) : монография. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1994. 240 с.
2. Пролетенкова С. Е. Расово-этнический экстремизм: постановка проблемы // Проблемы противодействия молодежному экстремизму : материалы круглого стола (21 декабря 2006 г.) и научно-практического семинара (23 марта 2007 г.). М. : ВНИИ МВД России, 2007. С. 108–114.
3. Кроз М. В., Ратинов А. Р., Ратинова Н. А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти : психолого-правовая характеристика. М. : Юрлитинформ, 2005. 256 с.
4. Хвыля-Олинтер А. И., Лукьянов С. А. Опасные тоталитарные формы религиозных сект. М. : Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1996. 83 с.
5. Добросоцких А. А. Как защитить вашего ребенка? М. : Изд. Даниловский благовестник, 2002. 352 с.
6. Василенко М. М. Предупреждение преступлений, совершаемых членами религиозных тоталитарных сект : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 153 с.
7. Бурковская В. А. Уголовная ответственность за организацию объединения, посягающего на личность и права граждан : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 222 с.

© Исмагилова А. Р., 2026

Каримов Р. Р. – доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа);

Каримова Г. Ю. – доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

**К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРАТЕГИИ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В СИСТЕМЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ON IMPROVING THE COUNTER-TERRORISM STRATEGY
IN THE NATIONAL SECURITY SYSTEM
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье анализируются эволюция и современное состояние стратегии противодействия терроризму в Российской Федерации. Рассматриваются ключевые вызовы и угрозы, включая транснациональный характер терроризма, использование информационно-коммуникационных технологий и идеологию радикального экстремизма. На основе анализа нормативной правовой базы и практики деятельности органов власти предлагаются направления совершенствования стратегии, акцентирующие внимание на необходимости комплексного подхода, усиления профилактической составляющей, международного сотрудничества и адаптации к новым гибридным угрозам.

Ключевые слова: национальная безопасность, противодействие терроризму, стратегия, экстремизм, профилактика, гибридные угрозы.

Abstract. The article analyzes the evolution and current state of the counter-terrorism strategy in the Russian Federation. It examines key challenges and threats, including the transnational nature of terrorism, the use of information and communication technologies, and the ideology of radical extremism. Based on the analysis of the legal framework and the practice of government agencies, the article proposes directions for improving the strategy, emphasizing the need for a comprehensive approach, strengthening the preventive component, international cooperation, and adapting to new hybrid threats.

Keywords: national security, counter-terrorism, strategy, extremism, prevention, hybrid threats.

Терроризм остается одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации, стабильности мирового порядка и общественной безопасности [1]. Несмотря на значительные успехи в борьбе с террористическими проявлениями на территории страны, в частности на Северном Кавказе, характер угрозы продолжает трансформироваться. Глобализация, цифровизация и усложнение международных отношений порождают новые формы террористической деятельности, требующие постоянной корректировки государственной стратегии противодействия.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью системного анализа эффективности существующих мер и выработки научно обоснованных рекомендаций по их развитию в условиях динамично меняющейся оперативной обстановки.

Формирование современной российской системы противодействия терроризму началось в 2000-е годы после серии масштабных терактов. основополагающим документом стал Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который заложил правовые и организационные основы деятельности [2]. Дальнейшее развитие система получила в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации в 2009 г., обновлена в 2020 г.) и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 400 от 2 июля 2021 г.) [3].

Эволюция подхода прослеживается от преимущественно силовой модели, направленной на ликвидацию вооруженных формирований, к более комплексной стратегии, сочетающей силовые меры (силы и средства органов безопасности, МВД, Росгвардии) с мощным профилактическим, идеологическим и социально-экономическим компонентом. Ключевую координирующую роль играет Национальный антитеррористический комитет (НАК), обеспечивающий взаимодействие всех органов власти на федеральном и региональном уровнях [4, с. 61].

Современная террористическая угроза для России характеризуется рядом особенностей, которые ставят новые задачи перед системой национальной безопасности:

1. Транснационализация и сетевая структура. Деятельность террористических организаций часто носит трансграничный характер, используя каналы неконтролируемой миграции, идеологическую пропаганду, и международное финансирование [5, с. 450].

2. Использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Интернет и социальные сети стали основным инструментом вер-

бовки, радикализации, обучения, пропаганды идеологии насилия и сбора средств. Возникает угроза кибертерроризма, направленного на критическую информационную инфраструктуру [6].

3. Идеологическое многообразие угроз. Помимо религиозно-политического экстремизма, актуализируются угрозы, исходящие от праворадикальных и леворадикальных идеологий, а также от маргинальных деструктивных субкультур [7, с. 32].

4. Гибридизация угроз. Террористические методы все чаще используются в контексте гибридных войн, стирая грань между военными, дипломатическими, информационными и террористическими средствами воздействия на государство [8, с. 33].

5. «Одиночный» терроризм. Усложняется задача выявления и предотвращения атак, готовящихся индивидами, минимально связанными с формальными террористическими структурами, но радикализованными через Интернет.

Для адекватного ответа на указанные вызовы стратегия противодействия терроризму требует дальнейшего развития по следующим основным направлениям:

1. Усиление профилактического (предупредительного) блока. В этом связи приоритет должен смещаться от борьбы с последствиями к недопущению террористических актов и формированию устойчивого иммунитета общества к идеологии терроризма. В свою очередь, данный аспект предполагает необходимость следующих действий:

- совершенствование методов выявления лиц, подверженных радикализации, на ранних стадиях, включая анализ цифрового следа в сотрудничестве с интернет-компаниями (при обеспечении правовых гарантий);

- создание эффективной межведомственной системы социально-психологической, педагогической и идеологической реабилитации лиц, вовлеченных в террористическую и экстремистскую деятельность, и их реинтеграции в общество;

- поддержка программ, реализуемых традиционными религиозными объединениями, некоммерческими организациями, образовательными учреждениями, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, патриотическое воспитание молодежи.

2. Совершенствование правового и организационного механизмов:

- анализ и точечная корректировка законодательной базы для эффективного противодействия новым формам террористической активности (кибертерроризм, финансирование через криптовалюты, использование дронов) без избыточной криминализации;

- повышение межведомственного взаимодействия. Оптимизация обмена информацией и координации между силовыми структурами (ФСБ, МВД, Росгвардией, Службой внешней разведки), а также между ними и гражданскими ведомствами;

– внедрение современных образовательных программ для специалистов в области антитеррора, включая аспекты цифровой разведки, психологии радикализма, работы в информационной среде.

3. Углубление международного сотрудничества:

– развитие двусторонних и многосторонних форматов. Например, проведение активной работы в рамках работы Шанхайской организации сотрудничества, Содружества Независимых Государств, BRICS и других международных организаций по гармонизации законодательства, обмену оперативной информацией, пресечению каналов финансирования и перемещения террористов;

– противодействие двойным стандартам: продвижение на международной арене последовательной позиции, осуждающей терроризм во всех его формах, без деления организаций на «хорошие» и «плохие» по политическим мотивам.

4. Защита информационного пространства:

– создание эффективной системы противодействия террористической пропаганде. Например, разработка и продвижение позитивных альтернативных нарративов, развенчание идеологии насилия в медиа-среде и социальных сетях, поддержка проектов цифровой грамотности;

– инвестиции в технологии анализа больших данных и искусственного интеллекта для выявления террористического контента и сетей, при строгом соблюдении законодательства о персональных данных.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что стратегия противодействия терроризму в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации представляет собой динамичную конструкцию, постоянно меняющуюся под воздействием современных вызовов. Ее совершенствование должно идти по пути дальнейшей интеграции силовых, правовых, информационных, социально-экономических и идеологических мер. Ключевым трендом должно стать опережающее развитие профилактического потенциала, основанного на глубоком понимании социальных корней и механизмов радикализации. Успех стратегии будет определяться способностью государства гибко реагировать на новые гибридные вызовы, обеспечивать тесное межведомственное и международное взаимодействие, а также формировать устойчивое общественное сознание, отвергающее террор как метод достижения любых целей. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на оценке эффективности конкретных мер дерадикализации, правовых аспектах регулирования цифровой среды в антитеррористических целях и др.

Библиографический список

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 14.03.2026).

4. Токбаев А. А. Национальный антитеррористический комитет как орган противодействия в борьбе с терроризмом // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 61–63.

5. Каримов Р. Р. Каримова Г. Ю., Асеев И. А. Основные направления международного сотрудничества в борьбе с терроризмом // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 449–451.

6. Кузина С. И., Сагирян И. Г. Политико-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1, № 1. С. 43–56.

7. Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю., Асеев И. А. Борьба с террористической идеологией в рамках обеспечения безопасности государства и общества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 32–40.

8. Асеев И. А., Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю. Правовые аспекты борьбы с террористическими угрозами в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина : материалы Международной конференции, посвященной принятию Всеобщей декларации прав человека, Уфа, 4 декабря 2025 года. Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2025. С. 31–36.

© Каримов Р. Р., 2026

© Каримова Г. Ю., 2026

Каримова Г. Ю. – доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

MAIN DIRECTIONS OF CRIMINAL PROCEDURE POLICY IN THE CONTEXT OF COUNTERING EXTREMISM

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее актуальные направления уголовно-процессуальной политики современной России в условиях противодействия экстремистской деятельности и обеспечения национальной безопасности. Отмечено влияние процессов цифровизации, глобализации и проведения специальной военной операции на рост правонарушений экстремистской направленности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, экстремизм, личность, преступность, цифровизация, национальная безопасность.

Abstract. The article discusses the most relevant areas of criminal procedure policy in modern Russia in the context of countering extremist activities and ensuring national security. The influence of digitalization, globalization, and the special military operation on the growth of extremist offenses is noted.

Keywords: criminal procedure policy, extremism, personality, crime, digitalization, national security.

Уголовно-процессуальная политика современной России характеризуется правовыми изменениями, обусловленными современными геополитическими преобразованиями, процессами глобализации и цифровизации, что приводит к переосмыслению концептуальных основ проводимой государственно-правовой политики. Уголовное судопроизводство рассматривается как важнейшее направление государственной деятельности, которое определяется государственной политикой и имеет потенциал на решение задач, стоящих перед государством во всех сферах жизни общества [1]. Основными направлениями государственной политики Российской Федерации являются в первую очередь обеспечение суверенитета, национальной безопасности, повышение уровня жизни, экономическое развитие страны [2]. Особое значение приобретает такая составляющая национальной безопасности, как противодействие экстремизму и экстремистской деятельности. Статья 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ

«О противодействии экстремистской деятельности» позволяет выделить общие признаки экстремистской деятельности: противоправность [3], направленность на разрушение основ конституционного строя и конституционных основ межличностных отношений [4], публичность [5], широкое использование элементов пропаганды [6] или насилия [7], наличие специфических целей и мотивов [8]. Экстремистскую деятельность характеризуют как идеологию, несовместимую с общественным устройством [8], как проявление идеологии нацизма [9, с. 62]. Понятие «экстремизм» получило научное осмысление, прежде всего, с точки зрения приверженности субъекта убеждениям определенного рода и готовности отстаивать и распространять эти убеждения насильственными методами. Экстремизм представляет собой многогранное негативное социальное явление. Преступления экстремистской направленности, связанные с криминальными проявлениями идеологии нацизма, можно определить как совокупность общественно опасных деяний, совершаемых лицами, придерживающимися положений идеологии нацизма, направленных на ее пропаганду, утверждение или распространение, искажение сведений или осквернение памяти о Великой Отечественной войне, либо на причинение вреда иным интересам, охраняемым уголовным законом [9, с. 73]. Сегодня в условиях современных вызовов и угроз Российской Федерации также совершается большое количество правонарушений, направленных на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

Примером является размещение ФИО1, зарегистрированного под ник-именем «<...>», на странице в социальной сети «<...>» в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в свободном доступе изображения, направленного на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. Верховным Судом Российской Федерации исследованы все обстоятельства по делу об административном правонарушении, установлена законность привлечения ФИО1 к административной ответственности; нарушений норм процессуального закона и материального права при производстве по делу не допущено. В постановлении раскрыто понятие дискредитации, под которой понимаются умышленные действия, направленные на лишение доверия к чему-либо, на подрыв авторитета, имиджа. Верховным Судом Российской Федерации вынесено постановление от 1 октября 2025 года № 18-АД25-34-К4 об оставлении без изменения постановления судьи Советского районного суда г. Краснодара от 18 января 2024 года, решения судьи Краснодарского краевого суда от 19 февраля 2024 года и постановления судьи Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24 марта 2025 года, вынесенные в отношении ФИО1 по делу об административном правонаруше-

нии, предусмотренном частью 1 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [10].

Приведенное выше решение Верховного Суда Российской Федерации показывает всю серьезность проблемы обеспечения национальной безопасности путем создания механизмов противодействия проявлениям оскорбления памяти защитников Отечества и дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции. Возникает необходимость повышения эффективности различных мероприятий патриотической направленности, общесоциальных программ по укреплению традиционных ценностей, формированию единой государственно-правовой идеологии. Единая государственная идеология находит свое отражение в законах и документах стратегического планирования, среди которых особое значение приобретает Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [11]. При укреплении патриотизма, нравственности, духовности и других качеств личности происходит формирование и укрепление «человеческих» ресурсов, основанных на субъективизации, выражающейся не только в формальных, сформированных на соблюдении норм права, действиях, но и мировоззренческих, психологических, морально-нравственных установках, сложившихся в обществе в правовых традициях.

Таким образом, уголовно-процессуальная политика современной России выступает как самостоятельное направление государственно-правовой политики, выражающееся в урегулированной правовыми нормами деятельности правотворческих и правоприменительных государственных органов в сфере борьбы с преступностью и обеспечении безопасности, основанное на соблюдении национального интереса Российской Федерации.

Библиографический список

1. Панфилов П. О. Уголовно-процессуальная политика по обеспечению национальных интересов Российской Федерации: постановка проблемы // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г. А. Аванесова. М. : Академия управления МВД России, 2024. С. 309–318.

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

3. Колов А. М. Пределы экстремизма и правовые основы противодействия его проявлениям // Бизнес в законе. 2010. № 3. С. 100–104.

4. Хлебущкин А. С. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 33–35.

5. Лунева Е. Н. Проблемы привлечения к уголовной ответственности при осуществлении экстремистской деятельности в сети Интернет // ScienceTime. 2015. № 1. С. 306–310.

6. Сысоев А. М. О сущности «экстремистских» мотивов в отечественном уголовном законодательстве // История государства и права. 2009. № 1. С. 14–16.

7. Новиков Д. В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе : методы противодействия (политико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 10.

8. Сальников Е. В. Трансформация категории экстремизма как становление современной политической преступности // Безопасность бизнеса. 2008. № 4. С. 2–5.

9. Жариков Ю. С., Цветков Р. Н. Противодействие нацизму : уголовно-правовой и криминологический аспекты : монография / Ю. С. Жариков, Р. Н. Цветков. М. : ИНФРА-М, 2024. 187 с.

10. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 1 октября 2025 г. № 18-АД25-34-К4 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации.

11. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

© Каримова Г. Ю., 2026

Кобец П. Н. – главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Уфа)

**ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
СОВРЕМЕННЫМ ВЫЗОВАМ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА
В УСЛОВИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 2020-Х ГГ.**

**ON THE MAIN DIRECTIONS OF COUNTERING
CONTEMPORARY CHALLENGES OF EXTREMISM
AND TERRORISM IN THE SECOND HALF OF THE 2020S**

Аннотация. В статье анализируется возрастающее внимание научного сообщества и государственных структур РФ к проблематике экстремизма и терроризма в начале XXI века. Рассматриваются ключевые выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина и Министра внутренних дел В. А. Колокольцева, в которых подчеркивается актуальность борьбы с этими угрозами.

Автор выявляет основные причины активизации экстремизма и терроризм на рубеже веков, включая глобализацию, рост информатизации, миграционные процессы и другие факторы. Особое внимание уделяется проблемам отсутствия единой теории данных явлений и универсального набора инструментов противодействия им.

Значительная часть работы посвящена направлениям антитеррористического и антиэкстремистского воспитания, особенно среди молодежи. Подчеркивается важность просветительской деятельности, формирования патриотических и нравственных ориентиров, уважения к культурному и религиозному многообразию.

В заключительной части предлагаются меры по совершенствованию национальной системы борьбы с экстремизмом и терроризмом: проведение научных исследований, корректировка государственной и уголовной политики, оптимизация работы правоохранительных структур, мониторинг эффективности профилактических мероприятий и минимизация последствий возможных угроз. Делается вывод о необходимости комплексного подхода на правовом, теоретическом и организационном уровнях.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, глобализация, антитеррористическая безопасность, информатизация, миграция, молодежь, патриотическое воспитание, просветительская работа.

Abstract. The article analyzes the growing attention of the scientific community and government agencies of the Russian Federation to the issues of extremism and terrorism at the beginning of the 21st century. It examines the key speeches of Russian President Vladimir Putin and Minister of Internal Affairs Vladimir Kolokoltsev, which emphasize the importance of combating these threats. The author identifies the main reasons for the increase in extremism and terrorism at the turn of the century, including globalization, the growth of information technology, migration processes, and other factors. Special attention is given to the lack of a unified theory of these phenomena and a universal set of tools for countering them. A significant part of the work is devoted to anti-terrorist and anti-extremist education, especially among young people. The importance of educational activities, the formation of patriotic and moral guidelines, and respect for cultural and religious diversity is emphasized. In the final part, measures are proposed to improve national system for combating extremism and terrorism includes conducting scientific research, adjusting state and criminal policies, optimizing the work of law enforcement agencies, monitoring the effectiveness of preventive measures, and minimizing the consequences of potential threats. The article concludes that a comprehensive approach is necessary at the legal, theoretical, and organizational levels.

Keywords: extremism, terrorism, globalization, anti-terrorist security, informatization, migration, youth, patriotic education, and educational work.

С начала нового тысячелетия отмечается постоянно возрастающее внимание отечественных ученых и практиков к проблематике экстремизма и терроризма, которая с каждым годом превращается в довольно устойчивую сферу научно-исследовательского интереса [9]. И поэтому в настоящее время вопросы, связанные с обеспечением антиэкстремистской и антитеррористической безопасности, являются одними из наиболее часто освещаемых и анализируемых на страницах отечественных и зарубежных научных изданий [10].

В то же время чрезвычайно интенсивные общественные и специально-научные дискуссии по обозначенной проблеме, вызванные глобальными масштабами рассматриваемых явлений, а также их негативным воздействием на развитие большинства социальных процессов, до сих пор так и не смогли сформировать единой целостной теории данных процессов и не обосновали универсального набора необходимых средств по эффективной и результативной борьбе с этими негативными явлениями [13].

Проблематика противодействия экстремистским и террористическим проявлениям не обделена вниманием руководства нашей страны. В ходе ежегодных встреч с представителями руководства правоохранительного блока и силовых структур Российской Федерации Президентом Российской Федерации В. В. Путиным постоянно анализируются наиболее важные аспекты, направленные на борьбу с экстремизмом и террором. Так, например,

во время выступления на заседании коллегии Федеральной службы безопасности России (далее – ФСБ России 27 февраля 2025 г. В. В. Путиным акцентировалось внимание на том, что «решительно и наступательно нужно бороться с экстремизмом и терроризмом, пресекать любые попытки разобщить и расколоть наше общество, сравить между собой представителей разных национальностей и религий. Мы с вами хорошо понимаем: это одна из линий атак на Россию, на наше многонациональное и многоконфессиональное государство» [4].

В ходе расширенного заседания коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2025 г., говоря о наиболее острых, системных проблемах, которые волнуют и беспокоят граждан, В. В. Путин отметил, что «как и прежде, повышенного внимания требуют вопросы противодействия экстремизму и терроризму. На коллегии ФСБ России отмечалось, что количество преступлений террористической направленности существенно возросло, и важно повысить защищенность объектов промышленности и транспортной инфраструктуры, мест массового пребывания людей. Столь же принципиально и решительно нужно бороться и с экстремизмом, с попытками дестабилизации общественно-политической обстановки в нашей стране, с публичными призывами к терроризму и созданию радикальных группировок» [14].

Выступая 5 марта 2025 г. на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации В. В. Путин отметил, что «важной задачей органов внутренних дел остается борьба с экстремизмом. Национальная и религиозная нетерпимость, агрессивный, воинствующий радикализм – это угроза единству и сплоченности многонационального народа России, мы с вами это хорошо понимаем, нашему суверенитету, в конце концов, и даже территориальной целостности страны» [2].

Немаловажно также отметить, что эти вопросы не остаются без внимания и руководства МВД России. Так, на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 5 марта 2025 г. Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции В. А. Колокольников подчеркнул, что «МВД России последовательно наращивает усилия по противодействию экстремизму. На постоянной основе проводится мониторинг интернет-пространства. Совместно с Роскомнадзором ограничен доступ к сорока двум тысячам ресурсов, содержавших радикальный контент» [3].

Стоит отметить, что с латинского термин «террор» переводится как страх и ужас. Проявления терроризма не являются абсолютно новым для человечества явлением, поскольку на протяжении всего его исторического развития происходили различные акты насилия и террора в разнообразных видах и выражениях [5]. В прошлом и настоящем столетии различные противоречия и разбалансированность международной обстановки привели

к активизации международного терроризма, превратившегося в настоящее время в глобальное явление [6]. В то же время, несмотря на то, что проявления терроризма не являются каким-то новым явлением, и на сегодняшний день не прекращаются споры относительно устраивающего все мировое сообщество законодательного определения рассматриваемого феномена, оно не было выработано ни Лигой наций, ни специальным комитетом Генеральной Ассамблеи ООН [11].

Начало возникновения проявлений современного экстремизма и террора, происходившее на рубеже прошлого и настоящего столетий, отечественные эксперты по большей части связывают с рядом причин и условий, среди которых: закончившаяся холодная война; развивающиеся глобализационные процессы в экономической сфере; разделение стран на лидеров и изгоев; широкая доступность технологий, имеющих двойное назначение; либерализация торговых отношений; заниженный экспортный контроль; появление открытых информационных данных, связанных с новейшими научными и техническими достижениями; интернационализация террористов радикальных течений; в недостаточной степени развитые международно-правовые механизмы; возникновение незаконных каналов по созданию и распространению оружия массового поражения; слабая подготовленность общества к противодействию использованию преступниками террористических средств, в том числе химических [15].

Хочется также заострить внимание на ряде проблемных аспектов борьбы с экстремизмом и терроризмом. Так, в частности, сегодня прилагается много усилий по активизации рассматриваемой деятельности, но несмотря на это численность экстремистских и террористических угроз не снижается. Сложившемуся положению дел в рассматриваемой сфере способствуют многочисленные факторы, важнейшим из которых является возрастающая глобализация [7]. Данные процессы открывают множество новых миграционных возможностей. При этом в ряде стран действуют безвизовые режимы по въезду на эти территории, что ведет к облегчению процессов по пересечению государственных границ данных государств.

Немаловажен в активизации экстремистской и террористической активности и такой фактор, как рост информатизации, облегчающей возможности действий террористов и экстремистов для совершения противоправных деяний. Активное развитие сети телекоммуникационной коммуникации содействовало существенному упрощению процессов, связанных с вербовкой новых адептов в рассматриваемые преступные организации [8]. В этой связи также можно отметить, что международные террористические организации постепенно адаптируются к постоянно совершенствуемым правоохранным методикам, направленным на противодействие экстремистской и террористической деятельности [1].

В сложившейся ситуации важно развивать основные направления антитеррористического и антиэкстремистского воспитания в обществе. Вы-

деляя продиктованные складывающимися обстоятельствами надлежащие векторы работы по антитеррористическому и антиэкстремистскому воспитанию общества, в первую очередь следует отметить необходимость развития просветительской работы среди молодого поколения, поскольку как раз оно выступает в качестве той части социума, на которую прежде всего ориентируются эмиссары международного террора – приверженцы радикальных течений. Ранее проведенные исследования отечественных и зарубежных экспертов по рассматриваемой проблематике дают основание утверждать, что, как правило, современная молодежная среда не обладает в достаточной степени необходимыми знаниями, которые бы ей позволили хорошо разбираться в сущностных особенностях террористических и экстремистских проявлений [12].

Еще одним из немаловажных направлений по антитеррористическому воспитанию молодого поколения выступает деятельность, которая формирует в обществе интернационализм, уважение к различным религиозным взглядам, конфессиям и традиционным религиозным течениям, а также особенностям национальной культуры и иным неписаным правилам, сложившимся в том либо ином социуме. С целью претворения в жизнь обозначенного вектора профилактической работы имеет первостепенное значение необходимость полнейшего объединения устремлений представителей государственного и неправительственного секторов, различных авторитетных специалистов, экспертов медиапространства и др.

Кроме того, чрезвычайно необходимо акцентировать внимание на вопросах значимости образовательной среды, которая способствует формированию устойчивых патриотических ориентиров и, конечно, нравственных и правовых начал. Немаловажно также проводить работу по формированию среди молодых людей необходимых ценностных ориентиров, поскольку идеологами радикальных идей используется большой набор инструментов, чтобы воздействовать на молодежную аудиторию. Таким образом, государственным структурам необходимо налаживать более тесное взаимодействие по коллективному противодействию экстремистским течениям и распространению терроризма.

Кроме того, совершенствовать национальную систему борьбы с экстремизмом и террором необходимо посредством: проведения требуемых научных исследований; пересмотра отдельных, в недостаточной степени эффективных, мер государственной политики в обозначенной области; совершенствования уголовной политики в данной сфере путем внесения изменений и дополнений в соответствующее уголовное законодательство; в случае необходимости пересмотра и перераспределения компетенций различных государственных и правоохранительных структур в данной деятельности; совершенствования действующего общегосударственного механизма, координирующего анализируемую деятельность; мониторинга эффективности мероприятий, предусмотренных в рамках государственной

системы мер профилактического характера по обеспечению основ антиэкстремистской и антитеррористической безопасности; совершенствования систем по информационному, кадровому и иному обеспечению данной работы; проработки минимизации последствий, связанных с возможными экстремистскими и террористическими угрозами.

Подводя итог рассмотрению основных направлений деятельности по борьбе с экстремистскими и террористическими проявлениями, следует указать на то, что она должна быть реализована на различных уровнях, включая правовой, теоретический, организационный и др.

Библиографический список

1. Богатырев В. В., Кирьянов А. В. Проблемы борьбы с международным терроризмом в рамках СНГ // Вестник Владимирского юридического института 2018. № 2 (47). С. 203–207.

2. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76408> (дата обращения: 03.03.2026).

3. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // МВД Медиа. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii/?ysclid=m8soi1c wax539294446> (дата обращения: 03.03.2026).

4. Заседание коллегии ФСБ России // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76338> (дата обращения: 03.03.2026).

5. Кобец П. Н. Концептуально-теоретический подход к определению понятия «экстремизм» // Межнациональное согласие – основа преодоления экстремизма и терроризма, утверждения правового государства: методологический, идеологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты : межведомственный научный сборник / глав. ред. А. И. Комарова. Том 4 (42). М. : Светлана Зенина, 2012. С. 346–349.

6. Кобец П. Н., Кундетов А. И. О необходимости совершенствования отечественного законодательства об ответственности за терроризм // Терроризм и экстремизм как угрозы национальной безопасности России : идеологические, социокультурные и правоприменительные аспекты противодействия : XVIII Международная научно-практическая конференция, Нальчик, 23–24 мая 2014 года. Том 1. Нальчик : Краснодарский университет МВД России, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), 2015. С. 15–30.

7. Кобец П. Н. Основные факторы, способствующие совершению преступлений экстремистской направленности со стороны религиозных

тоталитарных сект, действующих в России // Экономика. Право. Лингвистика. 2007. № 3. С. 48–52.

8. Кобец П. Н. Факторы, способствующие преступной деятельности конфессиональных образований тоталитарного типа // Россия в глобальном мире : проблемы становления и развития : сборник научных трудов / редколлегия: В. В. Галкин, А. Н. Ильяшенко, О. Н. Савинкова [и др.]. Выпуск 2. Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 2007. С. 120–124.

9. Норов У. С. Противодействие экстремизму и терроризму : законодательство и практика // Государственная служба. 2012. № 2 (76). С. 66–68.

10. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Правовые вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации», посвященной Дню народного единства (Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, 7 ноября 2025 года) / А. Н. Аксенов, С. А. Воронин, Р. В. Закомолдин [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2025. № 4 (56). С. 197–214.

11. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А. А. Прохорова» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 года) / О. Ф. Акбашев, К. В. Алексеев, В. П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4 (48). С. 158–191.

12. Обзор III Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Десять лет Закону о стратегическом планировании в Российской Федерации» (РАНХиГС, Москва, 19 апреля 2024 г.) / А. М. Воронов, С. И. Гирько, Д. В. Ирошников [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2024. № 3 (51). С. 141–159.

13. Предупреждение преступности в России : монография / Ю. М. Антонян, М. М. Бабаев, Ю. Г. Касперович [и др.]; под ред. профессора Ю. М. Антоняна. М. : ОАО «Можайский полиграфический комбинат», 2014. 344 с.

14. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/76484 (дата обращения: 03.03.2026).

15. Шаталов Э. В., Шанешкин В. А., Бендик В. М. Терроризм в постиндустриальном обществе // Военная мысль. 2012. № 4. С. 3–10.

© Кобец П. Н., 2026

Кожухова И. А. – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ

A HISTORICAL ASPECT OF THE DEVELOPMENT OF STATE COUNTERACTION AGAINST TERRORISM AND EXTREMISM IN RUSSIA

Аннотация. В статье рассматривается исторический аспект развития государственного противодействия терроризму и экстремизму в России – от периода опричнины Ивана Грозного до современных подходов. Прослеживается эволюция методов и инструментов борьбы с террористическими угрозами в контексте политических и социальных изменений в стране.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, пропаганда, партии, движения.

Abstract. The article examines the historical aspect of the development of state counteraction to terrorism and extremism in Russia, from the period of Ivan the Terrible's oprichnina to modern approaches. It traces the evolution of methods and tools for combating terrorist threats in the context of political and social changes in the country.

Keywords: terrorism, extremism, propaganda, parties, and movements.

Изучая многовековую историю России, нетрудно заметить, что терроризм и экстремистские проявления неизменно сопровождали ее развитие с древнейших времен до наших дней. Начиная с эпохи Ивана Грозного и продолжая до советского периода, политические события часто были связаны с деятельностью радикальных партий и движений, что привело к возникновению правовых норм, предусматривающих наказание за подобные деяния.

Первые законодательные акты, такие как Псковская Судебная грамота 1497 года, начали включать понятия, схожие с терроризмом, обозначая их как «лихое дело». В статье 9 Судебника 1497 года перечислены такие понятия, как «государский убийца», «коромольник», «грабитель», «поджигатель», и предписывалось их смертное наказание [1].

Судебник 1550 года продолжил эту тенденцию, объединив особо тяжкие государственные преступления в рамках одной статьи. Этот период ознаменован укреплением царской власти и формированием законов для ее защиты. Соборное Уложение 1649 года, первый печатный свод законов, в статье 1 главы 2 впервые вводя понятие умысла на совершение преступления против царя, устанавливало смертную казнь. Эти нормы сохраняли силу более века, до прихода к власти Петра I [2].

Реформы Петра I были направлены на усиление монаршей власти и ужесточение ответственности за противодействие государственному строю. При этом в империи начал формироваться принцип веротерпимости, позволявший иностранцам исповедовать свою религию и строить храмы.

Попытка унифицировать уголовную ответственность за преступления, совершенные по мотивам религиозной, племенной или сословной вражды, прослеживается в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (статья 269.1) и Уголовном Уложении 1903 года (статья 122).

XIX век в России был отмечен серией громких террористических актов. Восстание декабристов 1825 года, сопровождавшееся угрозой для царской семьи, и убийство графа Милорадовича Каховским, чьи мотивы могли быть связаны с личной неприязнью, поднимают вопрос о трактовке подобных событий как террористических актов. Участие Каховского в подготовке мятежа усиливает эту аргументацию.

Финансовая поддержка большевиков, например, Саввой Морозовым, также является частью сложной картины политической борьбы. Убийство императора Александра II в 1881 году стало одним из самых резонансных проявлений терроризма, а предыдущая попытка покушения на него путем подрыва поезда демонстрирует решимость радикальных групп [3].

С 1901 года наблюдается консолидация террористических групп, в частности, создание Боевой организации партии эсеров. Ограничения, введенные царем на посещение увеселительных мероприятий, вызывают ироничные отклики в революционных кругах.

После смерти Александра II наступает относительное затишье, нарушаемое эсеровским террором. Убийства министров: внутренних дел Сипягина, просвещения – Боголепова, а затем и Плеве, свидетельствуют о размахе этой деятельности. С конца 1905 по 1907 год число жертв террористов среди чиновников исчисляется тысячами. При этом, если крестьянство в основном не поддерживало такие методы, то интеллигенция часто сочувствовала террористам и даже оправдывала их действия, как в случае с оправданием Веры Засулич, стрелявшей в градоначальника Трепова.

Революция 1905–1907 годов стала пиком терроризма, сопровождаемого тысячами взрывов, грабежей, убийств и экспроприаций. Партизанская война, основанная на принципе «пропаганды действием», активно развивалась [4].

Эффективным инструментом противодействия стал военно-полевой суд, введенный Петром Столыпиным. Его политическая карьера, отмеченная реформами и противостоянием революционерам, закончилась трагически – смертельным ранением в 1911 году, что стало последним крупным актом дореволюционного терроризма.

После Октябрьской революции 1917 года законодательство об экстремистской деятельности сводилось к декретам и обращениям. Год революции также ознаменовался использованием терроризма противниками советской власти. Однако было замечено, что терроризм наиболее эффективен в обществах, стремящихся к либерализации. Гражданская война сопровождалась убийствами, взрывами и покушениями. Антисоветское подполье, ослабленное отсутствием кадров и поддержки, было подавлено. Новая власть создала систему охраны высших должностных лиц.

В середине 1930-х годов, по указанию Сталина, на волне репрессий, начавшихся после убийства Кирова, были развернуты масштабные действия спецслужб. После Великой Отечественной войны террористическая активность проявлялась в Прибалтике и Западной Украине, но к началу 1950-х эти движения были уничтожены. К началу 1940-х годов значительная часть эмиграции была взята под контроль. Последовавший период относительного затишья в истории государства был нарушен лишь единичными случаями, например, взрывом самолета в 1973 году [5].

Во второй половине 1990-х годов Россия столкнулась с новой волной террористических актов. Эксперты связывают это явление с последствиями распада государства, что привело к ослаблению контроля над черным рынком оружия и наркотиков, а также к росту криминального насилия, включая повсеместные заказные убийства. Чеченская война усугубила ситуацию, вызвав неконтролируемую миграцию в центральные регионы России и увеличив распространение оружия и насилия.

В 1998–1999 годах произошли взрывы памятника Николаю II и здания Федеральной службы безопасности, совершенные радикально-коммунистическими группировками. К счастью, эти инциденты обошлись без жертв. Вторая Чеченская война, активная фаза которой пришлась на начало 2000-х, стала катализатором для захвата заложников на Дубровке. Террористы под предводительством Мовсара Бараева захватили заложников на мюзикле «Норд-Ост» с целью оказания давления на российские власти для вывода войск из Чечни. Несмотря на уничтожение террористов и освобождение выживших заложников, инцидент выявил неготовность экстренных служб к подобным сценариям, что послужило толчком к разработке новых антитеррористических стратегий [6].

С наступлением XXI века Россия начала внедрять новые подходы к борьбе с терроризмом. Последующие теракты, такие как захват школы в Беслане (2004), взрывы в московском метро (2010) и в магазине «Перекресток» (2017), вынуждали спецслужбы искать новые пути противодей-

ствия этому явлению. Параллельно велась работа по созданию единой базы данных для контроля над экстремизмом, распространяющимся из стран Ближнего Востока, Дальнего Востока и Европы [7].

Анализ развития терроризма и экстремизма в России выявляет их связь с комплексом проблем: политической нестабильностью, слабостью власти, социальным расслоением и нерешенностью межнациональных вопросов. Терроризм эволюционирует, отражая исторические события и общественные изменения. Если в прошлом он часто был направлен на конкретных лиц, то сегодня преобладает стремление вызвать массовую панику и страх, используя новейшие технологии.

Библиографический список

1. Багдасарян В. А., Бакаев А. А. Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли. М., 2004.
2. Бакаев А. А. Отечественная историография политического терроризма в Российской империи начала XX века. М., 2005.
3. Барский Л. А. Корни и лики террора: историко-публицистический детектив. М. : Издательство ЛКИ, 2007. 332 с.
4. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология. Вторая половина XIX – начало XX в. М. : Росспэн, 2000. 399 с.
5. Жестков Д. В. Правовая политика в сфере противодействия терроризму в России: вопросы теории и истории. Волгоград, 2006. 246 с.
6. Петкель В. В. Антитеррор и контрразведка : в органах госбезопасности от Сталина до Горбачева. СПб. : Гангут, 2005. 207 с.
7. Стариков Н. В. Террор. Кому и зачем он нужен. М. : Эксмо, 2024. 317 с.

© Кожухова И. А., 2026

Куровский В. М. – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России (Россия, г. Уфа)

**МИГРАЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЭКСТРЕМИЗМ:
ИЗМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

**MIGRATION CRIME AND EXTREMISM:
CHANGES IN THE CONTEXT OF NEW CHALLENGES
TO RUSSIA'S SECURITY**

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема взаимосвязи миграционной преступности и экстремизма как одной из серьезных угроз национальной безопасности России в современных геополитических условиях. На основе анализа статистических данных ГИАЦ МВД России за 2024–2025 гг. выявляются тревожные тенденции роста преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, включая увеличение доли особо тяжких деяний и преступлений экстремистской направленности. Особое внимание уделяется специфике объекта преступных посягательств, совершаемых иностранцами, а также двойственной структуре их криминальной активности, включающей как непосредственно экстремистские составы, так и общеуголовные преступления, совершенные по мотивам ненависти или вражды. Анализируются концептуальные основы обновленной Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации как ответа на трансформацию угроз и экстерриториализацию деструктивных факторов. В работе приведены примеры из судебной практики, иллюстрирующие рассматриваемые явления. В целях повышения эффективности противодействия предлагается комплексный подход, сочетающий уголовно-правовые и социально-культурные меры.

Ключевые слова: миграционная преступность, экстремизм, национальная безопасность, иностранные граждане, лица без гражданства, уголовная политика, противодействие экстремизму, преступления экстремистской направленности.

Abstract. The article discusses the current problem of the relationship between migration crime and extremism as one of the serious threats to Russia's national security in the current geopolitical conditions. Based on the analysis of statistical data from the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2024–2025, alarming trends in the growth of crimes committed by foreign citizens and stateless persons are identified, in-

cluding an increase in the proportion of particularly serious crimes and extremist crimes. Special attention is paid to the specifics of the object of criminal attacks committed by foreigners, as well as the dual structure of their criminal activity, which includes both directly extremist crimes and general criminal offenses committed out of hatred or enmity. The conceptual foundations of the updated Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation are analyzed as a response to the transformation. The paper provides examples from judicial practice that illustrate the phenomena under consideration. In order to increase the effectiveness of counteraction, a comprehensive approach is proposed that combines criminal law and socio-cultural measures.

Keywords: migration crime, extremism, national security, foreign citizens, stateless persons, criminal policy, counteraction to extremism, crimes of an extremist nature.

В современных условиях преступность экстремистской направленности представляет собой серьезную угрозу безопасности как на национальном, так и на международном уровне. В контексте глобализации и активных миграционных процессов особую значимость приобретает анализ преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, поскольку эти процессы могут способствовать трансграничному распространению радикальных идеологий.

Уголовная политика России в области противодействия экстремизму представляет собой развивающийся комплекс мер, нацеленных на обеспечение защиты конституционного строя, общественной безопасности и гражданского мира. В этой связи важным является исследование специфики объекта преступных посягательств, совершаемых иностранцами, чей особый правовой статус требует дифференцированного подхода к квалификации их действий и выбору мер уголовно-правового характера.

Как отмечает профессор С. С. Босхолов, совершенствование правового обеспечения национальной безопасности, в том числе в сфере борьбы с новыми вызовами, такими как экстремизм, является важнейшей задачей [1].

Статистические данные ГИАЦ МВД России свидетельствуют о тревожных тенденциях. За первые пять месяцев 2025 года количество преступлений, совершенных иностранными гражданами в России, увеличилось на 10 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 года, достигнув 18 873. Их доля в общей структуре преступности возросла с 4,3 до 5 %. Особую озабоченность вызывает рост числа особо тяжких преступлений (на 57 %) [3].

Рост преступности оказывает комплексное влияние на проблему экстремизма, провоцируя ксенофобские настроения, радикализацию и ужесточение государственной политики. Кононов Л. А. в своей работе связывает миграционные процессы с экстремизмом, подчеркивая роль преступ-

ности в радикализации [2]. Так, с 1 сентября 2025 года введена административная ответственность за целенаправленный поиск экстремистских материалов в Интернете [4].

Согласно информации МВД России, в 2024 году количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности выросло на 28,3 % (с 1340 до 1719). Число привлеченных к уголовной ответственности иностранцев и апатридов за совершение деяний экстремистской направленности увеличилось с 76 до 125 человек [5]. Подобные преступления, как показали недавние инциденты в Московской области, обладают высоким общественным резонансом и потенциально могут эволюционировать от экстремистских мотивов к террористической деятельности [6].

Введение обновленной Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации в 2025 году стало ответом на трансформацию угроз в данной сфере. Результаты системного мониторинга криминогенной обстановки свидетельствуют о тенденции к нарастанию и экстерриториализации деструктивных факторов. Ключевыми из них являются действия радикальных групп и лиц, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую риторику, чья деятельность направлена на дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации. Активизация этих угроз детерминирована как внутренними процессами, включая проведение специальной военной операции, так и внешним давлением, выражающимся, в частности, в рисках инспирирования «цветных революций». Концептуальная основа новой редакции Стратегии предполагает корректировку целей государственной политики и фокусируется на ряде приоритетных задач: повышении эффективности мониторинга, совершенствовании законодательной базы и правоприменения, консолидации усилий всех субъектов противодействия экстремизму, а также на информационном сопровождении их работы и укреплении гражданского патриотизма.

Правовую основу классификации таких преступлений определяет Указание Генпрокуратуры и МВД России от 24 января 2020 г. № 35/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», устанавливающее перечень соответствующих составов (ст.ст. 111, 112, 115, 117, 213, 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 357 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). При этом анализ ст. 63 УК РФ позволяет считать экстремистскую направленность квалифицирующим признаком любого преступления, если доказан мотив ненависти или вражды.

Криминальная активность иностранцев в этой сфере имеет двойственную структуру: она включает как непосредственно «экстремистские» составы преступлений (например, ст. 280, 282 УК РФ), так и общеуголовные преступления, совершенные по указанным мотивам (например,

ст. 111, 213 УК РФ). Эти деяния направлены против системы охраняемых ценностей, затрагивая основы конституционного строя, общественную безопасность и права личности.

Иллюстрацией служат примеры из судебной практики. В Сахалинской области иностранный гражданин был осужден по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ за участие в деятельности запрещенной международной экстремистской организации [7]. В Амурской области суд признал иностранца виновным в хулиганстве (ч. 1 ст. 213 УК РФ), совершенном на почве национальной ненависти, что свидетельствует об экстремистской подоплеке деяния [8].

В целях повышения эффективности противодействия данному явлению необходим комплексный подход, сочетающий уголовно-правовые, профилактические и организационные меры. Предлагаются следующие направления совершенствования политики:

В уголовно-правовой сфере:

- расширение оснований для прекращения гражданства Российской Федерации в связи с совершением преступлений;
- ужесточение уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности.

В сфере миграционного контроля:

- введение обязательной дактилоскопической и геномной регистрации иностранных граждан при въезде в Российскую Федерацию.

В области социально-культурной адаптации:

- разработка программ интеграции мигрантов, включающих изучение русского языка и основ российского законодательства.

Таким образом, совершенствование уголовной политики требует учета специфики преступлений, совершаемых иностранцами, и сочетания репрессивных мер с профилактическими, направленными на их адаптацию. Реализация этих предложений будет способствовать усилению борьбы с экстремизмом и укреплению национальной безопасности.

Библиографический список

1. Босхолов С. С. Национальная безопасность России : теоретико-правовой и прикладной аспекты : монография. М. : Проспект, 2021. 456 с. URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/387475/reading> (дата обращения: 25.01.2026).

2. Кононов Л. А., Чеботарев А. В. Взаимосвязь экстремизма и современных миграционных процессов как предмет политологического исследования // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70.

3. Состояние преступности в Российской Федерации за 5 месяцев 2024, 5 месяцев 2025 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 25.01.2026).

4. Вступили в силу штрафы за поиск экстремизма в интернет // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/01/09/2025/68b03edf9a79470b449c7b8e> (дата обращения: 25.01.2026).

5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023, 2024 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 25.01.2026).

6. Теракт в «Крокус сити холле». Факты // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/20320557> (дата обращения: 26.01.2026).

7. На Сахалине задержали иностранца за участие в экстремистской организации // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250121/sahalin-1994727658.html> (дата обращения: 25.01.2026).

8. Дело № 1-1041/2020 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/53924627> (дата обращения: 25.01.2026).

© Куровский В. М., 2026

УДК 343

Лисаускайте В. В. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Иркутск)

**МОДЕЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ»
ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ КАК НОВЫЙ ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ**

**MODEL LAW "ON COUNTER-TERRORISM"
COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION
AS A NEW LEGAL INSTRUMENT FOR INTERACTION
BETWEEN MEMBER STATES**

Аннотация. В статье анализируется модельный закон Организации Договора о коллективной безопасности «О противодействии терроризму» (2025 г.) в контексте международного сотрудничества государств-членов организации о борьбе с террористическими угрозами. Проводится сравнительный анализ положений модельного закона с российским Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», выявляются сходства и различия в подходах к определению ключевых понятий (терроризм, террористический акт и др.).

Рассматриваются основные положения модельного закона: задачи противодействия терроризму, организационные основы (включая полномочия президента государства), информационно-пропагандистские меры. Оценивается значение документа для гармонизации законодательства стран Организации Договора о коллективной безопасности и его потенциал для совершенствования национальных правовых систем.

Ключевые слова: терроризм, модельный закон, антитеррористическое сознание, международное сотрудничество, национальная безопасность, общественные организации.

Abstract. This article analyzes the Collective Security Treaty Organization's model law "On Countering Terrorism" (2025) in the context of international cooperation among the organization's member states in combating terrorist threats. A comparative analysis of the provisions of the model law is provided with the Russian Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006, "On Countering Terrorism," identifying similarities and differences in approaches to defining key concepts (terrorism, terrorist act, etc.).

The main provisions of the model law are considered: the objectives of countering terrorism, the organizational framework (including the powers of the President of the State), and information and propaganda measures. The significance of the document for the harmonization of legislation in the Collective Security Treaty Organization countries and its potential for improving national legal systems is assessed.

Keywords: terrorism, model law, anti-terrorist awareness, international cooperation, national security, and public organizations.

Терроризм представляет собой негативное социальное преступное явление, характерное для многих государств всего мирового сообщества. Отдельные географические регионы обладают повышенными рисками проявления актов терроризма, поэтому для государств данной территории важно осуществлять совместную деятельность, направленную на пресечение, выявление и предупреждение терроризма. Страны Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) относятся к такому региону. Этим государствам постоянно приходится сталкиваться лицом к лицу с угрозами терроризма, экстремизма, незаконной торговли наркотическими средствами, транснациональной организованной преступностью и т. п. [5, с. 1374].

Помимо традиционных форматов взаимодействия в виде обмена информацией, проведения совместных оперативных мероприятий, для пресечения, розыска и поимки преступников в рамках Организации осуществляются и иные виды деятельности, направленные на борьбу с терроризмом. Так, в 2025 году Парламентской Ассамблеей (далее – ПА) ОДКБ был принят модельный закон «О противодействии терроризму». ПА ОДКБ

принимает модельные законодательные акты, направленные на регулирование правовых отношений в сфере компетенции ОДКБ, а также рекомендации по сближению законодательства государств – членов ОДКБ и приведению его в соответствие с положениями международных договоров, заключенных этими государствами в рамках ОДКБ [1].

Данный документ ПА Организации является не первым в рассматриваемой сфере. Так, в 2015 году были утверждены рекомендации по сближению и гармонизации национального законодательства государств-членов ОДКБ в сфере противодействия терроризму и экстремизму; в 2016 году были приняты рекомендации по совершенствованию законодательного обеспечения противодействия технологическому терроризму в государствах-членах ОДКБ; в 2017 году – рекомендации по сближению законодательства государств-членов ОДКБ по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам в рамках противодействия терроризму и трансграничной преступности [4, с. 158].

Отметим, что такие документы не имеют обязательной юридической силы и не являются каким-либо регулятором. Они выступают в качестве типового акта, содержащего наиболее важные и необходимые положения, нужные государствам для осуществления конкретной деятельности в целях обеспечения, в данном случае, безопасности своей территории и населения. Государства – члены ОДКБ могут использовать данный документ в качестве типового закона при разработке национального документа в указанной сфере. Подобная практика весьма распространена в рамках международного сотрудничества и используется в Организации Объединенных Наций, Содружестве Независимых Государств и других международных организациях. В содержании модельного закона, как правило, устанавливаются правила поведения с учетом общих проблем и задач. А их использование в качестве проекта при разработке национального нормативного акта несколькими государствами способствует унификации национальных правил в конкретной сфере. Отметим некоторые особенности содержания данного документа.

Важным инструментом любого правового акта, на наш взгляд, выступает закрепление в нем основных понятий. В рамках рассматриваемого модельного закона дано определение таких терминов, как: терроризм, террористический акт, террористическое преступление, террористическая деятельность и т. д. Этот перечень весьма широк и содержит весьма детальную их характеристику. Поскольку в России действует Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», отметим наличие определенных различий в характеристике используемых терминов.

Так, в соответствии с модельным законом ОДКБ «О противодействии терроризму», под терроризмом понимается «социально-политическое криминальное явление, основанное на идеологии насилия и выраженное

в устрашении населения путем совершения или угрозы совершения общественно опасных уголовно наказуемых насильственных деяний, воздействию на принятие решения государственными органами, органами местного самоуправления, иностранными государствами или международными организациями, воспрепятствовании политической или иной общественной деятельности, причинении ущерба личности, обществу и государству» [2]. В данном определении конкретизировано, что терроризм – это именно явление. В то время, как российский закон определяет терроризм в качестве «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [3]. На наш взгляд, выработанное в рамках ОДКБ определение более соответствует реалиям современной действительности и точно характеризует рассматриваемый термин. Поэтому можно предположить, что российский законодатель примет решение вновь внести изменения в указанный национальный нормативный правовой акт.

Наше внимание привлекло содержание статьи о задачах модельного закона, в которой фактически перечислены конкретные направления деятельности государства по противодействию терроризму. К таковым, например, отнесены: предупреждение, выявление, пресечение террористической деятельности и минимизация ее последствий, выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности. Отметим, что задачи закона не закреплены в указанном выше соответствующем документе Российской Федерации. Данное обстоятельство также может быть учтено при решении вопроса о совершенствовании его содержания.

Глава 2 модельного закона ОДКБ «О противодействии терроризму» определяет организационные основы противодействия терроризму, в том числе посредством закрепления конкретных полномочий президента государства. Деятельность же органов местного самоуправления и органов исполнительной власти не конкретизирована, а лишь указано, что они обладают соответствующими полномочиями. Такой подход является весьма традиционным для модельных документов, поскольку учитывает возможную специфику в законодательстве каждого государства – члена ОДКБ, и не навязывает какие-то особые, общие положения. Использование такого средства юридической техники наглядно показывает, что у международной региональной организации нет цели формирования одинакового законодательства для государств, каждое из них обладает своими особенностями, учитываемыми и при создании нормативных регуляторов.

Определенный интерес представляет содержание статьи 9 модельного закона ОДКБ «О противодействии терроризму», в которой закреплены цели информационно-пропагандистского противодействия терроризму.

В качестве таковых указано 4 направления такой деятельности: разъяснения опасности терроризма; разоблачения форм, методов и приемов, с помощью которых террористы распространяют свои взгляды и идеи; формирования в обществе антитеррористического сознания; объединения усилий государственных органов, осуществляющих противодействие терроризму, и институтов гражданского общества в профилактике терроризма [2]. Исходя из содержания части второй указанной статьи, такую работу должны осуществлять органы государственной власти. Можно предположить, что такой подход заимствован из российского закона, поскольку в нем указаны такие виды деятельности в конкретных статьях о компетенции органов исполнительной власти и местного самоуправления.

Конечно, возложение полномочий по пропаганде на государственные структуры вполне логично и соответствует критериям национальной безопасности. Однако, на наш взгляд, закрепление права на такую деятельность за общественными организациями может способствовать распространению и применению современных информационных технологий в рассматриваемой сфере, уходу от шаблонного формата, что будет способствовать более эффективному результату. Как именно закрепят государства – члены ОДКБ такое правило в своем национальном законодательстве является их прерогативой и сферой научных интересов на будущее.

Представленная характеристика некоторых положений модельного закона ОДКБ «О противодействии терроризму» и их сравнение с давно действующим соответствующим законом нашей страны позволяют констатировать, что регулирование таких вопросов может обладать своими особенностями, достоинствами и недостатками. Наличие в модельном законе ОДКБ «О противодействии терроризму» обобщенных положений дает свободу нормотворческого выбора для государств. Страны ОДКБ, уже имеющие такие регуляторы, получили возможность их совершенствования с учетом разработанных совместно положений, появившихся на основании личного опыта государств – членов ОДКБ. Учитывая новизну рассматриваемого модельного закона, ученым предоставляется прекрасная возможность проведения периодической аналитики нововведений в национальные правовые системы относительно противодействия терроризму.

Библиографический список

1. Парламентская Ассамблея ОДКБ // Официальный сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/authorized_organs/parliamentary_assembly/ (дата обращения: 09.03.2026).

2. Страны ОДКБ будут бороться с терроризмом по одинаковым правилам // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8270242> (дата обращения: 09.03.2026).

3. О противодействии терроризму : федеральный закон № 35-ФЗ (принят Государственной Думой Российской Федерации от 6 марта 2006 г., в ред. от 28 февраля 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Романовский В. Г. Противодействие терроризму в странах ОДКБ : основные тенденции и перспективы // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2020. Т. 8, № 1 (29). С. 156–165.

5. Щеколдина Т. И. Контртеррористическая и антиэкстремистская деятельность ОДКБ // Постсоветские исследования. 2019. № 6. С. 1373–1384.

© Лисаускайте В. В., 2026

УДК 343.13

Маликова Н. В. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

FEATURES OF INVESTIGATION OF EXTREMIST CRIMES AMONG YOUNG PEOPLE

Аннотация. В статье исследуются криминалистические и процессуальные особенности расследования преступлений экстремистского характера, совершаемые лицами в возрасте 14–35 лет¹. Анализируются современные способы вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность, включая использование цифровых платформ и психологических технологий манипулирования. Выявлены ключевые проблемы доказывания: латентность преступлений, противодействие расследованию со стороны организаторов, высокая скорость удаления цифровых следов. Предложены пути совершенствования методики расследования: межведомственное взаимодействие, алгоритмизация работы с Big Data и внедрение социально-психологических экспертиз.

Ключевые слова: экстремизм, молодежная среда, расследование, цифровые следы, уголовный процесс, противодействие экстремизму.

¹ С 2020 г. согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» под молодежью понимается категория граждан в возрасте от 14 до 35 лет.

Abstract. The article examines the forensic and procedural features of the investigation of extremist crimes committed by individuals aged 14–25. It analyzes modern methods of involving young people in extremist activities, including the use of digital platforms and psychological manipulation techniques. The article identifies key challenges in proving such crimes, such as the latency of crimes, the resistance of the organizers to investigation, and the rapid deletion of digital traces. The article proposes ways to improve the investigation methodology, including interagency cooperation, the use of Big Data algorithms, and the implementation of socio-psychological examinations.

Keywords: extremism, youth environment, investigation, digital traces, criminal proceedings, countering extremism.

Актуальность расследования экстремистских преступлений среди молодежи обусловлена тремя основными факторами.

Во-первых, глобальной тенденцией к омоложению субъектов экстремистской деятельности. По данным ГИАЦ МВД России, за последние пять лет доля лиц в возрасте 14–35 лет среди осужденных за преступления экстремистской направленности выросла на 37 % [1]. Молодежь рассматривается организаторами деструктивных сообществ как «расходный материал» ввиду низкой правовой социализации, импульсивности и стремления к самоутверждению.

Во-вторых, цифровой трансформацией способов совершения преступлений. Экстремистская пропаганда, призывы, вербовка и даже координация противоправных актов все чаще перемещаются в мессенджеры (Telegram, WhatsApp), закрытые группы в социальных сетях, даркнет-форумы и игровые платформы. Это создает новые, нетривиальные для традиционного уголовного процесса источники доказательств.

В-третьих, высокой общественной опасностью. Молодежный экстремизм часто сопряжен с совершением тяжких насильственных действий (нападения на учебные заведения, уличные погромы) и имеет ярко выраженный демонстративный характер, что вызывает широкий общественный резонанс и дестабилизирует социальную обстановку [2, с. 15–18].

Несмотря на повышенное внимание правоохранительных органов, расследование данной категории дел сталкивается с системными проблемами.

1. Латентность и трудности фиксации первичной информации.

Большинство экстремистских проявлений (посты, переписка, репосты) долгое время остаются в «серой зоне» – они не заявляются очевидцами, а выявляются оперативно-розыскным путем. Момент перехода от слов к действиям следователь часто пропускает, так как отсутствует четкий критерий, когда мониторинг должен перерасти в уголовное дело.

2. Проблема «цифрового расследования».

1. Быстрое уничтожение следов: участники групп экстремистской направленности используют самоуничтожающиеся сообщения, VPN, анонимные браузеры.

2. Большой объем информации: изъятие одного смартфона у подозреваемого может давать до 500 ГБ данных, среди которых нужно найти криминалистически значимые фрагменты.

3. Юридическая квалификация: суды не всегда принимают скриншоты как допустимые доказательства без судебной компьютерно-технической экспертизы, проведение которой требует времени, в течение которого контент может быть удален.

3. Противодействие расследованию со стороны взрослых кураторов.

Организаторы экстремистских сообществ действуют анонимно, используют подставные аккаунты, криптовалюту для оплаты «активистам» и инструктируют молодежь о том, как вести себя при задержании (отказ от дачи показаний, заведомо ложные алиби). Молодые исполнители нередко сами не знают личности кураторов, что обрывает цепочку доказывания на уровне рядового участника.

4. Психологическая специфика работы с подозреваемыми.

Несовершеннолетние и молодые экстремисты часто находятся в состоянии когнитивного диссонанса: они искренне верят в идеологию, либо, напротив, глубоко раскаиваются, но боятся мести сообщества [3, с. 180–189]. Стандартные допросы «по шаблону» неэффективны. Требуются специалисты-психологи, однако в штате следственных органов их остро не хватает.

Преодоление указанных проблем требует не только законодательных изменений, но и внедрения криминалистических и управленческих новаций.

1. Формирование специализированных следственно-оперативных групп (далее – СОГ) с цифровым профилем.

В состав СОГ по делам о молодежном экстремизме следует включать не только следователя и оперуполномоченного, но и специалиста по компьютерно-техническим экспертизам, аналитика социальных сетей и психолога. Это позволит проводить неотложные действия (осмотр места происшествия, выемку электронных устройств) с одновременным зеркалированием данных без их утраты.

2. Алгоритмизация работы с открытыми данными и Big Data.

Предлагается внедрение ведомственного программного обеспечения, которое в автоматическом режиме:

- выявляет в открытых пабликах и чатах экстремистские паттерны (использование специфической лексики, символики, командных фраз);
- фиксирует динамику роста аудитории деструктивных групп;
- составляет временные и коммуникативные сети участников.

Полученные результаты должны служить основанием для назначения лингвистической судебной экспертизы, а не только оперативной проверки.

3. Развитие института «цифрового понятого» и спецхранения.

Для преодоления проблемы допустимости доказательств предлагается законодательно закрепить возможность участия понятого [4, с. 129–130] в дистанционном осмотре интернет-страниц с помощью видео-конференц-связи. Также необходимо создать специализированные хранилища изъятых цифрового контента (серверы с повышенной защитой) с обязательной блокчейн-фиксацией каждого действия с файлом, чтобы исключить заявления защиты о фальсификации.

4. Межведомственный протокол «быстрого замораживания» данных.

Разработать и утвердить на уровне Генпрокуратуры, МВД, ФСБ и Роскомнадзора единый регламент, по которому при получении первичной информации о готовящемся преступлении экстремистской направленности правоохранительные органы в течение 1 часа направляют операторам связи и владельцам платформ требование о сохранении данных (прекращении автоматического удаления сообщений) на срок до 10 суток без судебного решения, с последующим уведомлением судьи в течение 24 часов.

5. Введение обязательной комплексной психолого-лингвистической экспертизы личности несовершеннолетнего подозреваемого.

Назначать такую экспертизу до предъявления обвинения, чтобы определить:

- степень внушаемости и наличие признаков идеологического манипулирования;
- наличие или отсутствие корыстного мотива;
- реальную возможность осознавать общественную опасность своих действий (с учетом возрастных психофизиологических особенностей).

Это позволит дифференцировать ответственность и строить тактику допроса не на конфликте, а на сотрудничестве, особенно в случаях, когда подросток сам стал жертвой вербовки.

Подводя итог, следует отметить, что расследование преступлений экстремистской направленности среди молодежи требует отхода от шаблонных методик. Ключевой вектор развития – переход от реактивного (расследование уже совершенного) к превентивно-расследовательному (выявление и блокировка на стадии приготовления) подходу на основе цифровой криминалистики и междисциплинарного взаимодействия. Реализация предложенных путей позволит не только повысить раскрываемость, но и минимизировать сам феномен вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность.

Библиографический список

1. Состояние преступности в России за 2021-2025 годы // ГИАЦ МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/> (дата обращения: 23.03.2026).

2. Мешев И. Х. Экстремизм в молодежной среде : причины возникновения и пути противодействия // Международный научный вестник. 2024. № 9. С. 15–18.

3. Шиповская В. В., Гуссейнов А. Ш. Психологические факторы риска экстремистской активности личности в молодежной среде // Научно-практический журнал «Гуманизация образования». 2019. № 5. С. 180–189.

4. Кузора С. А. Проблемы участия понятых при производстве следственных действий с электронными носителями информации // Закон и право. 2010. № 10. С. 129–130.

© Маликова Н. В., 2026

УДК 343.85: 343.34(470)

Миняшева Г. И. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

SOME FEATURES OF COUNTERING EXTREMIST CRIMES

Аннотация. Интересы обеспечения национальной безопасности государства диктуют необходимость повышения эффективности противодействия экстремизму во всех проявлениях, видах и формах. Несмотря на то, что органами внутренних дел постоянно проводится работа по недопущению экстремистских проявлений, противодействию вербовке граждан Российской Федерации, экстремизм продолжает оставаться одной из самых сложных проблем современности.

Ключевые слова: экстремизм, информационная безопасность, противодействие экстремизму, информационные технологии, искусственный интеллект.

Abstract. The interests of ensuring the national security of the state dictate the need to increase the effectiveness of countering extremism in all its manifestations, types, and forms. Despite the fact that the internal affairs agencies are constantly working to prevent extremist manifestations and counter the recruitment of citizens of the Russian Federation, extremism remains one of the most complex problems of our time.

Keywords: extremism, information security, countering extremism, information technology, artificial intelligence.

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств, сложившимся на федеративной основе, где проживают представители 182 этнических общностей, обладающих уникальными особенностями традиционной культуры. Россия на протяжении многих веков сохраняла межэтнический мир, поддерживая баланс интересов этнокультурных групп. Однако происходящие в настоящее время в мире разногласия политического, религиозного, национального характера стали приводить к возникновению различных организаций экстремистской направленности.

В современных условиях к приоритетным задачам обеспечения государственной и общественной безопасности относится предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц, попыток совершения актов ядерного, химического и биологического терроризма [5].

Деятельность органов внутренних дел осуществляется в условиях, осложненных напряженной геополитической обстановкой и ведущимися боевыми действиями. Данное положение дел требует постоянной выработки специфических мер по организации оперативно-служебной деятельности в современных условиях борьбы с преступностью.

Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 4 марта 2026 года, Президент Российской Федерации Путин В. В. отметил, что в борьбе с экстремизмом необходима «комплексная, системная, современная, можно сказать, умная и гибкая работа. Задача МВД – жестко пресекать любые проявления русофобии, ксенофобии, религиозной вражды, расширять профилактическую работу в этой сфере, оперативно выявлять тех, кто стремится раскачать ситуацию в России, в нашем обществе» [8].

Недружественные страны пытаются использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества. Все более активно применяются не прямые методы, направленные на провоцирование долговременной нестабильности внутри Российской Федерации.

Такое положение дел предполагает необходимость осуществления противодействия экстремизму и терроризму во всех их проявлениях.

Экстремизм является одной из сложных проблем современности. Это связано с его сущностью, многоаспектностью, наличием причин и условий, способствующих его возникновению и существованию.

Термин «экстремизм» происходит от латинского слова *extremus*, что означает «крайний», «чрезмерный».

Среди источников угроз государственной и общественной безопасности Российской Федерации экстремистская деятельность, направленная

на нарушение единства и территориальной целостности страны, представляет повышенную опасность.

Органы внутренних дел Российской Федерации осуществляют деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экстремистской направленности.

Статистический анализ криминогенной ситуации в России показывает рост числа преступлений экстремистской направленности. Так, в 2023 году было зарегистрировано 1340 преступлений данного вида, больше половины (56 %) было совершено с использованием сети Интернет, в 2024 году – 1719 (+28,3 %), из них 54,5 % – с использованием сети Интернет [9].

В 2025 году органами внутренних дел также проводилась активная работа по противодействию идеологии экстремизма и терроризма, осуществлялся комплекс организационных и практических мер, в том числе оперативно-розыскных мероприятий, направленный на повышение эффективности противодействия всем видам экстремистских проявлений. Так, в 2025 году было зарегистрировано 2,2 тыс. (+30,4 %) преступлений, больше половины было совершено с использованием сети Интернет [9].

В структуре зарегистрированных преступлений экстремистской направленности почти треть (32,9 %) занимают деяния, предусмотренные ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) – 737 (+ 57,8 %) преступлений. Увеличилось количество выявленных преступлений по фактам возбуждения ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ) – 142 (+18,3 %) преступлений; организации деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ) – 338 (+8,7 %); финансирования экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) – 306 (+427,6 %); неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ст. 282.4 УК РФ) – 245 (+16,1 %) и реабилитацией нацизма (ст. 354.1 УК РФ) – 47 (+34,3 %).

Отмечается сокращение фактов организации экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) – 44 (–13,7 %) [9].

Наибольшее количество выявленных лиц, совершивших уголовно-наказуемые деяния указанной категории, отмечено в г. Москве (100), республиках Дагестан (87), Башкортостан (66), Кабардино-Балкарской Республике (52) и Краснодарском крае (45).

Всего решениями судов запрещена деятельность 129 экстремистских [6] и 70 террористических [7] организаций.

С учетом сохранившихся угроз и появления новых методов дистанционного вовлечения граждан в диверсионно-террористическую и экстремистскую деятельность, постоянно проводится работа по недопущению

экстремистских проявлений, противодействию вербовке граждан Российской Федерации в ряды украинских вооруженных формирований, пресечению антироссийской деятельности иностранных и международных организаций, аффилированных с ними российских физических и юридических лиц. Так, в прошедшем году в сети Интернет было выявлено тридцать три сторонника украинского военизированного объединения «Легион», четыре – националистической организации «Русский добровольческий корпус», пять – батальона «Азов» и шесть – украинской организации «Правый сектор».

Кроме них также существует противоправная деятельность международных экстремистских объединений «Ал-Такфир Валь-Хиджра», «Исламское государство», «Катиба Таухид валь-Джихад», «Таблиги Джамат». Среди определенной части мусульман получила распространение идеология радикального ислама – салафизм.

Основной причиной появления экстремизма в России выступает целый комплекс факторов (экономический, религиозный, этнический, психологический, исторический, социальный и политический).

Следует различать виды экстремизма и его формы. Под видами экстремизма понимаются его проявления в определенной сфере общественных отношений. Форма экстремизма – это его внешнее выражение.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации указано, что возможности трансграничного оборота информации все чаще используются для достижения геополитических, противоречащих международному праву военно-политических, а также террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности [4].

Экстремистская идеология проникает во все сферы общества, в том числе преступниками активно используется сеть Интернет.

Для эффективного выявления фактов использования сети Интернет в целях привлечения и использования новых членов, оперативным сотрудникам требуется проведение целого комплекса различных методов, средств и навыков.

Развитие технологий привело к тому, что экстремистские организации активно используют зашифрованные каналы связи, анонимные сети, криптовалютные платежи и стенографические методы передачи данных. Это значительно осложняет оперативно-розыскную работу, поскольку стандартные методы перехвата информации часто оказываются неэффективными [2, с. 48].

Экстремистки настроенные лица активно стали привлекать в свои ряды несовершеннолетних, обещая им денежное вознаграждение. Эта категория молодых людей достаточно грамотные в техническом отношении, кроме того, они еще психологически неустойчивые и легко поддаются на манипуляции.

Особую обеспокоенность вызывает распространение в сети Интернет контента, вовлекающего подростков в различные криминально ориентированные сообщества, оправдывающие насильственные действия по отношению к сверстникам и педагогам.

Информационные технологии активно применяются при совершении преступлений экстремистской направленности. Так, например, на территории 8 субъектов Российской Федерации действовало движение «Нацдем» численностью более 20 человек, которое занималось распространением экстремистской идеологии через Интернет. В настоящее время его деятельность пресечена, а его лидеры и активные участники осуждены к различным срокам лишения свободы (от 3,5 до 8 лет).

Искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты интеллектуальной деятельности человека [3, с. 421].

Интегрирование искусственного интеллекта в борьбе с экстремизмом — это только один из вариантов использования информационно-телекоммуникационных технологий в сфере противодействия данному явлению. Оно требует постоянного развития для возможности адаптации к изменяющимся методам распространения экстремистского контента [1, с. 19].

Таким образом, противодействие экстремизму в условиях информационного общества является одной из приоритетных задач обеспечения национальной безопасности, требующей комплексного подхода, скоординированных усилий общества и государства. Правоохранительные органы должны овладеть профессиональными навыками, соответствующими современным требованиям.

Библиографический список

1. Венидиктов М. И. Некоторые особенности противодействия преступлениям экстремистской направленности // Межвузовский сборник научных трудов по итогам Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. Барнаул, 2023.

2. Гаврилов Б. Я. Способы получения доказательства и информации в связи с обнаружением и возможностью обнаружения электронных носителей : учебное пособие / Б. Я. Гаврилов, В. Ф. Васюков, А. А. Кузнецов. М., 2025.

3. Коробеев А. И., Дремлюга Р. И., Кучина Я. О. Киберпреступность в Российской Федерации : криминологический и уголовно-правовой анализ ситуации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3.

4. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.03.2026).

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.02.2026).

6. Данные Минюста России на 31 декабря 2025 года // Министерство юстиции Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://www.minjust.ru> (дата обращения: 16.03.2026).

7. Данные ФСБ России на 31 декабря 2025 года // ФСБ Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://www.fsb.ru> (дата обращения: 16.03.2026).

8. Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/> (дата обращения: 10.03.2026).

9. Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 12.03.2026).

© Миняшева Г. И., 2026

Мирошниченко А. В. – старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской ордена Почета академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук (Россия, г. Омск)

**РОЛЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА
В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ:
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ**

**THE ROLE OF ADMINISTRATIVE LAW
IN THE COUNTER-EXTREMISM SYSTEM:
CONTEMPORARY CHALLENGES**

Аннотация. В статье рассматривается роль административного права в системе противодействия экстремизму в Российской Федерации в условиях цифровизации и распространения новых форм экстремистской деятельности в сети Интернет. Анализируется судебная практика привлечения к административной ответственности по ключевым статьям КоАП РФ, связанным с экстремизмом: 20.3, 20.3.1, 20.29, 13.15. На конкретных примерах рассматриваются типичные правонарушения – от публичного демонстрирования экстремистской символики до распространения запрещенных материалов в социальных сетях. Выявлены основные проблемы противодействия экстремизму в цифровой среде: анонимность пользователей, скорость распространения информации, использование технологий обхода блокировок, недостаточная оперативность реагирования уполномоченных органов. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего административно-правовые меры, технологические решения и профилактическую работу. Такой подход позволит повысить эффективность противодействия экстремизму в цифровом пространстве и улучшить качество работы правоохранительных органов.

Ключевые слова: интернет-экстремизм, цифровизация, экстремизм, национальная безопасность, судебная практика, цифровая грамотность, IT-компании.

Abstract. The article examines the role of administrative law in the system of countering extremism in the Russian Federation in the context of digitalization and the spread of new forms of extremist activity on the Internet. The ar-

ticle analyzes the judicial practice of bringing individuals to administrative responsibility under key articles of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation related to extremism: 20.3, 20.3.1, 20.29 and 13.15. The article uses specific examples to demonstrate typical offenses, ranging from the public display of extremist symbols to the distribution of prohibited materials on social media. The main problems of countering extremism in the digital environment have been identified: user anonymity, the speed of information dissemination, the use of technologies for bypassing blocks, and the insufficient responsiveness of authorized bodies. It has been concluded that a comprehensive approach is necessary, combining administrative and legal measures, technological solutions, and preventive work. This approach will help to increase the effectiveness of countering extremism in the digital to improve the effectiveness of countering extremism in the digital space and the quality of law enforcement work.

Keywords: Internet extremism, digitalization, extremism, national security, judicial practice, digital literacy, IT companies.

В современных условиях экстремизм остается одной из наиболее острых угроз национальной безопасности Российской Федерации. Его проявления затрагивают не только политическую, но и социальную, правовую, культурную и информационную сферы, что требует постоянного контроля и комплексного правового реагирования.

Публично-правовая сфера, а в частности административное право, играет одну из основополагающих ролей в системе противодействия экстремизму, обеспечивая оперативное пресечение противоправных действий, привлечение к административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности, применение иных мер административно-правового характера, включая превентивные меры и профилактику.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования административно-правовых механизмов в условиях цифровизации, появления новых форм экстремистской деятельности и роста числа правонарушений, совершаемых с использованием сети Интернет.

Судебная практика последних лет демонстрирует устойчивую тенденцию к ужесточению мер административной ответственности за правонарушения, связанные с экстремизмом. Суды Российской Федерации активно рассматривают дела по статьям:

1) 20.3 КоАП РФ (например: гражданка публично демонстрировала наклейку с символикой организации «Краснодар „Пит Буль“», признанной экстремистской и запрещенной в Российской Федерации, чем нарушила Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ [1] и совершила противоправные действия, выразившиеся в публичном демонстрировании и пропаганде экстремистской символики [4]);

2) 20.3.1 КоАП РФ (например: гражданин публично, посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, совершил действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды в отношении социальной группы управленцев, выделенной по признакам идеологических взглядов и профессиональной деятельности в сфере государственного управления. В публично размещенных видеороликах формируется отрицательный образ данной группы с использованием унижительных и оскорбительных характеристик [2]);

3) 20.29 КоАП РФ (например: гражданин, являясь администратором и пользователем социальной сети, разместил на своей персональной странице аудиозапись, полностью идентичную по содержанию и длительности материалу, ранее признанному экстремистским. Размещение осуществлено публично, с целью обеспечения доступа неограниченному кругу лиц для прослушивания и копирования [5]);

4) 13.15 КоАП РФ (например: главный редактор допустил размещение на официальном ресурсе средств массовой информации материала, касающегося лица, признанного иностранным агентом, без обязательного указания соответствующего статуса, что является нарушением установленных требований к публикации подобных сведений [3]) и др.

Представляется, что наиболее распространенными являются дела об административных правонарушениях, связанные с распространением экстремистских материалов в сети Интернет, а также с публичными призывами к экстремистской деятельности.

Суды строго и беспристрастно подходят к рассмотрению таких дел, принимая во внимание не только факт совершения правонарушения, но и степень общественной опасности деяния. Виновные лица привлекаются к административной ответственности в виде административных штрафов, административных арестов или обязательных работ. В ряде случаев применяется конфискация предметов административного правонарушения.

Судебная практика подтверждает эффективность административно-правовых мер, однако выявляет и ряд проблем, связанных с квалификацией деяний, определением границ свободы слова и оперативным реагированием на новые виды и формы экстремистской деятельности. В связи с этим, отдельного внимания требует вопрос противодействия экстремизму в сети Интернет.

С развитием цифровых технологий сеть Интернет стала основной площадкой для распространения экстремистских идей. Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет в частности включают следующие факторы: анонимность пользователей, что затрудняет идентификацию правонарушителей; быстрое распространение информации через социальные сети, мессенджеры и форумы; использование шифрования и VPN-сервисов для обхода блокировок; недостаточная оперативность реагирования со стороны правоохранительных органов и провайдеров.

Для решения этих проблем считаем целесообразным следующее: во-первых, совершенствовать законодательство, вводя конкретные критерии оценки информации с целью признания ее экстремистской, а также механизмы ее оперативного блокирования; во-вторых, развивать техническое сотрудничество между государством и IT-компаниями для выявления и удаления противоправного контента; в-третьих, повышать уровень цифровой грамотности населения, формируя у граждан навыки критического мышления и безопасного поведения в сети; в-четвертых, усиливать международное взаимодействие в сфере обмена информацией о новых формах интернет-экстремизма с целью координации мер реагирования.

Таким образом, административное право остается важнейшим инструментом в системе глобального противодействия экстремизму. Современные вызовы требуют постоянного совершенствования правовых механизмов, адаптации к новым реалиям эпохи цифровизации и усиления взаимодействия между государственными органами, обществом и IT-сектором. На наш взгляд, комплексный подход, сочетающий административно-правовые меры, технологические решения и профилактическую работу, позволит повысить эффективность противодействия экстремизму в цифровом пространстве и улучшить качество работы правоохранительных органов.

Библиографический список

1. О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Постановление № 5-1189/2020 от 26 июля 2020 г. по делу № 5-1189/2020 // Центральный районный суд г. Новокузнецка (Кемеровская область). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/c2v3vL3Q8WQ9> (дата обращения: 26.02.2026).

3. Постановление № 5-228/2025 от 18 сентября 2025 г. по делу № 5-228/2025 // Октябрьский районный суд г. Мурманска (Мурманская область). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nSHIyaj1NlR> (дата обращения: 26.02.2026).

4. Постановление № 5-104/2025 от 28 сентября 2025 г. по делу № 5-104/2025 // Рузский районный суд (Московская область). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Oss3xXFv7eb> (дата обращения: 26.02.2026).

5. Постановление № 5-292/2025 от 28 сентября 2025 г. по делу № 5-292/2025 // Октябрьский районный суд г. Рязани (Рязанская область). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0bL8fL0XXaQU> (дата обращения: 26.02.2026).

© Мирошниченко А. В., 2026

Мухаметшин Ф. Б. – профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Уфа)

**ПО ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ
И ЭКСТРЕМИЗМУ КАК АДАПТАЦИИ К РИСКАМ
СОВРЕМЕННОСТИ**

**ON THE ISSUE OF COUNTERING TERRORISM
AND EXTREMISM AS ADAPTATION TO THE RISKS
OF MODERN TIMES**

Аннотация. Исследование посвящено анализу нормативных основ противодействия терроризму и экстремизму в условиях современности. Рассматриваются отдельные примеры правоприменительной деятельности, позволяющие выработать пути ее совершенствования. Проанализированы отдельные направления государственной политики по противодействию терроризму и экстремизму.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, противодействие, информационные технологии, экстремистская направленность.

Abstract. The study focuses on analyzing the regulatory framework for countering terrorism and extremism in modern times. It examines specific examples of law enforcement activities and suggests ways to improve them. The study also analyzes certain aspects of state policy aimed at countering terrorism and extremism.

Keywords: terrorism, extremism, counteraction, information technology, extremist orientation.

Противодействие терроризму и экстремизму в современных условиях глобализации, распространения процессов цифровизации, проведения специальной военной операции приобретает особую актуальность. Угрозы и риски, с которыми столкнулось наше государство, приводят к необходимости постоянного совершенствования комплекса правовых, экономических, организационных мер противодействия терроризму и экстремизму. Цифровые технологии, используемые для совершения преступлений террористической и экстремистской направленности, следует отнести к рискам современности. Отметим, что в условиях цифровизации значительная часть правонарушений совершается с помощью информационно-телекоммуникационной системы Интернет, мессенджеров и т. п. Так, примером ис-

пользования информационно-телекоммуникационной сети Интернет для совершения преступлений экстремистской направленности является совершение ФИО1 административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, выраженное в размещении в свободном доступе интернет-страницы на маркетплейсе «Авито» в сети Интернет, пользователем которой является ФИО1, объявления о продаже книги «<...>» автора, которая 5 марта 2025 г. включена в Федеральный список Министерства юстиции Российской Федерации экстремистских материалов под № 5459 [1].

Другим примером является использование мессенджера проживающим на территории Херсонской области Н. в период с 1 мая по 11 июля 2023 г. при организации договоренности с иным лицом (уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство), действующим от имени специальных служб Украины, о совершении взрыва, устрашающего население и создающего опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба и наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти Российской Федерации на территории Херсонской области и воздействия на принятие ими решений о прекращении осуществления своих полномочий в ходе специальной военной операции. Во исполнение задуманного по указаниям иного лица в период с 1 июня по 11 июля 2023 г. Н. предложил гражданам под псевдонимами И. и П. принять участие в совершении этого взрыва; нашел на территории Херсонской области и незаконно присвоил 24 патрона калибра 5,45 мм, которые хранил по месту своего проживания, а также 181 патрон калибра 7,62 мм, три выстрела ВОГ-17М к гранатомету и гранату Ф-1, которые хранил в тайнике, оборудованном на соседнем заброшенном земельном участке; приискал и изучил объект совершения взрыва – блокпост на участке автодороги между городами А. и Г., где несли службу военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации, осуществил его фотографирование и отправку полученных снимков посредством мессенджера иному лицу; разработал совместно с иным лицом план, согласно которому Н. должен был вместе с членами диверсионно-разведывательной группы выдвинуться к выбранному блокпосту и при совершении взрыва последнего использовать боеприпасы и взрывные устройства.

Преступные действия Н., направленные на совершение террористического акта, не были доведены до конца по независящим от него обстоятельствам в связи с изъятием 11 июля 2023 г. сотрудниками правоохранительных органов боеприпасов и взрывных устройств, а также его задержанием [2].

Как известно, ст. 13 Конституции Российской Федерации закрепляет идеологическое многообразие, что предполагает направленность государственно-правовой политики на утверждение гражданского мира и согласия

на основе толерантности. Запрещены создание и деятельность общественных объединений, направленных на разжигание национальной, расовой, социальной и религиозной розни. Из этого следует, что идеологии, построенные на ненависти в отношении отдельных групп лиц, не могут быть реализованы в деятельности общественных объединений [3, с. 3]. В отечественной системе права должны быть нормы, препятствующие распространению мировоззрения, основанного на чувствах ненависти или вражды, образованию формальных и неформальных объединений радикальной направленности. Таковыми нормами являются положения Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

При обращении к отечественному законодательству мы видим, что согласно ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в Российской Федерации запрещена пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку социальной, национальной, расовой, языковой принадлежности или отношения к религии. Это важная гарантия признания равенства всех перед законом и судом, а также недопустимости действий, направленных на разжигание социальной, национальной, расовой или религиозной розни. Нормой права, реализующей конституционно-правовой запрет на распространение идеологии терроризма и нацизма, является ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, п. «е» – совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Неслучайно в составы насильственных преступлений против жизни и здоровья, общественной безопасности и общественного порядка этот мотив отражен в качестве квалифицирующего признака [3, с. 3].

Идеологические основы уголовно-правового воздействия признаются способствующими решению государственно-правовых задач, связанных с установлением контроля над преступностью. Криминологические меры профилактики экстремизма и терроризма должны быть четко дифференцированы, что позволит учесть характер и степень общественной опасности этих преступлений.

Создание в Главном управлении по противодействию экстремизма (ГУПЭ) МВД России автоматизированной информационной системы, включающей сведения о таких лицах, может оказаться полезным в целях пресечения готовящихся преступлений и расследования уже совершенных деликтов экстремистской направленности.

При осуществлении предупреждения терроризма и экстремизма всем органам государственного управления необходимо уделять внимание вы-

явлению лиц, разделяющих основные идеи экстремизма и готовых к совершению преступлений экстремистской направленности. Также нужна активизация деятельности органов прокуратуры, направленной на выявление распространения экстремистских материалов и незамедлительное обращение в суд в установленном законом порядке. Особо важное значение в условиях цифровизации имеет Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации», в котором отмечается необходимость совершенствования законодательства Российской Федерации в части, касающейся пресечения производства экстремистских материалов и их распространения, в том числе на электронных носителях информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет.

Противодействие проявлениям нацизма и экстремизма должно осуществляться не только на федеральном уровне, но и на региональном. Следует не допускать межэтнических и межконфессиональных разногласий между населением отдельных регионов. Здесь особое внимание должно уделяться нравственному формированию личности в подростковый период, правильное воспитание должно прививаться в семье с уважительным отношением ко всему многонациональному народу России.

Таким образом, проявления экстремизма и нацизма на сегодняшний день вызывают чувство обеспокоенности. Наше государство имеет положительный опыт противодействия этим негативным проявлениям. Меры воспитательного и организационного характера направлены на усиление толерантности в общении и социальном поведении. Методы патриотического воспитания, основанные на уважении к отечественной истории, также нельзя недооценивать в работе с несовершеннолетними и молодежью.

Большую роль в противодействии терроризму и экстремизму играет усиление информационного обеспечения правоохранительных органов. Внедрение автоматизированных информационных систем, содержащих сведения об экстремистских материалах с идеологией нацизма и лицах, совершивших преступления экстремистской направленности, станет эффективным средством предупреждения терроризма и экстремизма.

Библиографический список

1. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2026 г. № 5-АД26-7-К2. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 30.03.2026).

2. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2026 г. : дело № 224 -УД26-9-А6. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 30.03.2026).

З. Жариков Ю. С., Цветков Р. Н. Противодействие нацизму : уголовно-правовой и криминологический аспекты : монография. М. : ИНФРА-М, 2024. 187 с.

© Мухаметшин Ф. Б., 2026

УДК 343.34(470.57)«1990/2025»

Нурисламов А. С. – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

О ПРОЯВЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ БАШКИРСКОМ КРАЕ

ON MANIFESTATIONS OF EXTREMISM IN THE MODERN BASHKIR REGION

Аннотация. В статье проводится анализ проявлений экстремизма на территории Республики Башкортостан в период с начала 1990-х гг. прошлого века и по настоящее время, рассматриваются актуальные вопросы влияния идеологии экстремизма на общественное сознание жителей региона. Особое внимание уделено особенностям и способам распространения экстремистских идей и настроений.

Ключевые слова: государственность, суверенитет, сепаратизм, идеология, экстремизм, пантюркизм, национальная безопасность.

Abstract. The article analyzes the manifestations of extremism in the Republic of Bashkortostan from the early 1990s to the present day, examines the current issues of the influence of extremist ideology on the public consciousness of the region's residents, and pays special attention to the features and methods of spreading extremist ideas and sentiments.

Keywords: statehood, sovereignty, separatism, ideology, extremism, pan-Turkism and national security.

В начале 1990-х гг. прошлого века на фоне демократизации и так называемого роста национального самосознания в союзных и автономных республиках начался «парад суверенитетов», этот процесс затронул и Башкирскую АССР. Глава Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин, выступая 6 августа 1990 г. в Казани, произнес хрестоматийную фразу: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Позже он повторил

ее во время своей поездки в Башкирию. Как считают авторы, исследовавшие данный период, он предложил автономиям определенный компромисс, то есть «берите суверенитета, сколько считаете возможным, но оставайтесь в составе России».

Распад Союза ССР привел к конституционному оформлению государственности РСФСР в Российскую Федерацию, которая, по Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г., есть демократическое федеративное правовое социальное светское государство с республиканской формой правления (ст. 1, 7, 14) [1]. Верховный Совет Республики Башкортостан в свою очередь 24 декабря 1993 г., принимая Конституцию Республики Башкортостан [2], а позже 3 августа 1994 г. был заключен и Договор Российской Федерации и Республики Башкортостан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан». Этот Договор несколько снизил правовой статус Республики Башкортостан, но еще не сильно покушался на ее государственный суверенитет. Во всяком случае, в ст. 1 этого Договора, включенным в текст Конституции Республики Башкортостан 3 ноября 2000 г. значилось, что Республика Башкортостан признается суверенным государством в составе Российской Федерации и обладает всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории вне компетенции Российской Федерации и полномочий, переданных Республикой Башкортостан Российской Федерации. Однако в последующем слово «суверенитет» из текста Конституции Республики Башкортостан было изъято [3].

Сегодня Республика Башкортостан развивается практически в режиме автономии, не сильно отличаясь от краев и областей. При этом среди определенной части населения республики проявляются сепаратистские, дезинтеграционные настроения. Сепаратистское движение на территории современной Республики Башкортостан началось не вчера. Оно начало проявляться еще в конце XVIII в., но было обусловлено совершенно другими факторами, например, расхождением интересов, которые не способствовали добропорядочному исполнению договора, взятых сторонами обязательств, что порождало конфликты [4]. Показательно участие башкир в значительном по размаху восстании 1773–1775 гг. под руководством Е. И. Пугачева, охватившем не только Башкирский край, а также Поволжье, Урал, Западную Сибирь [5].

После подавления пугачевского восстания, именуемого крестьянским, в Башкирском крае наступило на продолжительное время затишье. Революционная ситуация 1917–1919 гг. привела к образованию Башкирской АССР. На первых порах она претендовала по существу на статус союзной республики. Но эта претензия не получила поддержки у лидеров правящей партии. Однако эта идея оказалась «живучей». Она вновь актуа-

лизировалась в период так называемой перестройки, начавшейся под эгидой М. С. Горбачева.

Период начала 1990-х гг. для Башкортостана стало временем серьезных социальных и политических испытаний. В республике активизировались различные общественные движения и организации, часть из которых приобрела открытый радикальный характер. После оформления Башкирского национального центра «Урал» возникли Башкирский народный конгресс, Башкирская народная партия, 16 мая 1990 года возник «Союз башкирской молодежи» (далее – Союз). На своем учредительном собрании активисты Союза заявили, что во всем мире слово «националист» не имеет отрицательной окраски, а означает «патриот своей нации». 3 ноября был проведен первый съезд организации, где председателем был избран Ринат Баимов.

В условиях переходного периода правоохранительные органы не всегда могли эффективно реагировать на новые вызовы. Часто они вовсе «закрывали глаза» на националистические выступления, что благоприятствовало радикализации групп, входящих в состав Союза.

Начало 1990-х гг. стало временем бурных событий в Башкирии. На фоне политических баталий, когда в Верховном Совете Башкирской АССР обсуждались важные вопросы, национал-радикалы «не остались в стороне»: они сорвали флаг РСФСР, демонстрируя свое неприятие «имперского» наследия. Недовольство перенесением выборов Президента БАССР вылилось в захват уфимского телерадиоцентра и акции против войны в Чечне. Но, пожалуй, самым громким событием, вызвавшим широкий общественный резонанс, стал митинг, посвященный введению нового российского паспорта.

Наиболее активный период в политической жизни Союза пришелся на конец 1990-х гг. В 1998 г. организация активно поддержала переизбрание М. Г. Рахимова, взяв на себя основную агитационную работу по разработанной программе, и успешно мобилизовала большое количество сторонников среди студентов республиканских вузов.

Политическая активность движения постепенно снизилась, что привело к ее уходу с политической арены. В то же время националистические настроения стали проявляться в иной, культурно-просветительской форме, при этом к концу 1990-х гг. организация столкнулась с идеологическим кризисом, который подорвал ее способность эффективно объединять башкирскую молодежь в националистическом духе. Одной из главных причин данного кризиса стало изменение руководящего состава, что повлекло за собой переориентацию политической позиции. Организация, ранее выступавшая в оппозиции, теперь полностью солидаризировалась с республиканской властью.

С приходом к власти В. В. Путина в 1999 г. (сначала как главы правительства, а затем как Президента Российской Федерации) начался новый

этап в отношениях между субъектами и федеральным центром, который оказал существенное влияние на Республику Башкортостан. В контексте этих перемен движение переориентировалось на протестную деятельность, выражая несогласие с политикой центра по ограничению полномочий республики. При этом Союз декларировал свою приверженность территориальной целостности России.

Союз просуществовал до 2006 года, благодаря, с одной стороны, объективно не мотивированной активности политической поддержки лично Президента Муртазы Рахимова и представителей местных властей, симпатизирующих радикалам «разных мастей». Однако вместо Союза уже в 2007 г. возникло движение «Кук буре» (тюрк. «Серые волки» или «Небесный волк») (башк. Күк-бүре; Kük-Büre), костяк которого представляли те же члены самораспустившегося Союза.

Это движение стало еще более радикальным, хотя стремилось создать о себе имидж либерал-демократов. Оно периодически поддерживало связь с турецкими «Серыми волками». Составной частью идеологии новообразованного движения «Күк-бүре» явилась концепция пантюркизма. Суть ее состояла в следующем. Согласно этой концепции всем тюркским народам необходимо объединиться в единую политическую общность, образовав свое государство. Обосновывается это тем, что эти народы обладают общей этнической, культурной и языковой идентичностью, следовательно, должны консолидироваться в рамках государства, охватывающего территорию от Балкан до Тихого океана при лидерстве Турции.

В течение почти 8 лет движение «Күк-бүре» действовало, проявив себя в общественной жизни крайне отрицательно. Оно организовало ряд несанкционированных митингов, пикеты и флешмобы, на которых, используя пантюркистскую символику и жесты, открыто высказывались антироссийские экстремистские угрозы. Под угрозой признания экстремистским и, как следствие, запрещения это движение, как и Союз, самораспустилось.

В 2014 г. возникло Башкирское общественное объединение «Башкорт», которое стало преемником Союза и «Күк-бүре». Идеология этого объединения особо не отличалась от идеологии своих предшественников. Вскоре активисты и лидеры объединения – Руслан Габбасов и Фаиль Алсынов – были привлечены к уголовной ответственности. Однако Руслан Габбасов скрылся и находится в розыске, а Фаиль Алсынов был осужден. Баймакским районным судом 17 января 2024 г. в отношении его вынесен приговор, в соответствии с ч. 1 ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») ему было назначено наказание в виде лишения свободы на срок в 4 года с отбыванием наказания в колонии общего режима, кроме того он был внесен в список экстремистов и террористов [6]. В рамках изучения данного вопроса хотелось бы отметить, что на территории Российской Федерации

запрещается распространение экстремистских материалов, а также их производство или хранение в целях их распространения [7].

Башкирская общественная организация «Башкорт» судом признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации. В настоящее время она существует в условиях подполья и ведет подрывную сепаратистскую антироссийскую деятельность, находя поддержку за границей у отдельных антироссийски настроенных лиц. Эти лица называют себя патриотами края, именуя себя «Комитет башкирского сопротивления». Сторонники этого движения совершили ряд диверсионных актов: подожгли офисы политических партий и военкоматов в Башкортостане.

Следует сказать, что подобная активность представителей сепаратистского движения представляет реальную опасность и требует особого внимания руководства Республики. В зависимости от обстановки националисты и сепаратисты, имеющиеся в Республике Башкортостан и находящие сочувствие и поддержку даже среди официальных лиц, трансформируются в новые образования, не отказываясь от основных принципов своей антироссийской идеологии. Начав от мирных инициатив, они эволюционировали в направлении радикальных экстремистских действий, которые вредны и опасны, требуют принятия адекватных мер в целях защиты национальной безопасности Российской Федерации, обеспечения законности и правопорядка.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.03.2026).

2. Конституция Республики Башкортостан : принята Верховным Советом Республики Башкортостан 24 декабря 1993 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 18.03.2026).

3. О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан : договор от 3 августа 1994 г. между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Башкортостан // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.03.2026).

4. Нурисламов А. С. Об интеграции Башкирского края в состав России // Право и государственность. № 2 (3). 2024. С. 8–13.

5. Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–XVIII в. Уфа : Китап, 1993. 224 с.

6. Полетаева М. За что в Башкирии осудили Фаиля Алсынова? // Электрогазета РФ. URL: <https://i-gazeta.com/news/novosti/2024-01-17/za-chto-v-bashkirii-osudili-failya-alsynova-3606756> (дата обращения: 19.03.2026).

7. Нурисламов А. С., Габдуллина А. Р., Кожухова И. А. Практикум по административной юрисдикции в органах внутренних дел : учебно-практическое пособие. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2026. 64 с. Материал опубликован не был.

© Нурисламов А. С., 2026

УДК 343.85:343.34(470+470.57)

Поезжалов В. Б. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

SOME ASPECTS OF COUNTERING MANIFESTATIONS OF EXTREMISM IN MODERN CONDITIONS

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются деятельность МВД России и МВД по Республике Башкортостан в рамках осуществления противодействия проявлениям экстремизма. Указываются основные статистические показатели на этот счет и конкретные правоприменительные примеры.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, противодействие, экстремистские материалы, национальная политика, преступления и правонарушения экстремистской направленности.

Abstract. This article examines the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan in the framework of countering extremist manifestations. It provides basic statistical data and specific law enforcement examples.

Keywords: extremism, terrorism, counteraction, extremist materials, national policy, crimes and offenses of an extremist nature.

В 2025 году МВД России проводилась работа по совершенствованию законодательства в сфере противодействия экстремизму. При его участии

МВД России введено уголовное наказание за повторное административное правонарушение, связанное с возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства [1].

Укреплялось международное сотрудничество в рассматриваемой сфере. МВД России принято участие в 25 мероприятиях с зарубежными партнерами по вопросам борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма.

МВД России в 2025 г. выявлены и приняты меры по ограничению доступа к 7,1 тыс. интернет-ссылок на публикации (с начала проведения специальной военной операции – 49,3 тыс.), содержащие ложную информацию о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации, сцены насилия в отношении военнослужащих и мирных граждан со стороны украинских вооруженных формирований и националистических батальонов, а также призывы к антивоенным акциям.

Пресечена деятельность по распространению через сеть Интернет экстремистской идеологии действовавшего на территории 8 субъектов Российской Федерации движения «Нацдем», численностью более 20 человек. На основании представленных материалов с Главного Следственного Управления Следственного Комитета России по Московской области в январе 2025 г. в отношении двух лидеров и двух участников возбуждены уголовные дела по ч. 4 ст. 150, ч. 2 ст. 280, ч. 1 и ч. 2 ст. 282.1, п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ. Фигурантам назначено наказание в виде лишения свободы сроком от 3,5 до 8 лет.

Результатом межведомственного взаимодействия стали признание экстремистскими и запрет деятельности 3 организаций, в числе которых 2 международных движения (международное общественное движение «Аллатра», «Международное движение сатанизма», музыкальная панк-группа «Pussy Riot»). Всего решениями судов по данным Минюста России на 31 декабря 2025 г. (minjust.gov.ru) запрещена деятельность 129 экстремистских организаций.

Наиболее многочисленной по количеству региональных структур и числу последователей остается организация «Свидетели Иеговы», отделения которой продолжают действовать несмотря на решение Верховного Суда Российской Федерации о запрете деятельности.

На территории Республики Башкортостан проявляют активность международные террористические организации: «Исламское государство», «Хайят Тахрир аш-Шам», «Хизбут-Тахрир аль-Ислами»; международные экстремистские организации: «Таблиги Джамаат», «Нурджулар»; экстремистские организации: «Управленческий центр «Свидетели Иеговы в России», «Союз Коренных Народов Руси», «Союз Славянских Сил Руси», «Граждане СССР», «Башкорт», «БашНацПолит».

В 2025 г. на территории Республики Башкортостан зарегистрировано 22 (–1) преступления экстремистской направленности, из которых выявле-

но сотрудниками ОВД – 11 (+2). Раскрыто 24 (+7) преступления экстремистской направленности [3].

Характеризуя совместную деятельность Центра по противодействию экстремизму (далее – ЦПЭ) МВД по Республике Башкортостан, местного Управления Федеральной службы безопасности и Следственного комитета, можем отметить, что ее можно охарактеризовать как профессиональную и целенаправленную. Так, 6 ноября 2025 г. возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ в отношении уроженца г. Стерлитамака. Установлено, что 14 августа 2025 г. гр. Х, находящийся на территории Франции, совершил участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической.

По другому делу, которое было возбуждено 8 ноября 2025 г. установлено, что гр. П, в период с 12 января 2022 г. по 24 февраля 2023 г., действуя умышленно, с целью финансирования террористической деятельности, отправил на банковский счет, используемый руководителем межрегиональной общественно-политической организации «Артподготовка», денежные средства в общем размере 4784,69 рублей. Таким образом, гр. П совершил преступление, предусмотренное ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, то есть финансирование терроризма.

1 декабря 2025 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205.5 УК РФ («Организация деятельности террористической организации»), в отношении жителей Туймазинского района. 24 ноября 2024 г. двое лиц, достоверно осведомленные о запрете и признании террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», действуя с целью продолжения ее деятельности, на территории Шаранского и Туймазинского районов Республики Башкортостан организовали деятельность ячейки данной террористической организации.

18 декабря 2025 г. в г. Белорецке возбуждено уголовное по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.5 УК РФ («Участие в деятельности террористической организации»), в отношении жителя г. Уфы, который в период с 11 января 2025 г. по 2 октября 2025 г. совершил действия, направленные на продолжение деятельности «Комитета Башкирского Национального движения за рубежом», запрещенного в России.

В результате профилактической деятельности ЦПЭ МВД по Республике Башкортостан органами Роскомнадзора ограничен доступ к 215 информационным материалам, включенным в федеральный список экстремистских. Кроме того, в информационно-телекоммуникационных ресурсах «Телеграм»¹ и «ВКонтакте» сотрудниками ЦПЭ МВД по Республике Башкортостан обнаружено 95 «фейковых» статей, в том числе с недостоверной информацией о проведении специальной военной операции Вооруженны-

¹ Работа мессенджера в России ограничена и заблокирована Роскомнадзором.

ми силами Российской Федерации на территории Украины. Также вынесено 64 предостережения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности.

К административной ответственности привлечено 19 лиц, в том числе по ст. 5.26 КоАП РФ – 2, ст. 20.3 КоАП РФ – 9, ст. 20.3.1 КоАП РФ – 3, ст. 20.29 КоАП РФ – 1, ст. 20.33 КоАП РФ – 4.

21 июля 2025 г, 1 августа 2025 г. и 4 августа 2025 г. на базе государственного бюджетного учреждения «Дом дружбы народов» сотрудниками ЦПЭ МВД по Республике Башкортостан принято участие в совещании с лидерами национально-культурных объединений, этнических диаспор и землячеств, на котором рассмотрен вопрос недопущения каких-либо противоправных проявлений со стороны их представителей, способных дестабилизировать оперативную обстановку на территории республики.

Полагаем, что можно сделать вывод: деятельность МВД России и в том числе МВД по Республике Башкортостан по противодействию экстремизму является достаточно эффективной, несмотря на то, что продолжается специальная военная операция и имеют место попытки дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки на территории страны.

Библиографический список

1. О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Комплексный анализ оперативной обстановки на территории Республики Башкортостан по итогам 2025 г. // Самиздат МВД по Республике Башкортостан.

© Поезжалов В. Б., 2026

Помиркованая Д. С. – студентка 4-го курса Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Россия, г. Уфа);

Биккинин И. А. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Уфа)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

THE INFLUENCE OF SOCIAL MEDIA ON THE FORMATION OF UNLAWFUL BEHAVIOR IN YOUTH

Аннотация. На основе данных международных мониторингов (Digital 2025 Global Overview Report, EU Kids Online 2025, Internet Organised Crime Threat Assessment 2024–2025), российских аналитических отчетов (Mediascope, НИУ ВШЭ), материалов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, а также публикаций в ведущих научных журналах (Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking, «Социологические исследования», «Психологическая наука и образование» и др.) анализируется влияние социальных сетей на формирование противоправного поведения молодежи. Описано, что социальные сети функционируют не только как средства коммуникации, но и как среда конструирования социальной реальности, в которой формируются нормы, установки и представления о допустимом поведении.

Ключевые слова: социальные сети, противоправное поведение, девиантность, молодежь, социализация.

Abstract. Based on data from international monitoring studies (Digital 2025 Global Overview Report, EU Kids Online 2025, Internet Organised Crime Threat Assessment 2024–2025), Russian analytical reports (Mediascope, HSE University), materials from the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, and publications in leading scientific journals (Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking, Sociological Research, Psychological Science and Education, etc.), the article analyzes the impact of social media on the formation of illegal behavior among young people. It has been described that social networks function not only as means of communication, but also as environments for constructing social reality, in which norms, attitudes, and ideas about acceptable behavior are formed.

Keywords: social networks, illegal behavior, deviance, youth, socialization.

По данным международного сравнительного исследования Digital 2025 Global Overview Report, подготовленного аналитическими компаниями DataReportal, We Are Social и Meltwater, уровень использования социальных сетей среди молодежи в возрасте 16–24 лет в странах Европы превышает 93 %, при этом среднее ежедневное время использования социальных платформ составляет от 3 и более часов [8, с. 2]. В аналогичных возрастных группах показатели вовлеченности остаются стабильно высокими и в Российской Федерации. Так, согласно ежегодному отчету Mediascope «Интернет в России – 2024–2025», доля пользователей социальными сетями среди молодежи 12–24 лет превышает 95 %, а среднесуточное время пребывания в цифровой среде демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению [2, с. 3].

Дополнительные данные представлены в аналитическом докладе НИУ ВШЭ «Цифровая социализация подростков и молодежи», где подчеркивается, что социальные сети выступают ведущим каналом формирования социальных норм и поведенческих установок. Авторы исследования, Г. У. Солдатова и Е. И. Рассказова, фиксируют смещение центра социализации в онлайн-пространство, что сопровождается ростом вовлеченности подростков и молодежи в рискованные цифровые практики, включая участие в деструктивных интернет-сообществах [6, с. 78].

Европейские эмпирические исследования также подтверждают данную тенденцию. В отчете EU Kids Online 2025 (координируется Лондонской школой экономики и политических наук, руководитель проекта S. Livingstone) отмечается, что более 70 % молодежи сталкивались с потенциально вредоносным или противоправным контентом, включая материалы, связанные с насилием, экстремизмом и кибербуллингом [8, с. 6]. В работах С. L. Odgers, и М. R. Jensen анализируется корреляция между интенсивностью использования социальных платформ и склонностью к участию в девиантных онлайн-практиках [10, с. 339].

Отдельного внимания заслуживают криминологические исследования. Согласно статистическим данным Европола (EUROPOL, Internet Organised Crime Threat Assessment 2024–2025) отмечается рост преступлений, совершенных с использованием социальных сетей, включая вовлечение молодежи в схемы онлайн-мошенничества, распространение экстремистских материалов и организацию противоправных сетевых сообществ. Подчеркивается, что социальные платформы используются как инструмент рекрутирования молодежи в преступные и радикальные структуры.

Российская правоприменительная практика 2024–2026 гг. демонстрирует аналогичные тенденции. В материалах Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2025 г. фиксируется увели-

чение числа уголовных дел, связанных с преступлениями экстремистской направленности и публичными призывами к противоправной деятельности, совершенными с использованием сети Интернет, значительная часть заведенных дел относится к молодежной возрастной категории. В ряде апелляционных определений и приговоров (в частности, по делам о распространении запрещенных материалов и участии в деструктивных интернет-сообществах) суды прямо указывают на роль социальных сетей как среды формирования устойчивых антисоциальных установок [7, с. 8].

Научные публикации российских авторов также подтверждают актуальность проблемы [5, с. 137]. Так, в статьях, опубликованных в журналах «Социологические исследования», «Психологическая наука и образование», а также «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология», рассматриваются механизмы цифровой идентификации, групповой поляризации и нормализации девиантного поведения в онлайн-среде.

Социальные сети функционируют не просто как средства коммуникации, а как алгоритмизируемые среды конструирования социальной реальности, в которых происходит интенсивное формирование установок, норм и моделей допустимого поведения. Прежде всего, цифровая среда трансформирует процесс социализации. В классической социологической традиции (Э. Дюркгейм, Р. Мертон) возникновение девиации происходит в результате разрыва между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами достижения таких целей. Это приводит к аномии или дезорганизации, вынуждая людей искать альтернативные, часто девиантные, способы достижения [3, с. 261]. В условиях цифрового общества значительная часть норм усваивается не через институты семьи и образования, а через сетевые сообщества, где формируются альтернативные ценностные системы. Алгоритмы социальных сетей усиливают эффект информационного пузыря, потому что подстраиваются под предпочтения пользователей, сужая спектр представляемой информации. Это создает условия для радикализации взглядов и нормализации отношения к девиантным практикам, включая агрессивное поведение, кибербуллинг, распространение запрещенных материалов и участие в экстремистских сообществах.

Существенным механизмом выступает феномен групповой поляризации и деиндивидуации, подробно описанный в социальной психологии Ф. Зимбардо, С. Московичем [1, с. 374; 4, с. 9]. В онлайн-пространстве данные эффекты усиливаются за счет анонимности, снижения уровня прямой социальной ответственности и отсутствия немедленной негативной обратной связи. Молодые люди, включенные в сетевое сообщество с деструктивной направленностью, получают подкрепление своих действий через систему «лайков», комментариев и одобрения. Таким образом, формируется и закрепляется девиантная модель поведения, которая в офлайн-контексте могла бы быть сдержана социальным контролем.

Особую роль играет визуально-эмоциональный характер контента. Исследования, опубликованные в 2023–2025 гг. в журналах *New Media & Society* и *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, демонстрируют, что эмоционально «заряженные» материалы, то есть сцены насилия, провокационные высказывания, демонстрация криминального «успеха», обладают более высоким уровнем вовлеченности и быстрее распространяются в цифровой среде. Алгоритмы платформ, ориентированные на максимально большое количество пользовательской активности, объективно способствуют тиражированию подобного контента. В результате противоправные модели поведения могут приобретать характер символически одобряемых и социально престижных внутри определенных молодежных субкультур.

Нельзя игнорировать и экономико-технологический аспект. Распространение схем дистанционного мошенничества, вовлечение молодежи в так называемые «дропперские» сети, участие в незаконном обороте цифровых активов нередко начинается с рекрутирования через социальные сети. Правоприменительная практика фиксирует случаи, когда первоначальное участие молодежи в подобных действиях мотивировалось не осознанной криминальной установкой, а стремлением к быстрому заработку, признанию или принадлежности к группе. Социальные сети в данном случае выступают каналом легитимации противоправной активности через формирование иллюзии ее распространенности и безнаказанности.

Отдельного анализа требует феномен геймификации противоправного поведения. Ряд деструктивных челленджей и флешмобов демонстрирует, что элементы игры, соревнования и публичной демонстрации результата способны снижать критичность восприятия риска и правовых последствий. В молодежной среде формируется специфическая культура «контентного действия», при которой ценность поступка определяется его медиапотенциалом, а не правовой допустимостью.

Таким образом, представленные данные международных мониторингов, российских аналитических центров, а также материалы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и публикации в ведущих рецензируемых научных журналах свидетельствуют о том, что социальные сети оказывают влияние на формирование противоправного поведения молодежи. Алгоритмы социальных сетей, эффект информационного пузыря, групповая поляризация и деиндивидуация, а также анонимность, эмоционально стимулирующий характер контента, цифровые формы символического одобрения способствуют нормализации девиантных установок, снижению чувствительности к правовым запретам и ослаблению внутреннего социального контроля. В результате противоправные действия, от киберагрессии и распространения запрещенных материалов до участия в экстремистских и мошеннических схемах могут, восприниматься как социально одобряемые внутри определенных цифровых сооб-

ществ, что повышает вероятность их закрепления в устойчивые поведенческие модели.

Библиографический список

1. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2013. 740 с.
2. Интернет в России – 2024–2025 // Mediascope. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 21.02.2026).
3. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. М. : АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.
4. Московичи С. Социальное представление : исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 1. С. 3–14.
5. Сазонов И. С., Биккинин И. А. Вопросы профилактики терроризма в учреждениях общего образования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 136–146.
6. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Цифровая социализация российских подростков // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 5. С. 71–80.
7. Обзор судебной статистики деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2025 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. М., 2025. URL: <https://cdер.ru/?id=79> (дата обращения: 22.02.2026).
8. Digital 2025 : Global Overview Report / S. Kemp; DataReportal, We Are Social, Meltwater. 2025. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report> (дата обращения: 24.02.2026).
9. EU Kids Online 2025 : Survey Results from 19 Countries / S. Livingstone, M. Stoilova, R. Haddon [et al.]; London School of Economics and Political Science. London, 2025. URL: <https://www.lse.ac.uk/media-and-communications> (дата обращения: 27.02.2026).
10. Odgers, C. L., Jensen M. R. Adolescent mental health in the digital age : facts, fears, and future directions // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2020. Vol. 61, № 3. P. 336–348. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31951670/> (дата обращения: 20.02.2026).

© Помиркованая Д. С., 2026

© Биккинин И. А., 2026

Прокопьева А. В. – доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России (Россия, г. Иркутск)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

DIGITAL TECHNOLOGIES IN COUNTERING ONLINE EXTREMISM

Аннотация. В статье исследуется роль цифровых технологий в системе противодействия экстремизму в интернет-среде. Автор анализирует трансформацию информационно-коммуникационного пространства в ключевую площадку для распространения радикальных идеологий, вербовки и координации противоправной деятельности. Рассматриваются действующие правовые и организационные механизмы мониторинга и блокировки запрещенного контента, включая взаимодействие с Роскомнадзором. Особое внимание уделено уязвимости молодежной аудитории и региональному опыту профилактической работы. В заключение обосновывается необходимость комплексного подхода, сочетающего развитие технологий искусственного интеллекта для проактивного выявления угроз, совершенствование межведомственного взаимодействия и масштабирование просветительских программ по формированию цифровой грамотности и критического мышления.

Ключевые слова: экстремизм, интернет, цифровые технологии, искусственный интеллект, киберпространство, профилактика, молодежь, Роскомнадзор, информационная безопасность.

Abstract. The article explores the role of digital technologies in countering extremism in the online environment. The author analyzes the transformation of the information and communication space into a key platform for the spread of radical ideologies, recruitment, and the coordination of illegal activities. The article examines the existing legal and organizational mechanisms for monitoring and blocking prohibited content, including cooperation with Roskomnadzor. Special attention is given to the vulnerability of young audiences and regional experiences in preventive work. In conclusion, the paper substantiates the need for a comprehensive approach that combines the development of artificial intelligence technologies for proactive threat detection, improving interagency cooperation, and scaling up educational programs to promote digital literacy and critical thinking.

Keywords: extremism, internet, digital technologies, artificial intelligence, cyberspace, prevention, youth, roskomnadzor, information security.

Стремительная цифровизация общества привела к переносу значительной части социальных, экономических и политических процессов в виртуальное пространство. Данная трансформация, наряду с несомненными преимуществами, породила новые серьезные вызовы в сфере национальной безопасности. Интернет-среда, характеризующаяся глобальностью, анонимностью и высокой скоростью распространения информации, стала основным каналом для пропаганды экстремистских и террористических идеологий, вербовки сторонников и координации их действий. Это обуславливает актуальность исследования современных цифровых технологий не только как инструмента деструктивных сил, но и как ключевого элемента системы противодействия им.

1. Информационно-коммуникационная среда как ключевая площадка современных экстремистских угроз.

В начале XXI века кардинально изменилась среда распространения деструктивных идеологий. «С началом нового века именно информационно-коммуникационная среда стала плодородной почвой для экспансии радикальных взглядов, популяризации деструктивных идей, апробации новых способов вербовки неофитов и манипулирования общественным сознанием, совершения кибератак на государственные IT-ресурсы и банковский сектор, модернизации приемов содействия экстремизму и терроризму в обход традиционной финансовой системы и т. д.» [2, с. 188]. Данная трансформация обусловлена глобальным характером сети Интернет, ее анонимностью, скоростью распространения информации и способностью точно воздействовать на целевую аудиторию.

Ключевой особенностью экстремизма в цифровую эпоху является его публичная природа. Как отмечают исследователи: «Важнейшим определяющим признаком экстремистских проявлений в информационном поле является публичность, обеспечиваемая выступлением на открытых площадках с участием двух и более человек, а также средств массовой информации и виртуальных площадок, действующих на базе сети Интернет» [3, с. 9]. Таким образом, сеть Интернет, являясь по сути глобальной публичной площадкой, не только облегчает коммуникацию между сторонниками радикальных идей, но и выступает инструментом рекрутирования и пропаганды, формируя видимость массовости и легитимности маргинальных течений.

2. Правовые и организационные механизмы противодействия цифровому экстремизму.

Эффективное противодействие указанным вызовам требует комплексного подхода, сочетающего технологические решения и правовое регулирование. На законодательном уровне одним из центральных инструментов является ведение специализированного реестра запрещенных материалов. В этой связи подчеркивается, что «Мониторинг социальных сетей

на наличие в них экстремистских и террористических материалов должен осуществляться во взаимодействии с Роскомнадзором, который ведет Реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской и террористической деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка» [1, с. 297].

Данный механизм создает правовую основу для ограничения доступа к опасному контенту. Однако оперативность выявления и блокировки таких материалов остается серьезной практической задачей, учитывая лавинообразный рост объема информации и использование экстремистскими группами зашифрованных каналов связи и ресурсов в даркнете. Это актуализирует необходимость развития систем автоматизированного мониторинга на основе технологий искусственного интеллекта, способных анализировать семантику текстов, изображений и видео.

3. Профилактика экстремизма в молодежной среде: региональный аспект.

Особое внимание в системе противодействия экстремизму уделяется молодежи как наиболее уязвимой социальной группе. Исследователи констатируют, что «В современных условиях Интернет необходимо отнести к одному из основных каналов массовой информации, который с высокой степенью эффективности может воздействовать на молодых людей, не определившихся в своих идеологических приоритетах, чьи ценности, ориентации и смысловые установки еще неустойчивы, а их жизненные траектории могут склониться как в зону принимаемых обществом моделей поведения, так и асоциальных, антиобщественных действий, а также тех, кто входит в состав террористических бандформирований и экстремистских группировок» [5]. Психологическая податливость, поиск идентичности и активное использование цифровых технологий делают молодое поколение первостепенной мишенью для вербовщиков.

Ответом на эту угрозу должны стать не только репрессивные, но в первую очередь профилактические меры, реализуемые на всех уровнях. Положительный опыт такой работы накоплен в регионах. Например: «Молодежному аспекту в рамках экстремизма уделяется большое внимание в Иркутской области. Так, каждый год проводятся дни лекций, на которых говорится о важности вовлечения молодого поколения в борьбу с экстремизмом» [4, с. 93].

Подобные просветительские инициативы, направленные на формирование правовой грамотности и критического мышления, являются важным элементом построения устойчивого иммунитета общества к радикальной идеологии. Их тиражирование и адаптация с учетом местной специфики представляется одним из ключевых направлений профилактической работы.

Эффективность мониторинга и нейтрализации противоправного контента напрямую зависит от слаженности действий всех субъектов, задействованных в этой работе. Взаимодействие правоохранительных органов с Роскомнадзором, который ведет реестр запрещенных ресурсов, является необходимым, но не достаточным условием. Для повышения оперативности требуется создание единых межведомственных платформ обмена данными в режиме реального времени, которые объединили бы усилия МВД России, ФСБ России, Роскомнадзора и генеральной прокуратуры. Подобная централизация позволит не только быстро блокировать уже выявленные ресурсы, но и проводить проактивный анализ цифровых следов для выявления сетевых структур и пресечения деятельности распространителей экстремистских материалов на ранних стадиях.

Важнейшим направлением совершенствования является внедрение передовых технологий анализа данных. Современные системы на основе искусственного интеллекта и машинного обучения способны автоматически выявлять семантические паттерны, характерные для экстремистской пропаганды, анализировать мультимедийный контент (изображения, видео, аудио) и отслеживать связи между пользователями в закрытых сообществах и мессенджерах. Однако развитие таких технологий сопряжено с этическими и правовыми вызовами, связанными с необходимостью защиты персональных данных и недопущения цензуры легитимных форм выражения мнения.

Параллельно с развитием технологий контроля необходимо активно формировать цифровую грамотность и правосознание у пользователей, особенно среди молодежи. Просветительские программы и кампании в медиасреде должны не просто информировать о запретах, но и развивать критическое мышление, умение распознавать манипулятивные техники и противостоять им.

Таким образом, комплексный подход, сочетающий жесткие меры по пресечению противоправной деятельности с мягкими мерами по воспитанию устойчивого иммунитета к радикальной идеологии, представляется наиболее сбалансированной и перспективной стратегией в долгосрочной борьбе с цифровым экстремизмом.

Библиографический список

1. Берова Д. М., Карданов Р. Р. Противодействие использованию сети Интернет в террористических целях // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17, № 3. С. 295–298.
2. Опалев А. В. Современные информационные технологии как инструмент деятельности экстремистских и террористических организаций // Вестник Московского университета МВД России 2022. № 5.

3. Применение информационных технологий в профилактике экстремизма в молодежной среде : учебно-методическое пособие / П. Е. Суслонов, А. Н. Старостин, В. Л. Назаров [и др.] ; под общ. ред. В. Л. Назарова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2021. 140 с.

4. Прокопьева А. В. Экстремизм и его угрозы в отношении молодежи Иркутской области // Экстремизм: новые вызовы региональной безопасности : сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (Барнаул, 27 марта 2025 года). Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2025. С. 93–95.

5. Профилактика экстремизма в сети Интернет // Международный институт компьютерных технологий. URL: <https://iict.ru/> (дата обращения: 28.02.2026).

© Прокопьева А. В., 2026

УДК 323.28:343.85

Рябчиков С. А. – доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN EXTREMISM PREVENTION: TECHNOLOGICAL CAPABILITIES AND LEGAL RESTRICTIONS

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ применения технологий искусственного интеллекта в профилактике экстремистской деятельности в цифровой среде. Исследуются современные технологические решения для мониторинга, выявления и пресечения распространения экстремистских материалов в сети Интернет, отмечается положительный опыт Российской Федерации. Подробно рассматриваются правовые ограничения, связанные с использованием искусственного интеллекта в деятельности сотрудников правоохранительных органов, включая защиту персональных данных, прозрачности алгоритмов и соблюдения фундаментальных прав человека. На основе сравнительного анализа международных и национальных правовых норм формулируются рекомендации по сбалансированному развитию практических подходов, позволяющих реализовать потенциал искусственного интеллекта по профилактике экстремизма.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экстремизм, терроризм, цифровая среда, объяснимый искусственный интеллект, правовое регулирование, система «Окулус», «Крибрум».

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the use of artificial intelligence technologies in the prevention of extremist activity in the digital environment. The article examines modern technological solutions for monitoring, detecting and suppressing the spread of extremist materials on the Internet, and highlights the positive experience of the Russian Federation. The legal restrictions related to the use of artificial intelligence in the activities of law enforcement officers, including the protection of personal data, transparency of algorithms and respect for fundamental human rights, are considered in detail. Based on a comparative analysis of international and national legal norms, recommendations are formulated for the balanced development of practical approaches that make it possible to realize the potential of artificial intelligence to prevent extremism.

Keywords: artificial intelligence, extremism, terrorism, digital environment, explicable artificial intelligence, legal regulation, Oculus system, Kribrum.

Современная цифровая трансформация общества создала беспрецедентные возможности для коммуникации и обмена информацией, но одновременно сформировала благоприятную среду для распространения экстремистской и террористической идеологии [1, с. 419]. Массовый и анонимный характер интернет-пространства способствует разжиганию ненависти, вербовке сторонников радикальных движений и координации противоправной деятельности. Традиционные подходы к противодействию, основанные на ручной модерации контента и точечных мерах реагирования, демонстрируют свою неэффективность перед масштабами и адаптивностью онлайн-кампаний экстремистского характера.

В этих условиях технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) рассматриваются как перспективный инструмент для автоматизации процессов выявления, анализа и блокировки противоправных материалов. Актуальность статьи обусловлена стремительным внедрением ИИ-систем в правоохранительную практику при одновременном нарастании дискуссий об этических границах их применения. Целью исследования являются комплексный анализ технологических возможностей ИИ в профилактике экстремизма и критическое осмысление связанных с этим этико-правовых ограничений, что позволит сформулировать основы сбалансированного подхода к регулированию данной сферы.

Современные системы ИИ обеспечивают возможность автоматического анализа огромных массивов текстовых, аудиовизуальных и мультимедийных данных в режиме, близком к реальному времени. Наиболее пер-

спективными методами являются классификация на основе машинного обучения и сопоставление с базами данных «хешей» известного запрещенного контента. Алгоритмы глубокого обучения, в частности нейронные сети, применяются для бинарной классификации сообщений в социальных сетях на предмет содержания признаков экстремистской деятельности. Ключевое преимущество ИИ заключается в способности обрабатывать объемы информации, недоступные для человеческого восприятия, выявляя сложные закономерности и аномалии в поведенческих паттернах пользователей [2, с. 125].

Системы предиктивной аналитики на основе машинного обучения позволяют не только идентифицировать уже существующие угрозы, но и прогнозировать потенциальные сценарии развития экстремистской активности, осуществляя проактивное предотвращение преступлений. Международный опыт, в том числе инициативы Европейского союза по разработке системы RED-Alert, использующей ИИ для обнаружения террористического контента онлайн, подтверждает глобальный масштаб применения подобных технологий [3].

В Российской Федерации активно развивается и внедряется комплекс специализированных ИИ-систем, направленных на противодействие экстремизму в цифровом пространстве. Система «Окулус» предназначена для автоматического распознавания запрещенной информации в изображениях и видеоконтенте [4]. Технические возможности системы позволяют обрабатывать более 200 000 изображений в сутки, затрачивая на анализ одной единицы контента около 3 секунд, что на порядки превышает производительность ручной проверки. Система обучена распознавать широкий спектр нарушений: экстремистский контент, призывы к массовым беспорядкам, пропаганду наркотических веществ и суицидальный контент.

Аналитическая платформа «Крибрум» используется для мониторинга социальных сетей и публичных источников в режиме реального времени [5]. Она классифицирует контент по тематическим, поведенческим и лексико-семантическим признакам, обеспечивая высокую чувствительность к новым формам радикальной риторики за счет постоянного дообучения на актуальных данных. Проекты МВД России, такие как «Клон» и «Конъюнктура», направлены на потоковый анализ данных и деанонимизацию участников экстремистской деятельности в сети [6].

В соответствии со Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 [7], приоритетом является проведение научных исследований для разработки и внедрения технологий ИИ в мониторинговую деятельность правоохранительных органов. Крупные технологические и медиакомпании также интегрируют ИИ в процессы внутреннего контроля. В частности, издательство «Эксмо» использует многоэтапную ИИ-систему для проверки текстов на наличие за-

прещенного контента, что позволяет на ранней стадии выявить потенциальные проблемы еще до публикации.

Применение ИИ в профилактике экстремизма сопряжено с правовыми и этическими нормами, которые необходимо учитывать при формировании регуляторной базы. Одним из наиболее острых является риск алгоритмической предвзятости и дискриминации. Если наборы данных не являются репрезентативными или отражают исторически сложившиеся стереотипы, алгоритмы могут вырабатывать дискриминационные решения в отношении определенных социальных, этнических или религиозных групп. Системы оценки рисков, применяемые в правоохранительной деятельности, способны некорректно идентифицировать в качестве «потенциально опасных» представителей меньшинств, против которых уже имелаась предвзятая статистика. Исследования показывают, что предвзятость может возникать на трех уровнях: предвзятость данных (несбалансированные выборки), алгоритмическая предвзятость (системные ошибки в моделях) и когнитивная предвзятость (неосознанное внесение разработчиками собственных стереотипов) [8, с. 494].

Массовый мониторинг цифровых коммуникаций с помощью ИИ-систем создает системную угрозу праву на частную жизнь, гарантированному как национальными конституциями, так и международными правовыми актами. Технологии глубокого анализа данных, деанонимизации и прогнозного моделирования поведения фактически реализуют модель превентивного надзора, когда подозрения возникают не на основе конкретных действий, а на основе вероятностных прогнозов алгоритма. Подобные практики несут риск превращения цифрового пространства в среду тотального контроля, что противоречит фундаментальным принципам правового государства.

Не менее значимой проблемой является так называемый эффект «черного ящика»: многие современные сложные модели ИИ, особенно глубокого обучения, функционируют таким образом, что даже их создатели не всегда могут детально объяснить, как именно алгоритм пришел к тому или иному выводу. В правовом поле это создает непреодолимое препятствие для реализации принципов состязательности и права на защиту. Если решение о блокировке контента или применении иных мер существенно зависит от рекомендации непрозрачной ИИ-системы, сторона защиты лишается возможности оспорить логику и основания этого решения. Ответом на данный вызов является развитие методов объяснимого ИИ (Explainable AI – XAI), направленных на создание инструментов, делающих внутреннюю работу алгоритмов понятной для юриста, судьи или подозреваемого [9, с. 292].

Применение ИИ в профилактике экстремизма сталкивается также с проблемой размытости самих правовых дефиниций. Понятия «экстремизм» и «разжигание ненависти» нередко зависят от культурного и поли-

тического контекста, что затрудняет формализацию критериев для обучения алгоритмов. Алгоритм, настроенный на выявление экстремизма, может ошибочно классифицировать как противоправную критику власти, сатиру или академическую дискуссию. В итоге возникает фундаментальный конфликт между двумя конституционно защищаемыми ценностями: безопасностью общества и свободой выражения мнений.

Несмотря на высокую производительность, ИИ-системы демонстрируют ограниченную способность к пониманию глубокого контекста, иронии, сарказма и культурных особенностей коммуникации. Это приводит к значительному проценту ложноположительных срабатываний. Например, система в издательстве «Эксмо» по ошибке пометила как нарушителя писателя Дениса Драгунского из-за совпадения начала его фамилии с английским словом «drug» (наркотик) [10]. В результате эффективность систем часто зависит не от самого ИИ, а от выстроенной вокруг него процедуры с обязательной последующей проверкой человеком.

Российская Федерация последовательно формирует собственную регуляторную базу. В 2026 г. на рассмотрении находился проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», вступление в силу которого планируется с 1 сентября 2027 г. [11]. Законопроект предусматривает риск-ориентированный подход к регулированию, введение понятий «суверенных», «национальных» и «доверенных» моделей ИИ, право граждан на досудебное обжалование решений, принятых с использованием ИИ, и ответственность разработчиков и операторов за результаты работы систем. Этот закон призван заложить правовой фундамент для безопасного и этичного развития ИИ-технологий в стране, включая сферу обеспечения безопасности.

На основании проведенного исследования стоит отметить, что применение ИИ в профилактике экстремизма представляет собой мощный, но неоднозначный инструмент, находящийся на пересечении технологического прогресса, права и этики. Технологические возможности ИИ от автоматического мониторинга гигантских массивов данных в реальном времени до прогнозной аналитики открывают качественно новые перспективы для превентивного противодействия радикализации в цифровой среде. Российская практика, в частности системы «Окулус» и «Крибрум», демонстрирует высокую операционную эффективность подобных решений.

Вместе с тем реализация этого потенциала основывается на риске алгоритмической дискриминации, угрозе фундаментальным правам человека, прежде всего праву на приватность и свободу выражения мнений, проблемой «черного ящика», недостаточной прозрачности решений и высоким уровнем ложных срабатываний.

Успешное внедрение ИИ в практику профилактики экстремизма требует сбалансированного подхода, предполагающего правовые рамки с ме-

ханизмами контроля и ответственности, приоритет человеческого контроля над окончательными решениями, развитие технологий объяснимого ИИ (ХАИ), усиление международного сотрудничества в противодействии трансграничному цифровому экстремизму. Только при соблюдении этих условий ИИ сможет стать не инструментом тотального контроля, а соразмерным средством защиты общества при безусловном сохранении верховенства права и ценности человеческой свободы.

Библиографический список

1. Меняйло Д. В., Крупенникова К. К., Меняйло Л. Н. Трансформация экстремизма в условиях цифровизации общества // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). С. 417–419.

2. Баранов В. В. Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения распространения экстремистской и террористической пропаганды в Интернете // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 113–128.

3. RED-Alert; the real-time detection and alert system for online terrorist content // Insikt Intelligence. 2018. URL: <https://insiktintelligence.com/red-alert-system-for-online-terrorist-content/> (дата обращения: 02.03.2026).

4. Что такое «Окулус». Как Роскомнадзор использует новую систему слежки // ZakonGuru. 2023. URL: https://dzen.ru/a/Y_-bZ6TA02U68Z3- (дата обращения: 02.03.2026).

5. Сайт компании «Крибрум». URL: <https://kribrum.ru/> (дата обращения: 02.03.2026).

6. Клон и Конъюнктура: МВД РФ анонсировало внедрение ИИ в правоохранительную деятельность к 2025 году // SecurityLab. 2024. URL: <https://www.securitylab.ru/news/545135.php> (дата обращения: 02.03.2026).

7. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/> (дата обращения: 02.03.2026).

8. Харитонов Ю. С. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права / Ю. С. Харитонов, В. С. Савина, Ф. Паныни // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. С. 488–515.

9. Головин К. С. Необходимость правового регулирования «черного ящика» искусственного интеллекта // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 290–297.

10. Ошибка системы Эксмо : когда ИИ не различает слова // РБК. 2026. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/03/2026/69c309d09a7947a5a6fcf550 (дата обращения: 25.03.2026).

11. Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации : проект федерального закона. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Рябчиков С. А., 2026

УДК 343.6

Сибягатуллин Ф. Ф. – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

**БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
ПРЕДИКТОР ЭКСТРЕМИЗМА
(НА ПРИМЕРЕ СТАТЕЙ 116 И 116.1 УК РФ)**

**DOMESTIC VIOLENCE AS A CRIMINOLOGICAL PREDICTOR
OF EXTREMISM (USING ARTICLES 116 AND 116.1
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Аннотация. В статье исследуется малоизученная в отечественной криминологической науке проблема корреляции между насильственными действиями в семейно-бытовой сфере, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 116 и 116.1 УК РФ, и последующей радикализацией личности, ведущей к формированию экстремистского типа поведения и, в отдельных случаях, к совершению преступлений террористической направленности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения традиционного взгляда на детерминацию экстремизма, который преимущественно фокусируется на политических, религиозных и социально-экономических факторах, оставляя без должного внимания микроуровневые процессы социальной агрессии. Автор, опираясь на современные криминологические исследования, новейшие доктринальные источники 2025–2026 гг., а также зарубежный эмпирический опыт (на примере британской программы Prevent), обосновывает тезис о том, что побои являются не просто деликтом против здоровья личности, но и индикатором глубокой социальной агрессии, выступающей «питательной средой» для экстремистской идеологии. В работе анализируются проблемы квалификации побоев, их разграничения со смежными составами преступлений (ст. 115, 117 УК РФ), а также спорные вопросы объекта данных посягательств. Особое внимание уделяется криминологическому механизму

трансформации бытового насилия в радикальное поведение через формирование феномена «морального отстранения» (moral disengagement) и легитимации насилия в сознании личности. Рассматривается роль административной преюдиции в ст. 116.1 УК РФ как инструмента профилактики рецидивной насильственной преступности и ее потенциальное значение для предупреждения эскалации агрессии. На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию уголовной политики, квалификации указанных деяний, а также по оптимизации деятельности органов внутренних дел в сфере профилактики бытового насилия как одного из факторов, детерминирующих экстремистское поведение. Обосновывается необходимость межведомственного взаимодействия и внедрения специальных методик раннего выявления лиц, составляющих группу риска по радикализации на почве пережитого или совершенного насилия.

Ключевые слова: побои, ст. 116 УК РФ, ст. 116.1 УК РФ, бытовое насилие, экстремизм, терроризм, радикализация, физическая боль, объективная сторона, квалификация преступлений, криминологическая детерминация, административная преюдиция, моральное отстранение, профилактика преступлений, органы внутренних дел.

Abstract. The article examines the understudied problem in Russian criminological science of the correlation between violent acts in the family and domestic sphere, liability for which is provided for in Articles 116 and 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the subsequent radicalization of the individual, leading to the formation of an extremist type of behavior and, in some cases, to the commission of terrorist crimes. The relevance of the research is due to the need to expand the traditional view on the determination of extremism, which primarily focuses on political, religious, and socio-economic factors, leaving micro-level processes of social aggression without due attention. The author, drawing on contemporary criminological research, the latest doctrinal sources from 2025–2026, as well as foreign empirical experience (illustrated by the British Prevent program), substantiates the thesis that battery is not merely a tort against an individual's health but also an indicator of deep-seated social aggression, which serves as a breeding ground for extremist ideology. The paper analyzes the problems of qualifying battery, its differentiation from related corpus delicti (Articles 115, 117 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as controversial issues regarding the object of these offenses. Special attention is paid to the criminological mechanism of transforming domestic violence into radical behavior through the formation of the phenomenon of "moral disengagement" and the legitimization of violence in the individual's consciousness. The role of administrative prejudgment in Art. 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is considered as a tool for preventing recidivist violent crime and its potential significance for preventing the

escalation of aggression. Based on the analysis conducted, proposals are formulated for improving criminal policy, the qualification of these acts, as well as for optimizing the activities of internal affairs bodies in the field of preventing domestic violence as one of the factors determining extremist behavior. The necessity of interagency cooperation and the implementation of special methods for the early identification of persons who constitute a risk group for radicalization based on experienced or committed violence is substantiated.

Keywords: battery, Art. 116 of the Criminal Code of the Russian Federation, Art. 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, domestic violence, extremism, terrorism, radicalization, physical pain, objective aspect (*actus reus*), qualification of crimes, criminological determination, administrative pre-judgment, moral disengagement, crime prevention, internal affairs bodies.

Противодействие экстремизму и терроризму является безусловным приоритетом государственной политики Российской Федерации, что находит свое отражение в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. и в комплексе мер, реализуемых правоохранительными органами. Традиционно в фокусе научного осмысления и практической деятельности находятся политические, религиозные, идеологические и социально-экономические причины данных явлений. Исследователи анализируют деятельность радикальных организаций, механизмы вербовки, распространение деструктивной идеологии в информационном пространстве, социальную напряженность и межнациональные конфликты. Однако существует глубинный, латентный слой социальной агрессии, который, оставаясь вне поля зрения, может служить «питательной средой» для радикализации общественного сознания и формирования экстремистских установок у отдельных индивидов. Речь идет о насилии в семейно-бытовой сфере, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст.ст. 116 («Побои») и 116.1 («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию») Уголовного кодекса Российской Федерации. Проблема заключается в том, что побои традиционно воспринимаются правоприменителем и обществом как «мелкое», «незначительное» правонарушение, как «семейное дело», не требующее серьезного государственного вмешательства. Такой подход нивелирует общественную опасность данных деяний, которая заключается не столько в характере причиненного вреда здоровью (формально отсутствующего), сколько в психологическом и криминологическом эффекте: формировании модели поведения, где насилие становится нормой разрешения конфликтов.

Вопросы уголовно-правовой оценки побоев в последние годы активно разрабатываются в научной литературе, что обусловлено как изменениями законодательства (декриминализация и последующая рекриминализация с административной преюдицией), так и сложностью правоприменения. Т. Б. Оздоева, анализируя содержание понятий «побои» и «иные

насильственные действия» в контексте ст. 116 и 116.1 УК РФ, приходит к выводу, что «побои могут носить не только многократный, но и однократный характер, если совершенное физическое воздействие причинило потерпевшему физическую боль (при условии отсутствия признаков причинения вреда здоровью)» [1, с. 58]. Автор справедливо отмечает, что «количественный признак не является определяющим для квалификации деяния», а решающим критерием выступает сам факт причинения боли против воли лица. Данный подход имеет принципиальное значение для понимания общественной опасности побоев: даже однократный акт насилия способен запустить механизм формирования у личности (как у потерпевшего, так и у правонарушителя) искаженной модели поведения, где физическое превосходство становится инструментом разрешения конфликтов. Дискуссионным остается вопрос о содержании понятия «иные насильственные действия». Предлагается под ними понимать «любое физическое воздействие на организм человека, причиняющее физическую боль, но не влекущее последствий, указанных в ст. 115 УК РФ» [1, с. 60]. К таковым могут относиться щипание, сечение, укусы, выкручивание конечностей, а также иные действия, сопряженные с физическим контактом с телом потерпевшего. Важно отметить, что автор предлагает заменить в диспозициях ст. 116 и 116.1 УК РФ термин «насильственные действия» на «иные формы физического воздействия», что обеспечило бы терминологическую точность и исключило расширительное толкование, позволяя более четко отграничивать данные деяния от психического насилия или угроз [1, с. 61].

Проблема квалификации тесно связана с разграничением побоев со смежными составами преступлений. Е. А. Соловьева, рассматривая особенности квалификации преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, и его разграничение со ст. 115 («Умышленное причинение легкого вреда здоровью») и 117 («Истязание») УК РФ, обращает внимание на то, что «разграничение с умышленным причинением легкого вреда здоровью основано на медицинских критериях временной нетрудоспособности, тогда как отличие от истязания связано с систематичностью и длительностью насилия» [2, с. 12]. Автор констатирует наличие судебных ошибок при квалификации данных деяний, что свидетельствует о необходимости выработки единообразных подходов и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Наиболее сложным представляется разграничение побоев и истязания. Если побои могут быть как единичным актом, так и серией действий, то для истязания обязательным признаком является систематичность (как правило, три и более раза) либо длительность насилия (например, лишение пищи, воды, тепла на протяжении определенного времени) [2, с. 14]. При этом судебная практика идет по пути оценки каждого эпизода насилия в совокупности: если отдельные эпизоды квалифицируются как побои, но в своей совокупности образуют систему, содеянное подлежит квалификации по ст. 117 УК РФ.

Вопрос об объекте преступлений, предусмотренных ст. 116 и 116.1 УК РФ, имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку определяет место данных норм в системе Особенной части УК РФ и характер общественной опасности деяния. Как указывает Т. Б. Оздоева, «побои и иные насильственные действия, не образующие юридически значимого вреда здоровью, фактически нарушают нормальное функционирование организма, что позволяет рассматривать здоровье человека в качестве их непосредственного объекта» [3, с. 215]. Автор аргументированно выступает против введения самостоятельной четвертой степени тяжести вреда здоровью, полагая достаточным корректировку подзаконного медицинского регулирования [3, с. 218]. Данный подход принципиально важен для понимания того, что побои – это не «мелкое» правонарушение, не имеющее общественной опасности, а полноценное посягательство на конституционно охраняемое благо – здоровье личности. И. Ю. Янина, исследуя понятие причинения в уголовном праве, отмечает, что «непреступное причинение» (включая деяния, влекущие административную ответственность) и «преступное причинение» находятся в сложной диалектической связи [4, с. 125]. Применительно к побоям это означает, что лицо, систематически совершающее насильственные действия без должной правовой реакции, укрепляется в чувстве безнаказанности, что может способствовать эскалации насилия. Таким образом, даже те деяния, которые формально не причинили вреда здоровью, подлежащего медицинской квалификации, обладают криминогенным потенциалом, поскольку формируют у правонарушителя установку на допустимость насильственного разрешения конфликтов. Не менее важным представляется анализ субъективной стороны побоев. Поскольку ст. 116 и 116.1 УК РФ предполагают умышленную форму вины, необходимо установить, что лицо осознавало, что совершает действия, способные причинить физическую боль, и желало этого либо сознательно допускало. Однако на практике доказать умысел на причинение боли бывает сложно, особенно в ситуациях бытовых конфликтов, что требует от дознавателей и следователей тщательного сбора доказательственной базы, включая показания свидетелей, заключения судебно-медицинских экспертиз, а также анализ предшествующих отношений между сторонами.

Переходя к основному тезису настоящей работы, считаем необходимым обосновать, каким образом побои, совершаемые в семейно-бытовой сфере, могут быть связаны с таким сложным социально-правовым явлением, как экстремизм. Традиционная криминология рассматривает экстремизм как продукт макросоциальных процессов: экономического кризиса, политической нестабильности, межэтнических конфликтов, распространения радикальной идеологии через сеть Интернет. Однако современные исследователи все чаще обращают внимание на то, что макроуровневые факторы преломляются через микроуровневые процессы, происходящие в се-

мье и ближайшем окружении человека. Семья является первичным агентом социализации, и именно в ней закладываются базовые модели поведения, включая отношение к насилию. Как справедливо отмечает Ю. М. Антонян, «исток многих форм преступного поведения, в том числе насильственного, следует искать в раннем детстве, в условиях семейного воспитания» [10, с. 112]. Систематическое применение насилия в семье (в том числе побоев) формирует у личности установку на то, что сила является основным аргументом в разрешении любых конфликтов. Происходит легитимация насилия в сознании: оно перестает восприниматься как нечто исключительное и недопустимое, становясь обыденным инструментом достижения целей. Дети, выросшие в атмосфере насилия, усваивают модель поведения, при которой физическое превосходство доминирует над правом, а уважение к личности другого человека отсутствует. Это создает благоприятную почву для восприятия экстремистской идеологии, которая также строится на отрицании прав иных социальных, национальных или религиозных групп. Важен и виктимологический аспект: жертвы домашнего насилия, особенно женщины и дети, испытывают чувство незащищенности и отчаяния. Если государство не обеспечивает им эффективной защиты, они могут стать «легкой добычей» для вербовщиков экстремистских организаций, которые предлагают им «защиту» и «справедливость», эксплуатируя чувство безысходности. Таким образом, бытовое насилие, ответственность за которое предусмотрена ст. 116 и 116.1 УК РФ, выступает в качестве криминологического предиктора (фактора риска) экстремистского поведения. Это не означает, что каждый, кто совершил побои, станет экстремистом, но означает, что данная категория лиц составляет группу повышенного риска, требующую особого внимания со стороны профилактических служб.

Особого внимания заслуживает анализ ст. 116.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. Данная норма является примером административной преюдиции в уголовном праве – конструкции, вызывающей оживленные дискуссии среди ученых. С одной стороны, административная преюдиция позволяет усилить борьбу с рецидивной преступностью, создавая механизм уголовной ответственности для лиц, которые, несмотря на административное наказание, продолжают совершать насильственные действия. И. Ю. Янина отмечает, что административная преюдиция «выступает в качестве индикатора устойчивости анти-социальной установки личности» [4, с. 130]. Лицо, повторно совершающее побои, демонстрирует неспособность к правопослушному поведению, что требует более строгих мер государственного реагирования. С другой стороны, практика применения ст. 116.1 УК РФ выявляет ряд проблем. Прежде всего, это сложность доказывания факта, что лицо ранее подвергалось административному наказанию. Необходимо установить не только сам

факт привлечения к административной ответственности, но и то, что срок, в течение которого лицо считается подвергнутым наказанию (один год со дня окончания исполнения постановления), не истек. Это требует от правоприменителя тщательной проверки баз данных и своевременного получения необходимых сведений. Кроме того, мягкость санкций (штраф, обязательные или исправительные работы, арест) и сложность сбора доказательств в семейно-бытовой сфере (потерпевшие часто забирают заявления, отказываются от показаний) приводят к тому, что многие лица, склонные к систематическому насилию, остаются безнаказанными. Отсутствие должной реакции на побои создает вакуум правового воздействия, который может способствовать эскалации насилия.

С криминологической точки зрения административная преюдиция в ст. 116.1 УК РФ выполняет важную профилактическую функцию, позволяя выявлять лиц, устойчиво демонстрирующих насильственное поведение. Именно эти лица составляют группу наибольшего риска с точки зрения потенциальной радикализации. Если человек систематически применяет насилие в семье, игнорируя меры административного и уголовно-правового воздействия, это свидетельствует о глубокой деформации его правосознания и готовности к использованию насилия как основного способа решения проблем. Такая личность может быть восприимчива и к экстремистской идеологии, предлагающей насильственные методы достижения «высших целей».

Актуальность и обоснованность такого подхода на самом высоком уровне была подтверждена 4 марта 2026 г. на расширенном заседании коллегии МВД России. Президент Российской Федерации В. В. Путин, подводя итоги работы ведомства за 2025 г., специально обратил внимание на тревожную динамику: «...по итогам 2025 года впервые за длительное время наметился, к сожалению, рост подростковой преступности. При этом доля тяжких и особо тяжких составов среди таких преступлений превысила 40 процентов» [5]. Глава государства прямо указал на криминологический механизм, описанный в данной статье: «Практика показывает, что молодых людей нередко целенаправленно втягивают в преступную деятельность, вербуют в криминальную среду. Почти половина – 45 % – подростков совершили противоправные деяния в групповых формах соучастия. И надо оперативно выявлять и привлекать к ответственности преступников, которые используют несовершеннолетних в своих целях» [5]. Это полностью коррелирует с тезисом о виктимологической уязвимости детей из неблагополучных семей, в том числе переживших насилие, как потенциальных объектов для вербовки в экстремистские и иные криминальные структуры.

В своем выступлении Президент Российской Федерации также поставил задачу, которая напрямую перекликается с выводами нашего иссле-

дования: «МВД совместно с другими правоохранительными органами необходимо значительно усилить акцент на профилактику и предотвращение подобных преступлений. И конечно, подростков, в том числе с проблемами в семьях, важно вовлекать в волонтерское движение, в занятия спортом, в работу молодежных общественных объединений – делать все, чтобы помочь ребятам не допустить трагическую ошибку, найти себя в жизни...» [5]. Кроме того, Президент Российской Федерации отметил необходимость комплексной и системной работы в борьбе с экстремизмом, подчеркнув, что «за последний год количество преступлений экстремистской направленности тоже, к сожалению, выросло» и что задача МВД – «жестко пресекать любые проявления русофобии, ксенофобии, религиозной вражды, расширять профилактическую работу в этой сфере» [5]. Таким образом, проблема профилактики насилия и его последствий, включая риск вовлечения в экстремистскую деятельность, выходит на уровень общегосударственной задачи, требующей межведомственного взаимодействия и координации усилий всех субъектов профилактики.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на повышение эффективности противодействия как побоям, так и их криминогенным последствиям в виде экстремистского поведения. В части совершенствования уголовного законодательства и практики его применения, в целях единообразия судебной практики и устранения терминологической неопределенности целесообразно поддержать предложение Т. Б. Оздоевой о замене в диспозициях ст. 116 и 116.1 УК РФ термина «насильственные действия» на «иные формы физического воздействия» [1, с. 61]. Это позволит более четко отграничивать данные деяния от психического насилия и угроз его применения, которые должны квалифицироваться по иным статьям УК РФ (например, ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»). Кроме того, представляется целесообразным разработку Пленумом Верховного Суда Российской Федерации разъяснений по вопросам квалификации преступлений, предусмотренных ст. 116, 116.1 УК РФ, и их отграничения от смежных составов (ст. 115, 117 УК РФ). В таком постановлении следовало бы детализировать критерии разграничения единичных побоев, систематических побоев и истязания, а также разъяснить особенности доказывания умысла на причинение физической боли.

В отношении совершенствования деятельности органов внутренних дел по профилактике следует отметить, что ключевая роль принадлежит участковым уполномоченным полиции и подразделениям по делам несовершеннолетних. Необходимо изменить подход к оценке их деятельности: факты побоев должны рассматриваться не как малозначительные правонарушения, а как индикаторы криминогенной обстановки, требующие углубленной проверки. Представляется обоснованным внедрение в деятельность

участковых уполномоченных методик оценки риска эскалации насилия и радикализации личности. При выявлении факта побоев (как впервые совершенных, так и повторных) участковый должен оценить не только обстоятельства конкретного правонарушения, но и личность правонарушителя, его окружение, наличие признаков увлечения радикальной идеологией. При наличии соответствующих признаков информация должна передаваться в подразделения по противодействию экстремизму. Особого внимания заслуживает работа с детьми, ставшими свидетелями бытового насилия. Как отмечается в криминологических исследованиях, такие дети составляют группу повышенного риска по формированию асоциальных установок [10, с. 203]. Целесообразно внедрение в деятельность подразделений по делам несовершеннолетних специальных методик раннего выявления таких детей и организации с ними психолого-педагогической работы, направленной на формирование ненасильственных моделей поведения и правосознания.

Эффективная профилактика бытового насилия и связанных с ним рисков невозможна без тесного межведомственного взаимодействия. Необходимо усиление координации между органами внутренних дел, психологическими службами, образовательными учреждениями, органами опеки и попечительства, а также общественными организациями, работающими в сфере защиты семьи. Целесообразно создание на муниципальном уровне межведомственных комиссий по профилактике семейно-бытового насилия, в рамках которых будет осуществляться обмен информацией о семьях, находящихся в социально опасном положении, и разрабатываться индивидуальные программы реабилитации и профилактики. Кроме того, важным направлением является повышение правовой грамотности населения и формирование в обществе нетерпимости к любым формам насилия, включая побои. Необходимо проводить информационные кампании, разъясняющие, что побои – это не «семейное дело», а преступление, которое влечет уголовную ответственность и может иметь серьезные последствия не только для непосредственной жертвы, но и для общества в целом.

Подводя итог проведенному исследованию, можем сформулировать следующие основные выводы. Преступления, предусмотренные ст. 116 и 116.1 УК РФ («Побои»), обладают значительным криминогенным потенциалом, выходящим за рамки непосредственного причинения физической боли. Они выступают в качестве одного из факторов, детерминирующих формирование экстремистского типа поведения, поскольку формируют у личности (как у правонарушителя, так и у жертвы и наблюдателей) установку на допустимость насилия как способа разрешения конфликтов. Криминологический механизм трансформации бытового насилия в экстремистское поведение включает легитимацию насилия в сознании личности, усвоение агрессивных моделей поведения в детстве, а также виктимологи-

ческий аспект, делающий жертв насилия уязвимыми для вербовки в экстремистские организации. Административная преюдиция в ст. 116.1 УК РФ выполняет важную профилактическую функцию, позволяя выявлять лиц, устойчиво демонстрирующих насильственное поведение, которые составляют группу наибольшего риска с точки зрения потенциальной радикализации. Для повышения эффективности противодействия побоям и связанным с ними криминогенным рискам необходимо совершенствование уголовного законодательства (уточнение терминологии), разработка разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изменение подходов к деятельности органов внутренних дел (рассмотрение побоев как индикатора криминогенной обстановки) и усиление межведомственного взаимодействия. Поставленные Президентом Российской Федерации задачи на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России 4 марта 2026 г. [5] подтверждают правильность выбранного вектора исследований и требуют от научного сообщества и практических органов консолидации усилий в выработке конкретных мер, направленных на защиту детства, профилактику семейного неблагополучия и, как следствие, на устранение глубинных предпосылок экстремизма. Таким образом, противодействие экстремизму и терроризму невозможно без системной работы по искоренению насилия на самом низовом, бытовом уровне. Уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 116 и 116.1 УК РФ, должны рассматриваться не изолированно, а в системе мер общей превенции насильственной преступности, включая ее наиболее опасные формы – экстремизм и терроризм. Дальнейшие научные исследования в данной области должны быть направлены на эмпирическую верификацию выявленных корреляций, разработку методик раннего выявления лиц, склонных к эскалации насилия, а также на изучение отечественного опыта профилактики бытового насилия и его связи с экстремизмом.

Библиографический список

1. Оздоева Т. Б. Содержание понятий «побои» и «иные насильственные действия» в контексте статей 116 и 116.1 Уголовного кодекса РФ // Полицейская деятельность. 2025. № 5. С. 51–62.
2. Соловьева Е. А. Особенности квалификации преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ, и его разграничение со статьями 115 и 117 УК РФ // Экономика и безопасность. 2025. № 8. С. 10–18.
3. Оздоева Т. Б. Непосредственный объект преступлений, предусмотренных статьями 116 и 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право и политика. 2026. № 1. С. 211–222.
4. Янина И. Ю. Понятие и виды причинения в уголовном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 117–137.

5. Расширенное заседание коллегии МВД // Официальный сайт Президента России. 2026. 4 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/79255> (дата обращения: 04.03.2026).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

7. О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 15 января 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

8. О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 10 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

9. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г. № Пр-2753) (ред. от 29 мая 2020г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Антонян Ю. М. Криминология : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2021. 388 с.

11. Клейменов М. П. Криминология : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 400 с.

12. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. М. : Юрайт, 2021. Т. 1. 1003 с.

13. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М. : Контракт, 2022. 928 с.

14. Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Преступления против личности : учебное пособие. М. : Юрлитинформ, 2021. 200 с.

15. Бриллиантов А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. : Проспект, 2023. 1472 с.

© Сибагатуллин Ф. Ф., 2026

Сидорова Е. З. – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Иркутск)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

CURRENT ISSUES OF EXTREMISM PREVENTION IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN MODERN RUSSIA

Аннотация. В статье анализируется проблема распространения экстремизма среди молодежи в Российской Федерации. Особое внимание уделяется уязвимости подрастающего поколения перед радикальными идеями из-за возрастных психологических особенностей, а также рискам, связанным с киберпространством (скулшутинг, вовлечение в деструктивные онлайн-сообщества, буллинг). Выявлены актуальные проблемы: кадровый дефицит в правоохранительных органах, рост киберэкстремизма, сложности выявления и нейтрализации угроз в цифровой среде.

Ключевые слова: экстремизм, киберэкстремизм, скулшутинг, буллинг, деструктивные онлайн-сообщества, цифровизация.

Abstract. The article analyzes the problem of the spread of extremism among young people in the Russian Federation. Special attention is paid to the vulnerability of the younger generation to radical ideas due to their age-related psychological characteristics and the risks associated with cyberspace (school shooting, involvement in destructive online communities, and bullying). The article identifies current issues, such as the shortage of personnel in law enforcement agencies, the rise of cyber extremism, and the difficulties in identifying and neutralizing threats in the digital environment.

Keywords: extremism, cyber extremism, school shooting, bullying, destructive online communities, and digitalization.

Несмотря на постоянную работу государства по искоренению экстремизма, это опасное социальное явление продолжает существовать. Официальная статистика МВД России фиксирует негативную динамику: если в 2020 г. было зарегистрировано 833 преступления экстремистской направленности, то по итогам 2025 г. их число возросло до 2 241 [8].

Наибольшую тревогу вызывает проникновение радикальных идей в сознание подрастающего поколения. Юношеский максимализм и воз-

растные психологические особенности делают молодых людей уязвимыми для внешнего воздействия, что может выражаться в различных деструктивных формах поведения:

- скулшутинг, под которым понимаются вооруженные нападения учащихся на педагогов и сверстников [6, с. 74];
- вовлечение студентов и школьников в деструктивные онлайн-сообщества;
- травля и дискриминация (буллинг) в образовательной и цифровой среде.

Учитывая повышенный уровень экстремистской угрозы, борьба с данным негативным явлением требует постоянного совершенствования. В России данному направлению уделяется особое внимание, поскольку экстремизм является одним из ключевых вызовов национальной безопасности.

Основные направления профилактической работы с молодежью включают создание и продвижение государственно и социально одобряемого контента в сети Интернет, внедрение интерактивных и игровых форматов профилактики экстремизма, активное участие сотрудников правоохранительных органов в превентивной деятельности, направленной на противодействие экстремистским идеям, интеграцию в учебные программы занятий по противодействию вербовке и вовлечению молодых лиц в деструктивные группы и выработку у учащихся и педагогических работников алгоритмов поведения при возникновении экстремистских угроз.

Названные меры не исчерпывают всего перечня средств борьбы с радикализмом и экстремизмом в молодежной среде, однако в рамках данной работы мы обратим внимание именно на них.

1. Формирование альтернативной информационной среды в сети Интернет.

Распространение радикальных и экстремистских взглядов среди молодежи во многом обусловлено перенасыщенностью сети Интернет информацией деструктивного характера. Наряду с позитивными аспектами глобализации, развитие цифровых технологий ведет к росту преступности в этой сфере, что подтверждается ежегодным увеличением числа киберпреступлений. Как справедливо отмечают правоведы, цифровизация является благом для общества, однако таит в себе определенные проблемы и риски [2, с. 9]. К числу последних можно отнести риски экстремистского и террористического характера. Постоянно возникают новые способы совершения киберпреступлений, в том числе из-за рубежа, что создает дополнительные сложности для выявления и нейтрализации угроз [7, с. 619].

Киберпространство стало основной площадкой для вербовки молодежи в экстремистские и иные деструктивные структуры. Эта тенденция представляет прямую угрозу информационной безопасности Российской Федерации. Расследование таких преступлений затруднено двойственной природой деяния: оно посягает как на общественную безопасность, так и

на безопасность информационную. В связи с этим ряд авторов, включая Е. Н. Луневу, обоснованно ставят вопрос о необходимости выделения киберэкстремизма в отдельную категорию уголовно-правовых норм [4, с. 308].

Однако борьба не должна сводиться лишь к запретам и уголовному преследованию. Ключевым превентивным инструментом является предоставление молодежи привлекательной альтернативы. При этом контент должен быть не «навязанным сверху», что вызывает у подростков отторжение, а по-настоящему увлекательным и востребованным. Необходимо заполнить цифровое пространство интересными, одобряемыми обществом и государством материалами, способными конкурировать с деструктивной пропагандой.

Помимо этого, эффективное противодействие киберэкстремизму требует системного сбора и анализа данных об организациях и лицах, ведущих экстремистскую деятельность в сети Интернет, разработки правовых механизмов для оперативного реагирования на такие факты и тесного межведомственного взаимодействия для контроля над правонарушениями в цифровом пространстве, в том числе в цифровой образовательной среде.

2. Игровые и интерактивные методы профилактики.

В продолжение изучения вопроса привлекательности образовательного контента следует подчеркнуть, что сама профилактическая работа с молодежью должна «отходить» от формальных лекций. В силу несформировавшейся личности и психологической уязвимости, подростки являются главной целью вербовщиков. Чтобы эффективно противостоять этому, профилактика должна вестись на понятном и интересном для них языке, часто в игровой форме. К примерным темам таких мероприятий относятся следующие: методы защиты от вовлечения в деструктивные группировки, основы антиэкстремистского законодательства, информирование о структурах, оказывающих помощь молодым людям, которые стали жертвами экстремистских и террористических преступлений.

Формы проведения могут быть самыми разнообразными, в том числе: видеолекторий – просмотр и обсуждение фильмов или роликов по теме; дебаты – публичный обмен мнениями по актуальным проблемам (например, о недопустимости терроризма); коммуникативная игра – моделирование и поиск решения проблемной ситуации; мастер-класс – отработка практических навыков безопасного поведения при возникновении той или иной экстремистской или террористической угрозы; олимпиада – соревнования на знание вопросов профилактики экстремизма и терроризма; семинар – обсуждение подготовленных участниками материалов; метод кейса – анализ реальной или условной ситуации и поиск путей ее решения; конференция – обсуждение проблем и выработка рекомендаций; марафон (челлендж) – выполнение серии заданий на заданную тему; социальная акция – деятельность, направленная на укрепление традиционных ценностей; тематический квиз – командное интеллектуальное соревнование.

3. Участие представителей правоохранительных органов в превентивной работе со школьниками и студентами.

В настоящее время сотрудники полиции регулярно проводят беседы с обучающимися, направленные на формирование неприятия экстремизма. Однако, как справедливо отмечает Д. В. Ваховский, существующий в органах внутренних дел кадровый дефицит ведет к повышению нагрузки на действующих сотрудников [3, с. 93]. Решение этой кадровой проблемы является важным условием для повышения качества и регулярности профилактической работы с молодежью.

4. Образовательные программы по противодействию вербовке и вовлечению в экстремистские и террористические группировки.

Внеклассные занятия и классные часы должны включать комплексный материал, посвященный профилактике экстремизма, терроризма и буллинга. Важно использовать как «открытый» антиэкстремистский контент (прямое осуждение явления), так и «скрытый». Последний подразумевает ненавязчивое формирование ценностей, противоречащих радикальной идеологии (например, рассказ о достижениях людей разных национальностей, подрывающий основы расизма) [1, с. 18].

Комплексный подход, по мнению Б. А. Малышева, должен включать не только беседы, но и пропаганду здорового образа жизни, вовлечение в спорт и дополнительное образование, тренинги психологической устойчивости и индивидуальные консультации [5, с. 114].

5. Формирование практических навыков безопасного поведения.

В случае возникновения реальной угрозы (террористического акта, акта скулшутинга) решающим фактором становится не теория, а четкий алгоритм действий. Поэтому в «мирное» время необходимо регулярно отрабатывать с обучающимися и работниками образовательных организаций практические навыки реагирования на различные проявления экстремизма. Доведенные до автоматизма действия помогут минимизировать жертвы и последствия чрезвычайной ситуации.

Подводя итог, подчеркнем, что защита молодежи от влияния экстремизма является одним из приоритетных направлений государственной политики. Существующая система профилактики, несмотря на ее многогранность, нуждается в постоянном развитии и доработке. Это требует привлечения значительных ресурсов, принятия взвешенных политических решений и, что особенно важно, консолидации усилий государства с институтами гражданского общества. Только совместная работа позволит эффективно противостоять распространению этой опасной идеологии.

Библиографический список

1. Методические рекомендации по профилактике вовлечения молодежи и несовершеннолетних в общественно опасную и экстремистскую деятельность / И. Р. Абитов, А. Г. Василенко, А. Е. Козлов [и др.] ; по заказу Правительства Новосибирской области. Новосибирск, 2019. 67 с.

2. «Цифровой поворот» в правовых исследованиях / И. Р. Бегишев, А. К. Жарова, Е. А. Громова [и др.] // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 7–13.

3. Ваховский Д. В. Кадровый голод Министерства внутренних дел современной России : анализ и методология ликвидации // Молодой ученый. 2023. № 38 (485). С. 93–95.

4. Лунева Е. Н. Проблемы привлечения к уголовной ответственности при осуществлении экстремистской деятельности в сети Интернет // Science Time. 2015. № 1 (13). С. 306–310.

5. Малышев Б. А. Психолого-педагогическая профилактика вовлечения учащихся в экстремистские организации и религиозные секты // Этнодиалоги. 2017. № 3 (54). С. 96–115.

6. Сидорова Е. З. Репецкая А. Л. Экстремизм как современная угроза безопасности сферы образования // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : материалы XXIX Всероссийской научно-методической конференции, Иркутск, 5–6 марта 2024 года. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2024. С. 73–76.

7. Швыряев П. С. Проблема киберпреступности в России : актуальное состояние и перспективы решения // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 4. С. 616–629.

8. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 04.03.2026).

© Сидорова Е. З., 2026

УДК 343.3/.7

Соловьев Д. Н. – доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION OF TERRORIST ACT

Аннотация. В статье автором рассматриваются некоторые проблемы квалификации террористического акта. Вопрос о правильной квалификации – один из наиболее сложных и важных в повседневной работе органов,

производящих дознание, предварительного следствия, суда и прокуратуры. Для привлечения к уголовной ответственности и признания лица виновным по ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации необходимо, руководствуясь правилами квалификации преступлений, установить в совершенном им общественно опасном деянии наличие всех признаков конкретного состава преступления, предусмотренного уголовным законом.

Ключевые слова: проблемы квалификации террористического акта, состав преступления, противодействие терроризму, уголовная ответственность, уголовный закон.

Abstract. In this article, the author discusses some of the problems associated with the qualification of a terrorist act. The issue of proper qualification is one of the most complex and important aspects in the daily work of the investigative, pre-trial, judicial, and prosecutorial authorities. In order to bring a person to criminal responsibility and find them guilty under Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is necessary to establish, based on the rules of criminal qualification, that the person's socially dangerous act contains all the elements of a specific crime under the criminal law.

Keywords: problems of qualifying a terrorist act, the elements of a crime, countering terrorism, criminal liability, and criminal law.

Террористический акт – одно из самых опасных преступлений, носящее не только национальный, но и международный характер. В настоящее время правоприменителями преодолевается множество трудностей при квалификации деяний, предусмотренных ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], спектр которых очень широк и продолжает увеличиваться за счет усложнения действий преступников, часто связанного с квалифицированностью субъектов преступления, их осведомленностью в той или иной области науки и техники, и многих других объективных факторов. На современном этапе существенные сложности представляют проблемы юридической (уголовно-правовой) ответственности за террористический акт, в частности вопросы его определения и квалификации [2, с. 75].

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. №153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» [3] название рассматриваемой нормы, а также диспозиция статьи были изменены. До принятия этого закона статья называлась «Терроризм».

Основные принципы противодействия терроризму, правовые организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы использования Вооруженных Сил Рос-

сийской Федерации в борьбе с терроризмом, определены в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [4].

Основным непосредственным объектом террористического акта выступает общественная безопасность. Жизнь, здоровье личности, имущественные права и другие, охраняемые уголовным законом общественные отношения, блага и законные интересы выступают в качестве альтернативных дополнительных объектов. Также дополнительными объектами выступают интересы государственной власти и нормальное функционирование международных организаций.

Объективную сторону образует совершение различных общественно опасных деяний, устрашающих население и создающих опасность гибели человека (людей), причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий. Перечень таких деяний является открытым. Часто применяемыми способами совершения террористического акта являются взрыв и поджог. Кроме того, нередко для совершения террористического акта преступниками используются различные виды боевого огнестрельного оружия, взрывчатые вещества и взрывные устройства.

Террористический акт в основном совершается путем действия, но иногда может быть осуществлен и путем бездействия (например, посредством невыполнения обязанностей, связанных со своевременным отключением производственных или технологических процессов в энергетике, на транспорте либо в добывающей промышленности).

Согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [5] (далее – Постановление Пленума №1) иные действия могут состоять в механическом повреждении, разрушении зданий, сооружений, в устройстве аварий, катастроф и крушений на транспорте, в затоплении сооружений, помещений, складов, территорий, в радиоактивном, химическом, бактериологическом и ином заражении местности и т. п. При этом «иные действия» должны создавать опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба или иных тяжких последствий.

Закон не определяет иные тяжкие последствия. Но к ним можно отнести, например, причинение тяжкого вреда здоровью человека, средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам, дезорганизацию деятельности органов государственной власти и местного самоуправления; длительное нарушение работы предприятия или учреждения; существенное ухудшение экологической обстановки (например, загрязнение вод, атмосферы, морской среды и иные негативные изменения окружающей среды, устранение последствий которых требует длительного времени и больших материальных затрат), нарушение работы транспорта, прекращение подачи электричества, газа, теплоснабжения, водоснабжения и т. д. (п. 8 Постановления Пленума № 1).

Угроза совершения перечисленных действий предполагает не только высказывания, но и совершение действий, характеризующих угрозу как реальную и действительную (например, приобретение огнестрельного оружия, боеприпасов, бактериологических, химических, радиоактивных веществ и т. п.) (п. 4 Постановления Пленума № 1). Угроза должна носить конкретный характер и оцениваться как реальная.

Субъективная сторона террористического акта характеризуется прямым умыслом и специальной целью. В случае совершения деяний, указанных в диспозиции ст. 205 УК РФ, в качестве целей могут выступать дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений. В случае угрозы совершения указанных в диспозиции рассматриваемой статьи деяний целью является воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями.

Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее 14-летнего возраста.

Пункт «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за квалифицированный вид этого преступления: террористический акт, совершенный группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Особенностью данного состава является то, что он предполагает наличие двух и более исполнителей. Недопустима квалификация по указанному составу при наличии одного исполнителя и других лиц, играющих роль пособников, подстрекателей, организаторов.

Квалифицированным составом данного преступления также является совершение террористического акта, сопряженного с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсических, опасных химических или биологических веществ (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ). В данном случае перечисленные вещества, материалы и объекты могут выступать как средства, орудия, а также предметы преступления. Если при совершении террористического акта были использованы находящиеся в незаконном обороте ядерные материалы, радиоактивные вещества, оружие, боеприпасы или взрывные устройства, действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ и ст.ст. 220, 221, 222, 222¹, 223, 223¹ или 226 УК РФ (п. 10 Постановления Пленума № 1).

Субъективная сторона террористического акта, повлекшего по неосторожности смерть человека, характеризуется двумя формами вины: умышленной виной по отношению к акту терроризма и неосторожной виной по отношению к наступившей смерти, а потому дополнительная квалификация по ст. 109 УК РФ не требуется.

Объективная сторона ст. 205 УК РФ во многом идентична диверсии (ст. 281 УК РФ); различие состоит в цели преступлений. Оба преступления совершаются с прямым умыслом, но при террористическом акте лицо до-

бывается дестабилизации деятельности органов власти либо оказания воздействия на принятие ими решений, а при диверсии умысел направлен на подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации [6, с. 309–311].

Совершение взрыва, поджога или иных действий подобного характера влечет уголовную ответственность по ст. 205 УК РФ в тех случаях, когда установлено, что указанные действия имели устрашающий население характер и создавали опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий (п. 3 Постановления Пленума № 1).

Угроза совершения взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий (ч. 1 ст. 205 УК РФ), может быть выражена различными способами (например, устное высказывание, публикация в печати, распространение с использованием радио, телевидения или иных средств массовой информации, а также информационно-телекоммуникационных сетей) (п. 4 Постановления Пленума № 1).

В случае признания террористического акта совершенным организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке или в совершении этого преступления, независимо от их фактической роли следует квалифицировать по соответствующей части ст. 205 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ (п. 6 Постановления Пленума № 1).

Причинение в результате террористического акта значительного имущественного ущерба квалифицируется по п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ не требует (п. 7 Постановления Пленума № 1). В случае если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам) содеянное охватывается п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует (п. 9 Постановления Пленума № 1).

Судам необходимо иметь в виду, что посягательство на жизнь и здоровье другого человека путем производства взрыва, поджога или иных действий подобного характера, совершенное по мотиву мести или личных неприязненных взаимоотношений и не преследующее цели дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, и квалифицируется по соответствующим статьям Особенной части УК РФ (п. 11 Постановления Пленума № 1).

В том случае, если лицо совершает посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля либо лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительного органа путем совершения взрыва, поджога или иных действий подобного характера в целях дестабилизации деятельности органов власти или

международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 205 УК РФ. Когда посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля хотя и совершается указанными способами, но в целях прекращения его государственной или политической деятельности либо из мести за такую деятельность, содеянное квалифицируется по ст. 277 УК РФ. Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительного органа, совершенное путем взрыва, поджога или иных действий подобного характера в целях воспрепятствования их законной деятельности либо из мести за такую деятельность, квалифицируется соответственно по ст. 295 или ст. 317 УК РФ (п. 12 Постановления Пленума № 1).

Действия участников террористического сообщества, террористической организации, незаконного вооруженного формирования, совершивших террористический акт, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ и соответственно ст. 205.4, 205.5, 208 УК РФ (п. 13 Постановления Пленума № 1).

Решение вопроса о завершенности состава террористического акта и его стадиях также привлекло внимание теоретиков уголовного права. Известно, что повышенная общественная опасность террористического акта объясняется, помимо прочих представляемых им угроз, его многообъектностью: террористический акт посягает на общую безопасность, на нормальную деятельность органов власти и управления, на жизнь и здоровье людей, на собственность. Особенность терроризма состоит в том, что это преступление считается оконченным не только в момент совершения конкретных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 205 УК РФ, но и при угрозе совершения таких действий, когда они создавали реальную опасность гибели людей либо наступления иных общественно опасных последствий. Поэтому угроза терроризма не должна квалифицироваться как покушение, здесь возможна ответственность за оконченное преступление [7, с. 33].

Согласно примечанию к ст. 205 УК РФ лицо, участвовавшее в подготовке акта терроризма, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом содействовало предотвращению осуществления акта терроризма и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления. Исходя из текста примечания, освобождение распространяется как на лицо, совершающее террористический акт индивидуально, так и на лицо, состоящее в его группе.

Следует также отметить, что при применении положений примечания к ст. 205 УК РФ имеют принципиальное значение следующие обстоятельства. Так, если лицо участвовало в подготовке или совершении нескольких террористических актов, оно будет освобождено от уголовной

ответственности только за те из них, совершение которых оно предотвратило. Если лицо совершило все необходимые в данной обстановке действия, но по независящим от него причинам (ошибка специалистов, проводящих разминирование, влияние неблагоприятных погодных условий и т. д.) предотвратить террористический акт не удалось, данное лицо должно быть освобождено от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 205 УК РФ. При наличии в действиях лица иного состава преступления (например, хищение боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств) оно привлекается к уголовной ответственности по ст. 226 УК РФ [8, с. 66].

Таким образом, правильное установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, способствует стабильному и единообразному применению уголовного законодательства, гарантирует права и интересы личности и содействует поддержанию и повышению авторитета полиции, следствия, суда и прокуратуры.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Шевченко И. В. Вопросы квалификации террористического акта // Научный портал МВД России. № 2. 2009. С. 75–80.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3452.
4. О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.
5. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 4.
6. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. С. А. Денисова, д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Готчиной, д-ра юрид. наук, доц. А. Г. Хлебушкина. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. 656 с.
7. Кашепов В. Уголовно-правовое регулирование противодействия терроризму // Уголовное право. 2006. № 3. С. 33.

8. Маршакова Н. Н., Татарчук В. В. Проблемы квалификации террористического акта (ст. 205 УК РФ) // Философия права, 2008, № 4 (29). С. 63–66.

© Соловьев Д. Н., 2026

УДК 343.9

Старостенко О. А. – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности в ОВД Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Краснодар)

ИНТЕРНЕТ-РАДИКАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МЕХАНИЗМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОФИЛАКТИКИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

INTERNET RADICALIZATION OF STUDENTS: MECHANISMS OF ENGAGEMENT AND INNOVATIVE PREVENTION STRATEGIES IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема интернет-радикализации студенческой молодежи в контексте роста преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. На основе анализа данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации и научных исследований обосновывается, что студенчество, в силу высокой цифровой активности и возрастных психологических особенностей, находится в группе повышенного риска деструктивного воздействия. Автором детально исследуются современные механизмы вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность, включая использование алгоритмической персонализации контента, закрытых каналов в мессенджерах, игровых платформ («геймификация насилия») и феномена «карманного радикализма». Проведен анализ традиционных мер профилактики, реализуемых в системе высшего образования, выявлены их недостатки. В результате исследования предложены инновационные стратегии противодействия радикализации, включающие внедрение тренингов по «цифровой гигиене» и медиаграмотности, реализацию модели «равный равному» и др. Делается вывод о необходимости трансформации существующей практики от преимущественно контрольной и запретительной модели к созидательной, ориентированной на формирование критического мышления и ценностного иммунитета у обучающихся.

Ключевые слова: интернет-радикализация, студенческая молодежь, экстремизм, цифровая среда, механизмы вовлечения, профилактика экстремизма, система высшего образования, цифровая безопасность, критическое мышление, информационная гигиена.

Abstract. The article discusses the current problem of online radicalization of student youth in the context of the growing number of extremist crimes committed using information and telecommunication networks. Based on the analysis of data from the General Prosecutor's Office of the Russian Federation and scientific research, it is argued that students, due to their high digital activity and age-related psychological characteristics, are at a higher risk of being exposed to destructive influences. The author provides a detailed examination of the current mechanisms of involving young people in extremist activities, including the use of algorithmic content personalization, private messaging channels, gaming platforms (gamification of violence), and the phenomenon of "pocket radicalism." The paper analyzes traditional prevention measures implemented in the higher education system and identifies their shortcomings. As a result, the study proposes innovative strategies for countering radicalization, including the implementation of training programs on "digital hygiene" and media literacy, the implementation of the "equal to equal" model, and others. The article concludes that it is necessary to transform the existing practice from a predominantly control and prohibitive model to a creative one that focuses on developing critical thinking and value immunity among students.

Keywords: Internet radicalization, student youth, extremism, digital environment, mechanisms of involvement, prevention of extremism, higher education system, digital security, critical thinking, and information hygiene.

По официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, озвученным на коллегии ведомства по итогам 2024 г., количество преступлений экстремистской направленности в стране возросло на треть, достигнув показателя в 1719 зарегистрированных деяний, при этом каждое второе из них совершено с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [1]. Указанная динамика свидетельствует о качественной трансформации угроз национальной безопасности, где цифровая среда выступает ключевым пространством деструктивного воздействия на молодежь.

Студенчество как социальная группа, характеризующееся высокой цифровой активностью и интенсивным процессом формирования мировоззренческих установок, объективно относится к категории повышенного риска интернет-радикализации. Однако практика профилактической работы в системе высшего образования часто сохраняет инерционный характер: традиционные лекционные форматы демонстрируют низкую результативность в условиях алгоритмической персонализации контента, способствующей формированию «информационных пузырей», радикализирую-

щих сознание. Правовая база, закреплённая Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Стратегией национальной безопасности, требует адаптации практических механизмов к реалиям современных мессенджеров и закрытых каналов коммуникации.

Проблематика психологии вовлечения в деструктивную активность и цифровых рисков социализации нашла отражение в исследованиях Г. У. Солдатовой, проанализировавшей специфику интернет-социализации подростков и молодежи [2], и Е. В. Капковой, уточнившей содержание понятия «цифровая социализация подростков» (цифровая социализация подростков, как часть процесса традиционной социализации и личностная характеристика подростков, интегрирует знания о нормах и правилах онлайн-коммуникации, ориентацию на ценности взаимодействия в интернет-сообществах, умения и опыт использования цифровых инструментов, социальную и цифровую компетентность в решении задач социально значимой деятельности в онлайн-формате. Структура цифровой социализации подростков представлена мотивационным (мотивация, ориентированная на ценность качественной информации, коммуникации и продуктивного взаимодействия в интернет-сообществах подростков со взрослыми и сверстниками для решения социально значимых задач с помощью цифровых устройств и сети Интернет), когнитивным (знания, связанные с цифровой информацией, знания норм и правил онлайн-коммуникации, способов решения социально значимых задач) и деятельностным (умение и опыт поиска, верификации, представления и сохранения информации в цифровом виде, аргументированного ведения диалога и монолога в цифровом формате, ответственного участия в социально значимой деятельности в формате социальных цифровых практик) компонентами [3, с. 7–13])). Вместе с тем методические подходы к имплементации данных научных выводов в повседневную профилактическую практику вузов нуждаются в дальнейшем развитии.

Целью настоящего исследования является разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию профилактической работы с обучающейся молодежью в цифровой среде. Достижение цели предполагает решение следующих задач: во-первых, анализ актуальных каналов и психологических механизмов вербовки в информационном пространстве; во-вторых, критическая оценка эффективности применяемых мер противодействия; в-третьих, обоснование новых инструментов формирования цифровой грамотности и критического мышления у обучающихся.

Процесс вовлечения обучающейся молодежи в экстремистскую деятельность в цифровой среде представляет собой сложную многоуровневую систему, сочетающую глубокую психологическую манипуляцию с высокотехнологичными инструментами таргетирования. Фундаментальной предпосылкой уязвимости студентов является возрастной кризис идентичности, характерный для периода поздней юности (18–25 лет), когда происходит

активный поиск социальных ориентиров и смысложизненных ориентиров, а также потребность в референтной группе. Экстремистские вербовщики искусно эксплуатируют это состояние, предлагая простые бинарные ответы на сложные социальные вопросы, апеллируя к обостренному чувству справедливости и желанию принадлежать к «избранной» группе. В условиях цифровой среды этот процесс усугубляется алгоритмической подачей контента. Социальные сети и мессенджеры, используя механизмы машинного обучения, формируют вокруг пользователя так называемую «эхо-камеру», где радикальные взгляды постоянно усиливаются и не встречают критической оппозиции, создавая иллюзию массовости и нормальности деструктивных идей.

Технические каналы вербовки эволюционировали от открытых форумов к закрытым и зашифрованным пространствам (проблема борьбы с современным экстремизмом и терроризмом заключается в том, что, широко используя социальные сети, вербовщики могут оставаться анонимными, что серьезно осложняет их нейтрализацию, учитывая и то обстоятельство, что часто вербовщики находятся за пределами Российской Федерации, а согласованность борьбы с ними совместно с международными правоохранительными организациями «оставляет желать лучшего». Вербовка граждан России в ряды террористов осуществляется с территорий других стран. Для этого самым действенным каналом вовлечения является Интернет [4, с. 152–165]). Наиболее распространенными площадками становятся закрытые каналы в мессенджерах (например, Telegram), где контент модерируется кураторами, а также игровые платформы и голосовые чаты, где происходит так называемая «геймификация насилия» (процесс происходит при помощи широкого спектра манипулятивных приемов – от копирования вербовщиками языка субкультур до использования таких потребностей молодежи, как запрос на признание, на принадлежность к группе [5, с. 139–148]). В игровой среде агрессия может подаваться как элемент соревнования или достижения статуса, что снижает психологический барьер перед принятием насильственных методов в реальности. Особую опасность представляет феномен «карманного радикализма», когда вовлечение начинается с безобидных на первый взгляд действий: «лайков», «репостов» провокационного контента или участия в онлайн-флешмобах. Эти действия формируют цифровой след, который может быть использован вербовщиками для шантажа или постепенного вовлечения в более серьезную деятельность.

Согласно данным мониторинга информационного пространства, первичный контакт чаще всего происходит через комментарии в популярных пабликах или через ботов, предлагающих «эксклюзивную информацию» или помощь в решении личных проблем. Таким образом, механизм вовлечения представляет собой цепочку событий, где техническая доступность сочетается с психологической подготовкой, что требует от системы

профилактики не только правового реагирования, но и глубокого понимания цифровых практик молодежи.

Нормативное регулирование профилактической работы в образовательных организациях высшего образования закреплено в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Вузы обязаны создавать условия для воспитания гражданственности, осуществлять мониторинг социально-психологического климата и предотвращать распространение экстремистских материалов. На практике реализация этих требований часто сводится к формальному выполнению плановых мероприятий. Проведенный анализ практик региональных вузов показывает, что основными инструментами остаются лекционные курсы по безопасности жизнедеятельности, обязательные кураторские часы и мониторинг страниц студентов в социальных сетях администрацией. Однако эффективность данных мер подвергается серьезной критике со стороны экспертов и самих обучающихся.

Можно выделить несколько ключевых проблем:

Во-первых, традиционные лекционные форматы воспринимаются студенчеством как «обязанность», не имеющая практической ценности для их цифровой реальности. Существует разрыв между языком официальной профилактики и языком цифровой коммуникации молодежи.

Во-вторых, методы тотального мониторинга социальных сетей без согласия обучающихся создают атмосферу недоверия между студентами и администрацией вуза. Когда профилактика ассоциируется исключительно с контролем и наказанием, студенты склонны скрывать признаки неблагополучия или радикализации, уходя в еще более закрытые каналы коммуникации.

В-третьих, следует подчеркнуть, что отсутствие квалифицированной психологической поддержки в связке с мерами безопасности снижает результативность работы и превращает превентивную работу в карательную. Если вуз выявляет группу риска, но не предлагает механизмов мягкой коррекции поведения или социальной реабилитации, профилактика становится карательной, а не превентивной. В то же время Стратегия национальной безопасности Российской Федерации ставит задачу защиты традиционных ценностей, что невозможно реализовать исключительно запретительными мерами без формирования внутреннего иммунитета личности. Таким образом, текущая модель требует трансформации от контроля к сотрудничеству и развитию компетенций.

Совершенствование системы противодействия интернет-радикализации в вузах предполагает внедрение комплексных инновационных инструментов, ориентированных на развитие критического мышления и создание альтернативных смысловых предложений.

Первым ключевым направлением является внедрение модулей «цифровой гигиены» в учебные планы не в формате лекций, а как практических тренингов по медиаграмотности [6, с. 239–241]. Студенты должны обучаться технологиям верификации информации, распознаванию манипулятивных техник и пониманию принципов работы алгоритмов соцсетей. Это позволит сформировать «когнитивный иммунитет» к деструктивному контенту.

Вторым важным элементом является реализация модели Peer-to-peer («равный обучает равного»). Подготовка студенческих лидеров-волонтеров, которые пользуются авторитетом в среде сверстников, позволяет транслировать профилактические сообщения на понятном языке. Такие лидеры могут мягко корректировать мнение участников чатов и выявлять признаки неблагополучия на ранних стадиях, выступая доверенными лицами, а не представителями администрации.

Третьим предложением является внедрение системы анонимного мониторинга настроения вместо тотальной слежки. Регулярные социологические опросы через защищенные цифровые платформы позволяют выявлять группы риска и напряженность в коллективах без нарушения права на приватность. На основе полученных данных возможно точечное вмешательство психологических служб.

Четвертым направлением становится создание альтернативного позитивного контента. Вузам необходимо развивать собственные медиацентры, которые будут производить конкурентоспособный контент (блоги, подкасты, видеоролики), продвигающий конструктивные социальные лифты и ценности сотрудничества. Конкуренция смыслов в информационном поле эффективнее прямой цензуры.

Пятым направлением, перспективным инструментом, является разработка специализированных чат-ботов для психологической помощи, интегрированных в популярные мессенджеры, где студент может анонимно получить консультацию или сообщить о угрозе. Реализация данных мер требует межведомственного взаимодействия вузов с правоохранительными органами и экспертным сообществом, что позволит создать гибкую и адаптивную систему безопасности, соответствующую вызовам цифровой эпохи.

Проведенное исследование позволяет заключить, что проблема интернет-радикализации студенческой молодежи носит выраженный системный характер, интегрирующий психологические, социальные и технологические аспекты, что требует принципиального выхода за рамки традиционного правового регулирования и формальных инструктажей. Детальный анализ механизмов вовлечения продемонстрировал, что деструктивное информационное воздействие базируется на эксплуатации возрастных психологических уязвимостей и алгоритмической персонализации контента, формирующей изолированные информационные пространства. Крити-

ческая оценка существующих профилактических мер в вузах выявила их недостаточную эффективность вследствие преобладания формального подхода и запретительных методик. В качестве основных направлений совершенствования обоснованы: внедрение тренингов по цифровой гигиене, переход от контроля к анонимному мониторингу и адресной психологической поддержке, использование модели «равный равному», развитие вузовских медиацентров и цифровых инструментов помощи (чат-ботов). Ключевым фактором обеспечения безопасности является трансформация профилактики из карательной в созидательную, где акцент смещается с тотального контроля на воспитание критического мышления и медиаграмотности, а также формирование внутренней ценностной позиции личности.

Библиографический список

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/2/> (дата обращения: 20.02.2026).

2. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме : изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // PsyJournals.ru. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2018_n3/Soldatova (дата обращения: 22.02.2026).

3. Капкова Е. Е. Моделирование процесса цифровой социализации подростков в информационно-образовательной среде школы // Новое время – новые исследования : сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 28 августа 2025 года. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2025. С. 7–13.

4. Гайворонская И. Б., Фомина Т. Ф., Аманжолова Б. А. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет // Психология и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 152–165.

5. Базаркина Д. Ю. «Геймификация» преступности – новый вызов для Евросоюза // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. № 6. 2024. С. 139–148.

6. Малышева О. В., Насырова К. И. Цифровая гигиена как знания, востребованные в цифровых реалиях // Наука и культура России. 2025. Т. 1. С. 239–241.

© Старостенко О. А., 2026

Табанакowa В. И. – адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России (Россия, г. Иркутск)

**ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ
СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ В СТАТЬЕ 282
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION
AND CRIMINAL-LAW ASSESSMENT
OF SUBJECTIVE FEATURES IN ARTICLE 282
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье анализируются субъективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства). Основное внимание уделено проблемам квалификации, связанным с признаками субъекта преступления и характеристикой субъективной стороны. Рассмотрены два специальных признака субъекта преступления (совершение деяния: 1) лицом, ранее подвергнутым административному наказанию либо имеющим судимость; 2) с использованием служебного положения) и выявлены пробелы в правовом регулировании: в частности, не охвачены лица, обладающие общественным авторитетом (публичные деятели, блогеры, журналисты и т. д.). Проанализирована дискуссия о роли мотива и цели в субъективной стороне преступления. Показаны сложности отграничения экстремистского мотива отличной неприязни, а также проблемы толкования терминов «ненависть» и «вражда». Результаты исследования могут быть полезны для доктринальных разработок, правоприменительной практики и совершенствования законодательства.

Ключевые слова: возбуждение ненависти или вражды, унижение достоинства; субъект преступления, специальный субъект, административная преюдиция, использование служебного положения, субъективная сторона преступления, прямой умысел, мотив ненависти или вражды, экстремистские преступления, квалификация преступлений, правоприменительная практика.

Abstract. The article analyzes the subjective features of the crime under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation (inciting hatred or enmity, as well as humiliation of dignity). The main focus is on the problems of qualification related to the features of the subject of the crime and the charac-

teristics of the subjective side. Two special features of the subject of the crime are considered (the commission of an act by: 1) a person who has previously been subjected to administrative punishment or has a criminal record; 2) using official position) and identified gaps in legal regulation: in particular, persons with public authority (public figures, bloggers, journalists, etc.) are not covered. The discussion on the role of motive and purpose in the subjective side of the crime is analyzed. Difficulties in distinguishing between extremist motive and personal dislike, as well as problems in interpreting the terms “hatred” and “enmity” are shown. The results of the study can be useful for doctrinal developments, law enforcement practice and improving legislation.

Keywords: incitement to hatred or enmity, humiliation of dignity; subject of the crime, special subject, administrative prejudice, abuse of official position, subjective aspect of the crime, direct intent, motive of hatred or enmity, extremist crimes, qualification of crimes, law enforcement practice.

Несмотря на многократную редакцию статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), субъективные признаки состава преступления – субъект и субъективная сторона – сохранили свою содержательную основу, однако продолжают порождать дискуссии в доктрине и сложности в правоприменительной практике. Наличие оценочных понятий в диспозиции, сочетание общих и специальных признаков субъекта, а также специфика законодательной техники при описании субъективной стороны обуславливают актуальность настоящего исследования.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет. Однако законодательная конструкция анализируемой нормы содержит два специальных признака субъекта, каждый из которых порождает самостоятельные проблемы квалификации.

Первый специальный признак закреплен в п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ – совершение деяния лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость за преступления, предусмотренные данной статьей, статьями 280 или 282.4 УК РФ. Как справедливо отмечает В. В. Тростянецкая, правовая неопределенность возникает в ситуации, когда повторное деяние совершено после составления протокола об административном правонарушении, но до вступления постановления суда в законную силу [6, с. 169]. Поскольку согласно ст. 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления, до этого момента состав преступления отсутствует, что требует от правоприменителя особой тщательности при установлении временных параметров деяния.

Второй специальный признак совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения (п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ). Пленум

Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 разъясняет, что под использованием служебного положения понимается использование виновным своих властных или иных служебных полномочий, а также авторитета, связанного с занимаемой должностью [7].

Однако как обоснованно указывает Е. А. Редькина, признак «использование служебного положения» не охватывает круг лиц, реально способных оказывать значительное влияние на формирование общественного мнения, – политических, религиозных, общественных деятелей, педагогов, профессиональных журналистов, которые, не занимая служебного положения, обладают авторитетом, что создает пробел в уголовно-правовом регулировании [4, с. 275]. Сходную проблему описывает Е. П. Сергун, указывая на необходимость четкого определения их правового статуса [3, с. 204].

Представляется обоснованным предложение В. В. Тростянецкой о признании лица, имеющего значительную аудиторию в социальных сетях, в качестве специального субъекта состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282 УК РФ [7, с. 170]. Общественная опасность деяний таких лиц сопоставима, а в отдельных случаях и превосходит опасность деяний лиц, использующих формальное служебное положение.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Формулировка диспозиции «действия, направленные на...» исключает совершение преступления по неосторожности. Ключевая дискуссия в доктрине разворачивается вокруг вопроса о том, являются ли мотив и цель обязательными элементами состава.

Как справедливо отмечает Е. П. Сергун, диспозиция ст. 282 УК РФ в современной редакции не содержит прямого указания на мотив или цель, используя формулировку «действия, направленные на...» [5, с. 203]. Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях фактически вводит цель в качестве обязательного элемента, характеризуя субъективную сторону прямым умыслом и целью возбудить ненависть либо вражду, либо унижить достоинство [3]. Часть ученых полагают, что при отсутствии в диспозиции прямого указания на цель, последняя может быть любой и не влиять на квалификацию, однако доминирующей является позиция, признающая цель возбуждения ненависти или вражды конститутивным признаком.

Ядром субъективной стороны выступает мотив ненависти или вражды. С. В. Борисов обращает внимание на внутреннюю сложность законодательной конструкции, объединяющей термины «ненависть» и «вражда». Ученый полагает, что термин «вражда» является излишним, так как характеризует скорее объективно сложившиеся отношения между группами, а не внутреннее побуждение лица, и предлагает оставить в качестве мотива только «ненависть» [1, с. 8]. Данная позиция заслуживает поддержки, по-

сколько упростит доказывание и устранил терминологическую избыточность.

Также проблеме составляет отграничение экстремистского мотива от личной неприязни. Для правильной квалификации недостаточно установить лишь факт принадлежности потерпевшего к иной социальной группе. Требуется доказать, что именно этот групповой признак, осознаваемый виновным как значимый (например, внешность, язык, культурные особенности), стал основным, доминирующим побуждением к совершению преступления, а не просто сопутствовал личному конфликту [6, с. 226].

Е. А. Глухов, анализируя сходные проблемы применительно к публичному оправданию терроризма, акцентирует внимание на том, что для формальных составов ключевым является установление направленности умысла виновного на достижение конкретного результата [2, с. 40]. В правоприменительной практике умысел нередко устанавливается исходя из самого факта публичного распространения информации, что может привести к излишне широкому толкованию и привлечению к ответственности за высказывания, не содержащие прямой цели разжигания вражды. Данное наблюдение полностью релевантно и для ст. 282 УК РФ, требуя от правоприменителя особой тщательности в исследовании контекста, формы и содержания деяния.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения по совершенствованию уголовно-правовой нормы:

Признак специального субъекта, использующего служебное положение (п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ), нуждается в расширительном толковании либо в законодательном уточнении путем включения указания на лиц, обладающих общественным авторитетом и возможностью воздействия на массовое сознание (публичные деятели, блогеры с значительной аудиторией, педагоги, журналисты). Это позволит устранить существующий пробел.

В доктрине отсутствует единство мнений относительно терминологического обозначения мотива преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. Для устранения существующей терминологической неопределенности требуется официальное толкование либо законодательное уточнение, закрепляющее соотношение данных понятий применительно к составу данного преступления.

При доказывании субъективной стороны необходимо требование обязательного установления не только факта публичных действий, но и их направленности именно на возбуждение ненависти, что предполагает тщательный анализ контекста, позволяющего отграничить экстремистский мотив от личной неприязни. Ключевым критерием должно служить то, что мотив направлен против группы как таковой, а не против конкретного лица в силу индивидуальных отношений.

В части административной преюдиции требуется законодательное уточнение момента, с которого лицо считается подвергнутым административному наказанию для целей уголовной квалификации, чтобы исключить ситуации правовой неопределенности при совершении повторного деяния в период между составлением протокола и вступлением постановления в законную силу.

Библиографический список

1. Борисов С. В. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2013. № 6. С. 4–9.

2. Глухов Е. А. Публичное оправдание терроризма: направленность умысла, целей и самооценка со стороны преступника // Уголовное право. 2024. № 9. С. 38–44.

3. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 23 декабря 2025 г.) // Российская газета. 2011. 4 июля.

4. Редькина Е. А. Субъективные признаки преступлений экстремистской направленности // Наукосфера. 2022. № 6 (1). С. 273–277.

5. Сергун Е. П. К вопросу о субъективных признаках возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (статья 282 УК РФ) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3 (116). С. 201–205.

6. Табанакова В. И. Субъективные признаки преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ // Юрист-Правовед. 2025. № 4 (115). С. 223–228.

7. Тростянецкая В. В. Особенности субъекта преступления, предусмотренного статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2. С. 167–171.

© Табанакова В. И., 2026

Терехов М. Г. – научный сотрудник
2 отдела научно-исследовательского
центра № 4 Всероссийского научно-
исследовательского института МВД Рос-
сии (Россия, г. Москва)

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

DIGITAL EVIDENCE IN PROCEEDINGS CONCERNING ADMINISTRATIVE OFFENCES EXTREMIST-ORIENTED

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования цифровых фактических данных в делах об административных правонарушениях экстремистской направленности. Особое внимание уделяется процедуре правового определения цифровых фактических данных как цифровых доказательств, а также вопросам относимости и допустимости такой информации как базового элемента цифровых доказательств. По итогам статьи определены некоторые рекомендации по совершенствованию административно-правового регулирования понятия цифровых доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях экстремистской направленности.

Ключевые слова: цифровые доказательства, административное право, административные правонарушения, допустимость, относимость, социальные сети, экстремизм, цифровая среда.

Abstract. The article discusses the use of digital factual data in cases of administrative offenses of an extremist nature. Special attention is paid to the procedure for legal definition of digital factual data as digital evidence, as well as the issues of relevance and admissibility of such information as a basic element of digital evidence. Based on the results of the article, some recommendations have been made to improve the administrative and legal regulation of the concept of digital evidence in cases of administrative offenses of an extremist nature.

Keywords: digital evidence, administrative law, administrative offenses, admissibility, relevance, social networks, extremism, digital environment.

На современном этапе развития общественных отношений, а также в условиях глобальной цифровой трансформации повседневной жизни общества, сеть Интернет становится не только местом для обмена информацией и современной коммуникации граждан, но и эффективным инстру-

ментом для совершения противоправных действий [4, с. 81]. В частности, пропаганды экстремистской идеологии, вербовки новых сторонников радикальных движений, запрещенных в Российской Федерации.

Экстремизм как явление интегрируясь в цифровую среду, обладающую сложными программно-техническими особенностями, позволяющими действовать анонимно, все активнее обуславливает запрос общества на обеспечение государством национальной безопасности за счет увеличения эффективности использования превентивных мер административного характера.

Так, эффективное применение мер административной ответственности в данной сфере напрямую зависит от возможности выявления, сбора, фиксации и оценки цифровых данных, которые в последующем могут быть признаны доказательствами в производстве по делам об административных правонарушениях экстремистской направленности. В этой связи особенности вопросов правового регулирования допустимости и законности получения такого рода цифровых фактических данных в цифровой среде приобретает особую актуальность, требуя стремительного, но одновременно качественного развития административного законодательства.

Вместе с тем малозначительная научно-правовая разработанность темы детального законодательного определения понятия цифровых доказательств, их свойств и признаков в производстве по делам об административных правонарушениях обосновывает проблематику настоящего исследования.

Исходя из вышеизложенного предопределяется и цель данного исследования – рассмотрение особенностей правового регулирования по использованию цифровых данных, которые могут быть признаны особой формой доказательств (цифровых доказательств) в производстве по делам об административных правонарушениях. Исследование базируется на применении комплекса общенаучных и специальных методов познания. В частности, в процессе исследования использовались следующие методы: анализ, синтез индукция и дедукция.

Отсутствие законодательно определенного понятия цифровых доказательств в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) обуславливает в настоящее время появление научной дискуссии, представленной тематической научной литературой и единичной правоприменительной практикой, где складываются разнородные подходы и мнения [5, с. 118].

Собирательно обобщая результаты структурированного анализа, с авторской позиции следует отметить, что в широком смысле цифровое доказательство представляет собой цифровые фактические данные, которые имеют отличительный признак – отсутствие иной формы выражения и воспроизведения, кроме как цифровой. При этом такие данные наряду с традиционными доказательствами имеют значение для установления об-

стоятельств, подлежащих доказыванию по делу об административном правонарушении.

В свою очередь, в контексте производства по делам об административных правонарушениях экстремистской направленности, цифровые фактические данные могут быть определены как информация, содержащая признаки экстремистской деятельности, распространяемая через информационно-телекоммуникационные сети, в том числе Интернет, и используемая для установления факта совершения административного правонарушения, виновности лица и иных обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела.

Между тем классификация цифровых доказательств может быть проведена по различным основаниям:

1. По форме представления информации: текстовые (публикации в социальных сетях, комментарии, сообщения в мессенджерах, электронные письма, тексты на сайтах и форумах); аудиовизуальные (видеоролики, аудиозаписи, подкасты) графические (фотографии, рисунки, мемы, демотиваторы).

2. По способу хранения: на стационарных носителях (жесткие диски компьютеров, серверы); на портативных носителях (флеш-накопители, внешние жесткие диски); в облачных хранилищах данных.

3. По степени доступности: общедоступные (публикации в открытых источниках); ограниченного доступа (информация, доступная только определенному кругу лиц); конфиденциальные (персональные данные, или охраняемая законом тайна) [3].

Таким образом, особый программно-технический характер цифровых фактических данных обуславливает необходимость трансформации и совершенствования концептуального осмысления административно-правового регулирования понятия доказательств. И, как следствие этого, административно-правового закрепления особой формы доказательств – цифровых доказательств, имеющих особое значение ввиду массовости и актуальности распространения цифровых технологий, активной синергии по использованию цифровой среды во всех сферах жизни общества. Наряду с четкой классификацией цифровых фактических данных имеет важнейшее практическое значение для определения порядка их сбора, фиксации, исследования и оценки, а также признания их особой формой доказательств в каждом конкретном случае при производстве по делам об административных правонарушениях экстремистской направленности.

Несмотря на тот факт, что порядок сбора, фиксации, исследования и оценки цифровых фактических данных в производстве по делам об административных правонарушениях регламентируется общими положениями КоАП РФ, существуют особенности их оценки.

При оценке необходимо учитывать требования закона, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также использовать специальные

познания в области цифровых технологий и цифровой среды. Именно поэтому допустимость цифровых доказательств является одним из наиболее сложных и дискуссионных вопросов в данной сфере, образующим ряд проблем для правоприменителя.

К перечню проблем можно отнести нарушение порядка сбора и фиксации цифровых доказательств:

1. Невозможность установления подлинности и достоверности цифровых фактических данных. В частности, если невозможно установить подлинность и достоверность цифровых доказательств, например, из-за отсутствия необходимой информации или повреждения цифрового носителя, они не могут быть использованы в качестве доказательств по делу.

2. Анонимность в сети Интернет затрудняет установление авторства экстремистских материалов и идентификацию личности пользователя, что может являться препятствием для привлечения его к административной ответственности.

3. Фактическое выявление признаков экстремизма в содержании цифровых материалов (например, наличие призывов к насильственным действиям, разжигание ненависти, пропаганда экстремистской идеологии), а также установление связи между цифровыми доказательствами и конкретным лицом или событием.

Подводя общий итог, применение цифровых фактических данных как особой формы доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях, в частности экстремистской направленности – достаточно важное направление для обеспечения национальной безопасности в условиях активной цифровизации всех сфер жизнедеятельности. Данный факт обуславливает необходимость дальнейших активных научно-правовых исследований и предложений, как результата такой деятельности по заявленной теме исследования.

Частные предложения по итогам данного исследования заключаются в умозаключении о том, что разрешение образовавшихся правоприменительных проблем – это вопрос не одного дня, а скорее системная и последовательная деятельность в рамках установления правового регулирования, как общих аспектов, таких как – формулирование понятия особой формы доказательств – цифровых доказательств, определение основных признаков и классификации. Исходя из этого, предложен авторский подход к формулированию понятия цифровых доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях.

Библиографический список

1. О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант.ру».

2. О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант.ру».

3. Остапенко А. А. Виды цифровых доказательств в административном судопроизводстве // StudNent. 2021. № 5.

4. Куликова Я. А. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2024. № 6. С. 81–99.

5. Соколов А. Ю. Правовая политика в области использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник СГЮА. 2023. № 1 (150). С. 118–121.

© Терехов М. Г., 2026

УДК 340.1

Тулбаева Д. Т. – доцент кафедры административно-правовых дисциплин Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова (Республика Казахстан, г. Караганда)

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК СОВРЕМЕННАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

INFORMATION TERRORISM AS A MODERN THREAT TO NATIONAL SECURITY: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Аннотация. В статье рассматривается информационный терроризм как одна из наиболее опасных форм современных угроз в условиях глобализации и цифровизации. Выделяются ключевые проблемы противодействия, предлагаются комплексные пути их решения и анализируются возможные последствия как при эффективной реализации мер, так и при их отсутствии.

Ключевые слова: информационный терроризм, киберинциденты, глобализация, киберугроза.

Abstract. The article examines information terrorism as one of the most dangerous forms of modern threats in the context of globalization and digitalization. The key problems of counteraction are highlighted, comprehensive ways of their solution are proposed, and possible consequences are analyzed both in case of effective implementation of measures and in case of their absence.

Keywords: information terrorism, cyber incidents, globalization, cyber threat.

Современный мир переживает период глубинных трансформаций. С усилением геополитической напряженности в мире происходит перераспределение влияния, нарастает гонка вооружений, а также формируются новые формы угроз безопасности мирового сообщества, которые часто носят скрытый и неочевидный характер. Словосочетание «Холодная война» стало не просто термином, так как уровень напряженности в мире нарастает, что не может не отразиться на ходе «Часов судного дня». Мировое научное сообщество предполагает (Bulletin of Atomic Scientists), что угрозы мировой информационной безопасности представляют совпадение сразу нескольких факторов, таких как ослабевание международной системы безопасности, развитие информационных технологий, опережающее формирование системы упреждающего контроля. На этом фоне цифровые технологии стали не просто инструментом развития, а новым «полем боя» в обеспечении национальной безопасности государства и общества.

Согласно отчету глобального индекса терроризма в 2025 году число террористических атак достигло 2944, при этом от рук террористов погибло 5 582 человека [1], по сравнению с 2024 годом произошло количественное снижение, при этом на фоне заметного снижения числа атак наблюдается усложнение тактики, фрагментация факторов и рост значимости технологических инструментов, используемых террористами, а именно: активное использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в конфликтах, удары по инфраструктуре. Целью становится не захват территорий, а дестабилизация экономики. Из анализа данных можно сделать вывод, что информационный терроризм выступает в роли перспективного негативного тренда, который с годами будет набирать обороты и оказывать все большее неблагоприятное воздействие на мировое сообщество.

Сегодня невозможно представить устойчивое развитие ни в одной сфере без информационно-коммуникационных технологий. Государственное управление, финансовая система, правоохранительная деятельность, здравоохранение, образование – все ключевые сферы зависят от цифровой инфраструктуры. Однако вместе с возможностями растут и угрозы. Одной из самых опасных из них является информационный терроризм.

Информационный терроризм в современных условиях представляет собой качественно новую форму террористической деятельности, которая возникла в результате развития информационно-коммуникационных технологий и трансформации традиционной формы угрозы национальной безопасности. Несмотря на то, что сам термин был введен в научный оборот еще в 1980-х годах, его содержательное наполнение до настоящего времени остается дискуссионным, что обусловлено быстрыми темпами внедрения цифровых технологий в жизнь общества и многообразием форм противоправного поведения в информационном пространстве.

В общепринятом представлении информационный терроризм можно рассматривать как преднамеренное использование информационных тех-

нологий для совершения атак, направленных на достижение террористических целей, включая дестабилизацию общественных отношений, подрыв функционирования государственных институтов, оказание давления на органы власти, а также формирование атмосферы страха и неопределенности в обществе.

В отличие от иных форм киберпреступности, информационный терроризм имеет ярко выраженную политико-идеологическую направленность, основной целью которого является дисбаланс общественного порядка и причинение стратегических последствий. Особую опасность представляет то, что такие атаки могут быть направлены на объекты жизнеобеспечения общества – энергетику, транспорт, здравоохранение, оборонные системы.

В доктринальном плане информационный терроризм следует рассматривать не только как совокупность отдельных противоправных деяний, но как сложное социально-правовое явление, обладающее системными признаками. Особого внимания заслуживает проблема разграничения информационного терроризма, киберпреступности и актов кибервойны. В юридической плоскости данное разграничение осложняется совпадением объективной стороны деяний (например, несанкционированный доступ к информационным системам) при различии их субъективных целей и последствий. В этой связи ключевым критерием квалификации информационного терроризма выступает именно террористическая направленность – стремление к устрашению населения, воздействию на принятие решений органами государственной власти либо дестабилизации общественного порядка.

К числу специфических признаков информационного терроризма следует отнести его транснациональный характер, анонимность субъектов, высокую латентность и асимметричность воздействия. В отличие от традиционных форм терроризма, информационная террористическая атака может быть осуществлена дистанционно с минимальными ресурсными затратами, но при этом иметь последствия, сопоставимые с масштабными техногенными или даже военными угрозами.

Информационный терроризм следует квалифицировать как комплексное, многоуровневое явление, обладающее высокой степенью общественной опасности и требующее адекватного правового осмысления. Его исследование и нормативное закрепление должны осуществляться с учетом междисциплинарного подхода, объединяющего достижения юридической науки, информационных технологий и теории безопасности.

При определении подходов противодействия информационному терроризму необходимо формировать комплексную и внутренне согласованную систему мер, ориентированную на адекватное реагирование на вызовы цифровой эпохи. При этом речь должна идти не о фрагментарном совер-

шенствовании отдельных элементов, а о выработке целостной концепции, интегрирующей правовые, институциональные и технологические механизмы обеспечения безопасности.

В первую очередь приоритетным направлением выступает совершенствование нормативно-правовой базы. Представляется обоснованным формирование четкого и научно выверенного определения информационного терроризма, закреплённого на законодательном уровне. Такое определение должно учитывать как технологическую специфику деяния, так и его целевую направленность, связанную с террористическим воздействием на общество и государство. Кроме того, необходима гармонизация национального законодательства с международными правовыми стандартами, что позволит обеспечить единообразие подходов к квалификации и преследованию соответствующих деяний.

Не менее значимым направлением является институциональное укрепление механизмов противодействия. В современных условиях особую роль приобретает создание специализированных подразделений и межведомственных центров, обеспечивающих мониторинг, предупреждение и оперативное реагирование на информационные угрозы. Эффективность их деятельности во многом зависит от уровня синергии между государственными органами, включая правоохранительные структуры, органы национальной безопасности и регуляторов в сфере информационных технологий.

С учетом транснационального характера информационного терроризма принципиальное значение приобретает развитие международного сотрудничества. Представляется необходимым активизировать участие государств в многосторонних соглашениях, направленных на противодействие информационным угрозам, а также совершенствовать механизмы обмена информацией и проведения совместных операций. В данном контексте особую актуальность приобретает формирование единых стандартов и процедур взаимодействия, способных обеспечить оперативность и эффективность реагирования.

Отдельного внимания требует обеспечение безопасности критической инфраструктуры. В условиях возрастающей зависимости государства от цифровых систем приоритетной задачей становится внедрение современных технологий защиты, регулярное проведение аудита информационных систем, а также разработка сценариев реагирования на возможные киберинциденты. Важным элементом является также формирование механизмов резервирования и устойчивости систем, способных минимизировать последствия возможных атак.

Существенную роль в повышении эффективности противодействия информационному терроризму играет развитие кадрового потенциала. Подготовка высококвалифицированных специалистов в области информационной безопасности, повышение квалификации сотрудников правоохрани-

нительных органов, а также развитие научных исследований в данной сфере должны рассматриваться как стратегическое направление государственной политики. В условиях постоянного усложнения технологий именно человеческий фактор во многом определяет способность системы безопасности адекватно реагировать на угрозы.

Наряду с этим необходимо уделять внимание формированию культуры информационной безопасности в обществе. Повышение уровня цифровой грамотности населения, развитие навыков безопасного поведения в информационной среде и осознание рисков, связанных с использованием цифровых технологий, способны существенно снизить уязвимость общества перед киберугрозами.

Таким образом, эффективное противодействие информационному терроризму возможно лишь при условии реализации комплексного подхода, предполагающего одновременное развитие правовых, организационных, технологических и образовательных мер.

Решение обозначенных проблем требует комплексного подхода. В первую очередь необходимо совершенствовать законодательство. Это включает разработку четкого определения информационного терроризма, устранение правовых пробелов и приведения в соответствие национальных норм с международными стандартами.

Важнейшим направлением является развитие международного сотрудничества. Эффективная борьба с транснациональными угрозами невозможна без обмена информацией, совместных операций и согласованных стратегий.

Особое внимание должно уделяться защите критической инфраструктуры. Регулярный аудит систем, внедрение современных средств киберзащиты и создание механизмов оперативного реагирования способны существенно снизить риски.

Не менее значима подготовка кадров. Формирование профессионального сообщества специалистов по информационной безопасности, развитие научных исследований и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов являются ключевыми условиями успеха.

Кроме того, необходимо повышать цифровую грамотность населения. Человеческий фактор остается одним из самых уязвимых элементов системы безопасности.

Реализация предложенных мер способна привести к существенному укреплению национальной безопасности. Снижение количества кибератак, повышение устойчивости инфраструктуры и рост доверия к государственным институтам создадут условия для стабильного развития цифровой экономики.

В то же время игнорирование проблемы может иметь крайне негативные последствия. Кибератаки способны парализовать работу государ-

ственных органов, разрушить экономические связи, вызвать массовую панику и подорвать социальную стабильность. Утечка конфиденциальной информации и воздействие на стратегические объекты могут привести к долгосрочным кризисам.

Информационный терроризм – это не гипотетическая угроза будущего, а реальность настоящего. Эффективное противодействие возможно только при условии системного подхода, объединяющего правовые, технологические и организационные меры. В противном случае киберпространство рискует превратиться в ключевую арену деструктивного воздействия на безопасность государств и общества.

Библиографический список

1. Global terrorism index 2026. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2026/03/Global-Terrorism-Index-2026-Report.pdf> (дата обращения: 05.04.2026).
2. О противодействии терроризму : закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000416_ (дата обращения: 05.04.2026).
3. О национальной безопасности : закон Республики Казахстан от 6 января 2012 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527/z1200527.htm> (дата обращения: 05.04.2026).
4. Коркмазов А. В. Современные тенденции цифрового экстремизма и терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16 № 4. С. 208–211.

© Тулебаева Д. Т., 2026

Тхаровская О. Ю. – старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России (Россия, г. Краснодар)

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ
НАКАЗАНИЙ В ЦЕЛЯХ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ
РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

**IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF DIFFERENTIATION
IN THE EXECUTION OF PUNISHMENTS TO MINIMIZE THE RISKS
OF RELIGIOUS EXTREMISM IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS**

Аннотация. Статья направлена на раскрытие вопросов, связанных с проблемой распространения религиозного экстремизма в условиях исправительных учреждений, исследует условия его зарождения и существования, определяет основные признаки и закономерности экстремизма в пенитенциарной среде. Основное внимание уделено изучению возможностей применения принципов дифференциации наказания, воспитательной и профилактической работы, а также взаимодействия с официальными религиозными структурами для снижения уровня экстремистских проявлений. Рассмотрены актуальные риски и выработаны конкретные рекомендации по оптимизации превентивных мер, позволяющие повысить эффективность защиты общества и укрепления порядка в местах лишения свободы.

Ключевые слова: экстремизм в тюрьмах, профилактика религиозного насилия, реабилитационная работа с осужденными, профилактика террористических наклонностей, борьба с радикализацией, методика духовного просвещения, организация противодействия экстремизму в исправительных учреждениях.

Abstract. The article aims to address the issue of the spread of religious extremism in correctional facilities, exploring the conditions for its emergence and existence, and identifying the main characteristics and patterns of extremism in the penitentiary environment. The focus is on exploring the possibilities of applying the principles of differentiation of punishment, educational and preventive measures, as well as cooperation with official religious organizations to reduce the level of extremist activities. The article examines current risks and provides specific recommendations for optimizing preventive measures to enhance the effectiveness of protecting society and maintaining order in correctional facilities.

Keywords: extremism in prisons, prevention of religious violence, rehabilitation work with convicts, prevention of terrorist tendencies, fight against

radicalization, methods of spiritual enlightenment, organization of counteraction to extremism in correctional institutions

Проблематика религиозного экстремизма является значимой не только внутри пенитенциарной системы, но и глобально. Люди, чьи деяния затронули основы общественного устройства, безопасность страны, права и свободы граждан с учетом их религиозных убеждений, нередко продолжают вести противозаконную активность даже находясь в заключении. Явление экстремизма в тюрьмах представляет собой одну из ключевых трудностей при исполнении наказаний. Значимость изучения вопроса подчеркивается устойчивым ростом числа осужденных за преступления, связанные с экстремизмом. По состоянию на конец 2025 года в российских исправительных учреждениях содержится 1356 лиц, приговоренных за правонарушения экстремистского характера, что превышает показатель предыдущего периода (2024 г.) почти на две трети – тогда было зафиксировано лишь 817 таких случаев. Если обратиться к статистике прошлых лет, то в 2023 году количество аналогичных преступников составляло 666 человек, а еще годом ранее эта цифра была равна 494. Таким образом, приведенная динамика свидетельствует о стабильно увеличивающемся числе осужденных за подобные виды правонарушений в условиях тюремного заключения [1, с. 282].

Главной причиной возникновения и распространения экстремистских взглядов среди заключенных становится приверженность отдельных групп осужденных своим собственным религиозным убеждениям и недостаток необходимых знаний относительно сути различных вероисповеданий. Это способствует возникновению конфликтов, нарушению законных прав и свобод граждан, росту межрелигиозной вражды и ненависти в стенах учреждений исполнения наказаний. Распространение религиозного экстремизма в тюрьмах часто провоцирует совершение преступлений и других видов нарушений закона. Современное общество характеризуется наличием разнообразия моральных, нравственных, религиозных и культурных ориентиров, что неизбежно ведет к формированию небольших сообществ и объединений. Находящиеся в изолированных условиях тюрьмы такие небольшие социальные группы могут основываться на особых мировоззрениях, нередко имеющих ложную религиозную окраску.

Деятельность указанных групп базируется на принципах, порой противоречащих действующему законодательству. Ключевую роль в поддержке и распространении религиозного экстремизма играют особые сообщества заключенных, называемые тюремными джамаатами, занимающиеся объединением сторонников экстремистских идей и усилением радикальных настроений среди особого контингента осужденных. Формирующиеся в рамках мест лишения свободы отдельные группировки (тюремные джамааты), состоящие преимущественно из представителей определенной

национальности, этноса либо веры, активно пропагандируют свои взгляды среди заключенных. Вместе с тем лица, характеризующиеся низким уровнем развития морали и психики, легко попадают под влияние негативно ориентированных сокамерников, придерживающихся радикальной интерпретации исламского учения. Пройдя процесс влияния, такие осужденные превращаются в так называемых «неофитов», новых последователей радикального ислама. Психологические особенности неофитов выражены в кардинальной смене жизненного уклада, отчуждении от близких и следовании исключительно догмам радикализованного варианта ислама, игнорируя традиционные религиозные ценности.

Одним из эффективных методов борьбы с проявлениями экстремизма, включая религиозный, в пенитенциарной среде служит использование принципа дифференцированного подхода. Грамотная реализация дифференциации исполнения наказаний совместно с применением соответствующих мер исправительного воздействия способна способствовать эффективному противостоянию распространению религиозного экстремизма в исправительных учреждениях. Примером преступных деяний, мотивированных псевдорелигиозными взглядами, служат события, произошедшие в 2024 году в федеральном казенном учреждении следственного изолятора № 1 Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Ростовской области и исправительной колонии № 19 Управления ФСИН России по Волгоградской области. Сторонники радикальных течений ислама, действуя исходя из своих убеждений, осуществляли действия, повлекшие гибель и нанесение телесных повреждений сотрудникам, порчу имущества и прочие негативные последствия. Противодействия действиям подобных негативных группировок администрацией данных учреждений оказано не было. Одной из первопричин вышеуказанных происшествий и роста проявлений религиозного экстремизма можно считать недостаточное соблюдение базовых положений действующего уголовного-исполнительного законодательства, особенно принципа разделения условий содержания осужденных в зависимости от степени опасности и склонности к экстремизму.

Сегодня действующее уголовное исполнительное право предусматривает различные подходы к исполнению наказаний, учитывающие пол, возраст, тяжесть содеянного преступления и другие факторы. Использование принципа дифференциации представляется целесообразным и в отношении особенностей личности правонарушителя, его поведения в период пребывания в местах лишения свободы, а также потенциальной угрозы обществу. К числу тех, кому применима такая практика, относятся осужденные, проповедующие идеи религиозного экстремизма, радикальные течения ислама, а также оказывающие дестабилизирующее воздействие на внутреннюю атмосферу исправительного заведения. Ученый С. М. Савушкин подчеркивает важность дифференциации как одного из основных эле-

ментов успешной организации пенитенциарной системы. Реализация указанного принципа должна начинаться сразу же после поступления осужденных в учреждение, начиная с карантина перед началом отбывания срока. Руководствуясь данным подходом, сотрудники учреждения осуществляют изучение личного дела каждого заключенного, проводят индивидуальные беседы, организуют профилактические меры, разъясняют правила внутреннего распорядка, установленные для всех осужденных [2, с. 88].

При изучении личностных характеристик осужденных важно своевременно выявлять субъектов, придерживающихся экстремистских воззрений. Так, например, один из осужденных, проходящий наказание в одном из учреждений ГУФСИН России по Ростовской области за преступление, предусмотренное статьей 205.4 Уголовного кодекса Российской Федерации, после прибытия в данное заведение, вдохновляясь учениями радикального ислама, предпринимал попытки распространять экстремистские идеи среди других заключенных. Благодаря своевременным профилактическим мероприятиям, осуществляемым персоналом учреждения, а также грамотному использованию принципа дифференциации при исполнении уголовных наказаний, этот осужденный был успешно отделен от остальных заключенных данного учреждения [3, с. 97]. Среди приоритетных направлений предотвращения распространения религиозного экстремизма в пенитенциарной системе выделяется проведение целенаправленной воспитательной работы. Работа воспитательного характера в отношении осужденных, виновных в совершении преступлений экстремистской направленности, равно как и в отношении лиц, исповедующих принципы религиозного экстремизма и радикального ислама, должна проводиться индивидуально, учитывая различия между ними. Используя механизм дифференциации исполнения наказаний, руководство исправительных заведений содействует сегрегации осужденных по разным категориям. Целесообразность дифференцированной воспитательной работы заключается в особом подходе к отдельным категориям заключенных, представляющим опасность ввиду приверженности идеям религиозного экстремизма.

Коллективные воспитательные мероприятия включают лекции, консультации, встречи с представителями различных конфессий. Привлечение духовенства помогает знакомить заключенных с основами традиционных религий, предотвращая распространение экстремизма. Дифференцированный подход, учитывающий личностные характеристики, поведение и степень опасности осужденных, эффективен для противодействия радикальным идеям, особенно исламского толка, обеспечивая стабильность и порядок в учреждениях.

Проведенное исследование позволило выявить основные аспекты проблемы религиозного экстремизма в исправительных учреждениях и предложить эффективные пути ее решения. Было установлено, что ключевое значение имеет комплексный подход, включающий психологическое

сопровождение, воспитание и строгую дифференциацию осужденных согласно уровню риска и характеру их религиозных убеждений. Анализ показал необходимость повышения квалификации персонала пенитенциарной системы в вопросах взаимодействия с лицами, подверженными воздействию экстремистских идеологий, а также важности формирования среды, способствующей интеграции осужденных в позитивное социальное окружение.

Особое внимание уделено роли воспитательных мероприятий, проводимых представителями духовенства традиционных религий, что помогает нейтрализовать рост экстремизма путем разъяснения истинных канон веры и предупреждать искаженное восприятие религиозных норм.

Предложения:

1. Усилить сотрудничество с религиозными организациями, регулярно проводить просветительные мероприятия и консультации с духовенством.

2. Разработать специализированные программы психологического сопровождения и реабилитации осужденных, ориентированные на позитивное мировоззрение и защиту от экстремизма.

3. Проводить обучение персонала по психологии, конфликтологии и антитерроризму, уделяя особое внимание профилактике радикализма.

4. Разработка методических рекомендаций: разработать рекомендации для специалистов пенитенциарной системы по диагностике ранних признаков экстремистских тенденций и работе с такими категориями осужденных.

Таким образом, предложенный комплекс организационных и образовательных мер направлен на снижение рисков распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы и повышение общей эффективности функционирования исправительной системы.

Библиографический список

1. Петрянин А. В. Экстремистско-террористическая активность в телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет» : современное состояние, направления уголовно-правового противодействия // Юридическая наука и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 69. С. 282–285.

2. Тепляшин П. В., Тепляшина Е. А. Исполнение лишения свободы в отношении пожилых осужденных: перспективы реализации принципа дифференциации // Вестник Кузбасского института. 2019. № 3 (40). С. 87–96.

3. Савушкин С. М. Законодательное регулирования дифференциации осужденных к лишению свободы в контексте профилактики преступ-

ности // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2025. № 1 (23). С. 95–101.

© Тхаровская О. Ю., 2026

УДК 343.85:[343.85:343.34](470)

Фасхутдинова А. В. – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

SOME ISSUES OF PREVENTING TERRORIST CRIMES

Аннотация. В статье рассматривается угроза международного экстремизма и терроризма, которая обусловливается значительным обострением геополитической ситуации в мире. Борьба с преступными проявлениями террористической направленности носит достаточно сложный характер, так как охватывает абсолютно все сферы жизнедеятельности, а также требует совместных усилий всех субъектов противодействия террористической и экстремистской деятельности на мировом уровне.

Ключевые слова: международный экстремизм и терроризм, анти-террористические усилия, цифровой трансформации, преступность, цифровизация, национальная безопасность.

Abstract. The article examines the threat of international extremism and terrorism, which is caused by a significant aggravation of the geopolitical situation in the world. The fight against criminal manifestations of a terrorist nature is quite complex, as it covers absolutely all areas of life, and also requires the joint efforts of all subjects of countering terrorist and extremist activities at the global level.

Keywords: international extremism and terrorism, anti-terrorism efforts, digital transformation, crime, digitalization, and national security.

В настоящее время угроза экстремизма и терроризма занимает одно из ведущих мест и поднялась до глобального уровня. Динамика прогресса военных технологий имеет место в настоящее время и предвещает новые проявления террористической активности. В условиях всепроникающей угрозы международного терроризма органы государственной власти

должны повышать эффективность антитеррористических усилий, в том числе во время осуществления правоохранительными органами государств своей деятельности в особых условиях, при чрезвычайных ситуациях по всем ее видам [1].

Усиление возникновения террористических проявлений в настоящее время во многом обусловлены значительным обострением геополитической ситуации в мире. Это касается прежде всего доступности современных технологий, которые позволяют террористам вести более агрессивную информационно-пропагандистскую кампанию, а также непосредственно организацию и осуществление терактов.

Значительные опасения исходят от транснациональных террористических организаций, которые внесены в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, который систематически обновляется. На период 2026 года в список входят 72 организации. Он опубликован на официальном сайте Федеральной службы безопасности Российской Федерации [2].

На международном уровне ведущую роль в борьбе с терроризмом должны осуществлять непосредственно сами государства как участники обеспечения международной безопасности, включая их вооруженные силы, специальные службы и правоохранительные органы. Такая деятельность должна организовываться при неукоснительном соблюдении международного права, в том числе принципа невмешательства во внутренние дела государства [3].

Что касается национального законодательства, то следует обратить особое внимание на обеспечение неотвратимости наказания за финансирование, планирование, подготовку, совершение, поддержку террористических актов.

Борьба с преступными проявлениями террористической направленности носит достаточно сложный характер, так как охватывает абсолютно все сферы жизнедеятельности, а также требует совместных усилий всех субъектов противодействия террористической и экстремистской деятельности на мировом уровне.

Некоторые способы борьбы с террористическими проявлениями экстремизма.

Первым способом является сотрудничество между государствами на международном уровне в рамках обеспечения международной безопасности. Своевременное и надежное перекрытие каналов финансовой и материальной помощи террористическим организациям, включая противодействие по «отмыванию» денежных потоков и финансирование террористических актов и террористических организаций.

Немаловажное значение имеет проблема иностранных террористов-боевиков, которые массово возвращаются в государства проживания, либо перемещаются в третьи страны, где им легче избежать наказания за свои преступления. В данном случае одним из путей решения в борьбе с террористическими проявлениями будет добросовестный и достоверный обмен информацией между мировыми государствами и экстрадиции преступников.

Второй способ обеспечивает деятельность специализированных структурных подразделений в сфере информационного пространства. Это связано с тем, что в настоящее время террористические преступления, в мире совершаются с помощью передовых технологий и средств связи. Из средств массовой информации мы все чаще узнаем, что террористические организации осуществляют вербовку граждан стран мира, в том числе и в России. Участились случаи публичной демонстрации терактов в онлайн-среде. В условиях цифровой трансформации террористические организации расширяют источники финансирования, налаживают массовый сбор различного рода средств через сеть Интернет для возможности варьирования денежными потоками и массового вовлечения граждан.

Работу по противодействию использования боевиками инновационных технических решений необходимо направить на недопущение попадания в руки террористов оружия и продукции так называемого «двойного назначения», то есть той, которая может применяться как для производства вооружения, так и для военной техники. Например, одним из наиболее эффективных средств, является создание и постоянное совершенствование национальных систем экспортного контроля с учетом конкретных условий, приоритетов и возможностей каждой страны. В число базовых элементов таких систем входит обязательное лицензирование трансграничных передач любых товаров и технологий, которые могут быть использованы в террористических целях [4].

Третий способ борьбы выступает в выработке сбалансированных консенсусных и реальных межгосударственных соглашений по антитеррористическим и антиэкстремистским направлениям. В связи с чем необходима поступательная борьба с экстремизмом и терроризмом во всех его формах и проявлениях, а именно призвать международные сообщества обратить пристальное внимание на опасный рост экстремистской идеологии и так называемой радикализации, когда молодое подрастающее поколение придерживается крайних взглядов и идеологий, связанных с насилием и с агрессивным национализмом и неонацизмом. В Российской Федерации разрабатываются новые информационные технологии, которые активно применяются и используются в цифровой трансформации, в сфере трансграничных платежей и финансовых систем с отслеживанием отправителей и получателей.

Четвертый способ – это ведение линии по недопущению принудительного навязывания односторонних «стандартов и правил». В частности, речь идет о спорной западной концепции «противодействия насильственному экстремизму», которая необоснованно усиливает крен в пользу правозащитной и гендерной проблематики в антитерроре, открывает дополнительные возможности для вмешательства во внутренние дела государств.

Пятый способ – это принятие усилий по реализации инициатив, направленных на совершенствование механизмов противодействия именно новым вызовам и угрозам безопасности в сфере террористической и экстремистской защищенности. Безусловно, положительным решением явилось, что правительством Российской Федерации принят стандарт международного сотрудничества – разработанный Россией, Китаем, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном – Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму 2017 года.

Одно из последних событий: 26 сентября 2022 года взрывы сразу на двух российских экспортных газопроводах в Европу – «Северном потоке» и «Северном потоке – 2». Генеральная Прокуратура Российской Федерации инициировала дело об акте международного терроризма. Президент Российской Федерации заявил, что взрыв на газопроводе – очевидный теракт [5].

Нельзя забывать и о террористических актах, совершенных на территории Российской Федерации, которые унесли множество жизней наших граждан. Например, в 2024 году террористический акт в «Крокус Сити Холл» (погибло 151 человек, ранены 609); захват больницы в Буденновске (1995 год, погибло 129 человек, более 300 раненых); террористический акт в Буйнакске (1999 год, 64 человека погибло и 146 ранено); взрыв во время празднования Дня Победы в центре Каспия (2002 год, 43 человека погибло, включая 12 детей); Норд-Ост (2002 год, погибло 174 человека, более 700 ранено); взрывы в поездах «Кисловодск – Минеральные воды» (2003 год, 7 человек погибло, 92 ранены), Беслан школа № 1 (2004 год, погибло 330 человек, из них 172 ребенка и 35 сотрудников силовых структур); взрыв в московском аэропорту «Домодедово» (2011 год, 38 человек погибло, 116 пострадало) и многие другие террористические акты, совершенные ранее [6].

Таким образом, необходимо выстраивать работу по борьбе с терроризмом и экстремизмом с опорой на положения постоянно совершенствуемого законодательства в антитеррористической сфере, а также главных концептуальных документов – «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» (Указ Президента России от 28 декабря 2024 года № 1124) [7], «Комплексного плана противодействия идеологии терроризма на 2024–2028 годы» (утвержденный Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 декабря 2023 года № Пр-2610), «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации» [8].

Все же следует признать, что война с терроризмом не завершилась полной победой, проблема терроризма по-прежнему не решена.

Библиографический список

1. Административная деятельность полиции : учебно-практическое пособие / А. Р. Исмаилова, С. В. Алешин, А. В. Фасхутдинова. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2026. 128 с. Материал опубликован не был.

2. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // Федеральная служба безопасности Российской Федерации. URL: <https://fsb.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

3. Эриашвили Н. Д., Каламкьян Р. А., Мигачева Е. В. Позитив правоприменительной практики Российской Федерации как вклад в систему международной безопасности // Криминологический журнал. 2021. № 3.

4. Картунов А. В. Неуничтоженный вирус // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).

5. Иванов О. П. Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир : монография / отв. ред. О. П. Иванов. М. : Проспект, 2020. 416 с. // Президентская академия. Институт управления Санкт-Петербург. URL: <https://sziu-lib.ranepa.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).

6. Хронология крупнейших терактов в РФ // ТАСС Медиа. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://garant.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

8. Комплексный план противодействия идеологии терроризма на 2024–2028 годы // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://garant.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

© Фасхутдинова А. В., 2026

Хайруллин А. Г. – преподаватель
кафедры специальной подготовки
Уфимского юридического института
МВД России (Россия, г. Уфа)

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

**COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM
IN THE MODERN WORLD: THEORETICAL, LEGAL
AND PRACTICAL ASPECTS**

Аннотация. В данной статье рассматривается комплекс актуальных вопросов, связанных с феноменом экстремизма и терроризма в условиях глобальной трансформации мирового порядка. Теоретико-правовой анализ сущности указанных угроз, исследуя эволюцию законодательных подходов к их определению как на национальном, так и на международном уровнях. Особое внимание уделяется трансформации противоправной деятельности в цифровую среду и вовлечению молодежи в деструктивные сообщества через механизмы информационно-психологического воздействия. В практической части работы анализируются современные стратегии и методы деятельности правоохранительных органов, направленные на пресечение каналов финансирования и идеологическую нейтрализацию террористических организаций, необходимость смещения акцента с репрессивных мер на раннюю профилактику и междисциплинарное взаимодействие субъектов обеспечения безопасности.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, транснациональный, трансформация.

Abstract. This article examines a range of pressing issues related to the phenomenon of extremism and terrorism in the context of the global transformation of the world order. It provides a theoretical and legal analysis of the essence of these threats, exploring the evolution of legislative approaches to their definition at both the national and international levels. Special attention is given to the transformation of illegal activities into the digital environment and the involvement of young people in destructive communities through the mechanisms of information and psychological influence. The practical part of the work analyzes modern strategies and methods of law enforcement agencies aimed at suppressing the channels of financing and ideological neutralization of terrorist organizations, the need to shift the focus from repressive measures to early prevention and interdisciplinary interaction of security agencies.

Keywords: extremism, terrorism, transnational, transformation.

В условиях стремительной глобализации и цифровизации общественных отношений экстремизм и терроризм приобретают новые, более изощренные формы. Актуальность этой проблемы обусловлена тем, что эти явления перестали быть исключительно угрозой национальной безопасности отдельных стран, превратившись в глобальный вызов всему мировому сообществу. Современный терроризм отличается высокой адаптивностью, активным использованием сетевых технологий для вербовки и пропаганды, а также сращиванием с организованной преступностью на международном уровне. Террористические и экстремистские группировки действуют уже не в узких кругах, а охватывают все большие территории и привлекают все больше людей [1]. Они наращивают свои силы, ресурсы и возможности, становясь более организованными и опасными, многие из этих групп стремятся не просто вызвать общественную панику, а реально влиять на политические процессы. Они хотят стать влиятельными политическими структурами, диктовать свои условия и даже захватывать власть, используя насилие как инструмент достижения своих целей. Террористы и экстремисты демонстрируют пугающую жестокость, совершая зверские преступления, направленные на запугивание и деморализацию общества. Их действия часто лишены гуманности и направлены на причинение вреда человечеству. Современный терроризм и экстремизм не ограничиваются лишь вооруженными нападениями. Они применяют самые разные методы: от пропаганды и вербовки в интернете до кибератак и применения химического или биологического оружия. Эти группы активно осваивают и могут использовать последние достижения науки и техники. Они используют Интернет и социальные сети для пропаганды и координации, дроны для разведки и нападений, а также другие современные технологии, чтобы повысить эффективность своих действий и идти на шаг впереди правоохранительных органов. Террористы и экстремисты стремятся вызвать широкий общественный резонанс, привлечь к себе максимальное внимание и посеять страх. Их цель – не только совершить акт насилия, но и оказать психологическое давление на общество, подорвать доверие к власти и создать атмосферу нестабильности. Все эти факторы в совокупности оказывают прямое и разрушительное влияние на безопасность общества и государства. Они подрывают основы мирной жизни, создают угрозу [2].

Выявление и пресечение терроризма включает применение систем искусственного интеллекта и распознавания лиц для превентивного предотвращения потенциальных угроз в местах массового скопления людей. Баланс между общественной безопасностью и правом личности на частную жизнь остается одной из самых острых тем в юридической психологии. Вербовка преступников происходит в закрытых игровых сообществах и через использование метавселенных, что затрудняет классический мониторинг сетевого трафика. Важным направлением является разработка

программ реабилитации и дерадикализации лиц, добровольно отказавшихся от участия в экстремистской деятельности, что требует привлечения специалистов в области социальной педагогики и теологии. Эффективное противостояние данным глобальным вызовам невозможно без консолидации усилий мирового сообщества и создания единого правового пространства, исключаящего политику «двойных стандартов» в вопросах квалификации террористических преступлений. Данная работа подчеркивает приоритет превентивных мер, направленных на устранение социально-экономических и культурных предпосылок возникновения радикализма в современном социуме.

Рассмотрим пример из практической деятельности сотрудников полиции, где в рамках обучения необходимо большое внимание уделять профессиональному обучению, так как многие не знают как выглядят взрывчатые вещества. Например, участковый уполномоченный полиции при обходе административного участка по обращению граждан, может не обратить внимание на содержимое мешков в подвальном помещении в которых могут находиться взрывчатые вещества (гексоген визуально выглядит как сахар). Приведем примеры по обнаружению взрывчатых устройств, где сотрудники самостоятельно осматривают брошенные сумки или предметы, в которых могут находиться взрывчатые вещества и устройства. В современном мире молодежь за материальное вознаграждение подкидывает или оставляет взрывные устройства.

В заключение данной статьи необходимо акцентировать внимание на практической значимости внедрения предложенных методик в деятельность профильных ведомств. Эффективность любой аналитической модели проверяется ее способностью адаптироваться к изменяющимся условиям среды. В связи с этим перспективным вектором является создание единого информационного пространства, объединяющего базы данных правоохранительных органов, образовательных учреждений и цифровых платформ. Такой комплексный подход позволит реализовать систему «раннего предупреждения», основанную на предиктивной аналитике поведения. Разработка и внедрение автоматизированных алгоритмов мониторинга информационного поля должны сопровождаться постоянным повышением квалификации кадров. Специалист будущего – это не только юрист или психолог, но и аналитик данных, способный распознать скрытые паттерны коммуникации в условиях информационного шума. Также важно отметить, что устойчивость общества к деструктивным воздействиям напрямую зависит от уровня его правосознания и информационной грамотности. Профилактическая работа на уровне ценностных установок личности остается наиболее эффективным инструментом обеспечения долгосрочной безопасности. Дальнейшие изыскания в данной области будут способствовать совершенствованию законодательной базы и выработке новых стратегий защиты национальных интересов в условиях глобальных трансформаций.

Библиографический список

1. Авдеев Ю. И. Современный терроризм : анализ основных тенденций. М. : Наука, 2021. 254 с.
2. Лебедев С. Я. Противодействие преступности экстремистской направленности: криминологический аспект. М. : Норма, 2022. 320 с.

© Хайруллин А. Г., 2026

УДК 159.9:316.6:004.738.5

Халитов О. Ф. – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УЯЗВИМОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР РИСКА РАДИКАЛИЗАЦИИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

PSYCHOLOGICAL VULNERABILITY OF YOUTH AS A RISK FACTOR FOR RADICALIZATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Аннотация. В условиях цифровой трансформации современного общества радикализация молодежи все чаще приобретает онлайн-характер. Цифровые платформы становятся инструментом распространения экстремистских идеологий, способствуя формированию устойчивых деструктивных установок. В статье анализируются психологические особенности юношеского возраста как фактор уязвимости к радикальным воздействиям, роль цифровой среды в усилении этих эффектов, а также психологические механизмы, лежащие в основе вовлечения в радикальные сообщества. Отмечается значимость профилактики, основанной на развитии критического мышления, позитивной идентичности и эмоциональной устойчивости молодежи.

Ключевые слова: психологическая уязвимость, радикализация, молодежь, цифровая среда, идентичность, критическое мышление, профилактика.

Abstract. In the context of the digital transformation of modern society, the radicalization of young people is increasingly taking place online. Digital platforms are becoming a tool for the spread of extremist ideologies, contributing to the formation of persistent destructive attitudes. This article analyzes the psychological characteristics of adolescence as a factor of vulnerability to radi-

cal influences, the role of the digital environment in amplifying these effects, and the psychological mechanisms underlying the involvement in radical communities. The paper emphasizes that preventive work should focus on strengthening young people's ability to critically evaluate information, develop a stable and positive identity, and maintain emotional resilience in complex social conditions.

Keywords: psychological vulnerability, radicalization, youth, digital environment, identity, critical thinking, prevention.

Распространение цифровых технологий заметно трансформировало способы социального взаимодействия, а вместе с ними – и механизмы формирования мировоззрения и групповой идентичности. Если ранее процессы радикализации в большей степени разворачивались в непосредственном социальном окружении, то сегодня значительная их часть переносится в онлайн-пространство. Интернет и социальные сети в этих условиях выступают не только каналами распространения экстремистских идей, но и средой, в которой такие установки закрепляются и получают дополнительное эмоциональное подкрепление.

В наибольшей степени данному влиянию подвержена молодежь, поскольку именно в этот период происходит активное формирование идентичности, переосмысление жизненных ориентиров и поиск собственного места в социальной системе. Юношеский возраст характеризуется высоким уровнем эмоциональности, стремлением к признанию и самоутверждению, что делает молодых людей восприимчивыми к идеологическим воздействиям [1].

Представьте молодого пользователя, который в TikTok или Telegram случайно видит контент на тему «борьбы за справедливость». Сначала это выглядит как социальный активизм, но алгоритм начинает подсовывать все более радикальные видео. Молодой человек находит онлайн-группу, где его принимают и поддерживают, что со временем приводит к усвоению экстремистской идеологии. Этот пример наглядно показывает, как психологическая уязвимость и цифровая среда взаимодействуют.

Психологическая уязвимость молодежи определяется комплексом возрастных и личностных характеристик. В подростково-юношеском возрасте возрастает потребность в самоутверждении, признании и включенности в значимую группу; при этом у части молодых людей наблюдаются сниженный самоконтроль, низкая нервно-психическая устойчивость, эмоциональная нестабильность и высокая восприимчивость к образцам поведения референтного окружения [2]. Существенную роль также играют кризис идентичности и выраженная потребность в принадлежности к социальной группе. Согласно теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера, стремление включиться в значимую группу сопровождается межгрупповой дифференциацией и усилением противопоставления «мы – они», что

при определенных условиях может становиться психологической основой формирования радикальных установок [3, с. 277–280].

Недостаточная сформированность критического мышления, поверхностное восприятие цифрового контента и ориентация на готовые объяснительные модели создают благоприятные условия для некритического усвоения упрощенных идеологических конструкций [4, с. 3–14].

Цифровое пространство усиливает указанные психологические факторы. Алгоритмическая персонализация формирует «информационные пузыри», в которых пользователь получает контент, отобранный на основе его предшествующего поведения и предполагаемых интересов, вследствие чего перед ним оказывается не полная картина мира, а лишь ее персонализированный вариант, исключая часть альтернативных точек зрения [5, с. 321–326]. Анонимность сетевого общения и дистанцированность от традиционных форм социального контроля создают иллюзию безнаказанности и способствуют участию в радикальных сообществах.

Эффект онлайн-дезингибиции (растормаживания), описанный Дж. Сулером, проявляется в снижении внутренних психологических ограничений в цифровой среде, вследствие чего индивиды «говорят и делают то, что не стали бы делать в условиях очного взаимодействия». Одним из ключевых факторов данного эффекта выступает анонимность, позволяющая отделить онлайн-поведение от реальной идентичности и тем самым ослабляющая чувство ответственности. В этих условиях формируется так называемая «токсичная дезингибиция», связанная с ростом агрессивных и враждебных форм поведения [6, с. 321–326]. Эмоциональное заражение, когда протестные или агрессивные установки быстро распространяются и усиливаются за счет повторяемости и эмоционального подкрепления, также играет значительную роль.

Экстремистские структуры активно используют психологические закономерности восприимчивости молодежи, апеллируя к чувству социальной несправедливости, угнетения и исключенности и предлагая простые, эмоционально насыщенные объяснения сложных социальных процессов; в этом контексте онлайн-контент становится инструментом вербовки, который усиливает переживание молодыми людьми несправедливости и маргинальности и формирует готовность следовать радикальным нарративам [7, с. 5–6]. Подобные механизмы оказываются наиболее результативными в отношении молодых людей, испытывающих дефицит социальной поддержки, неуверенность в себе или неудовлетворенность потребности в признании.

Профилактика радикализации не может ограничиваться исключительно правовыми мерами и требует учета психологических особенностей молодежи. Важное значение здесь приобретает развитие критического мышления и медиакомпетентности, позволяющих распознавать манипулятивные воздействия, соотносить информацию с различными источниками и избегать некритичного усвоения идеологических конструкций [8, с. 34–

39]. Не менее значимо формирование устойчивой позитивной идентичности, неоснованной на противопоставлении другим социальным группам.

Отдельного внимания требует развитие эмоциональной компетентности, включая способность осознавать и регулировать агрессивные реакции, уровень тревожности и переживание социальной изоляции. Такая работа должна осуществляться во взаимодействии психологов, педагогов, социальных служб и правоохранительных органов, что позволяет своевременно выявлять риски и оказывать поддержку молодежи в кризисных ситуациях.

Таким образом, психологическая уязвимость молодежи в условиях цифровой среды становится одним из значимых факторов, повышающих риск радикализации. В сочетании с алгоритмическими механизмами социальных сетей и особенностями онлайн-коммуникации она способствует вовлечению в деструктивные сообщества и закреплению радикальных установок.

Библиографический список

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб. : Евразия, 2000. 256 с.

2. Гайнуллина А. В., Халитов О. Ф. Психологические аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних // Право : ретроспектива и перспектива. 2022. № 3 (11). С. 28–33.

3. Макарова Л. Л. К анализу теоретических основ социальной идентичности личности // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5 (42). С. 277–280.

4. Фадеева Е. А., Панов А. И. Ограничения критического мышления российской молодежи как фактор подверженности к сетевой политической манипуляции // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Т. 14. № 4-1. С. 3–14.

5. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / пер. с англ. А. Ширикова. М. : Альпина Бизнес Букс, 2012. 304 с.

6. Suler J. The Online Disinhibition Effect // CyberPsychology & Behavior. 2004. Vol. 7. No. 3. P. 321–326.

7. Гурина О. Д., Ремеева А. Ф. Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей) // Психология и право. 2024. Т. 14. № 3. С. 1–12.

8. Стульев Д. Л., Егорова С. А. Развитие критического мышления, эмоционального интеллекта, толерантности к неопределенности и стресс-иммунитета как условие профилактики экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде // Школа будущего. 2023. № 4. С. 30–41.

Хасанова З. И. – адъюнкт адъюнктуры
Уфимского юридического института
МВД России (Россия, г. Уфа)

**ПУБЛИЧНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ
ИНФОРМАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
КАК УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**PUBLIC DISSEMINATION OF KNOWINGLY FALSE
TERRORIST INFORMATION AS A THREAT TO PUBLIC SAFETY**

Аннотация. Статья посвящена анализу публичного распространения заведомо ложной информации террористической направленности. Целью исследования является выявление правовых и социальных аспектов данного явления, его рассмотрения с точки зрения угрозы общественной безопасности, а также определение места статей 205.2, 207.1, 207.2 Уголовного кодекса Российской Федерации в системе преступлений террористического характера. Проведен анализ нормативных правовых актов, научных позиций, статистических данных Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), касающихся исследуемой сферы общественных отношений. В статье представлены формы угрозы распространения заведомо ложной информации террористической направленности, определена сложность квалификации деяний, а именно доказывание признака «заведомо ложности», а также сделаны выводы о необходимости совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: заведомо ложная информация, распространение, фейки, дезинформация, публичность, общественная безопасность.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the public dissemination of deliberately false information of a terrorist nature. The purpose of the study is to identify the legal and social aspects of this phenomenon, to consider it from the perspective of a threat to public safety, and to determine the place of Articles 205.2, 207.1, and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation in the system of crimes of a terrorist nature. The article analyzes regulatory legal acts, scientific positions, and statistical data from Roskomnadzor regarding the studied area of public relations. The article presents the forms of the threat of the dissemination of deliberately false information of a terrorist nature, the complexity of the qualification of acts, namely the proof of the feature of “deliberately false”, and the conclusions about the need to improve law enforcement practice.

Keywords: deliberately false information, dissemination, fakes, disinformation, publicity, public safety.

Как известно, в современном мире роль информации возрастает. Несмотря на положительные аспекты, выражающиеся в открытии новых возможностей и знаний для развития общества, информация также используется в качестве средства совершения преступлений.

В статье 29 Конституции Российской Федерации закреплено, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Данное право взаимосвязано с правом человека на достоверную информацию, однако она, к сожалению, нарушается недобросовестными гражданами. Здесь речь нужно вести, прежде всего, о публичном распространении заведомо ложной информации. Масштабы такого социально-негативного явления представляют собой угрозу общественной безопасности. Согласно данным Роскомнадзора ежедневно увеличивается перечень информационных ресурсов, неоднократно распространяющих недостоверную информацию. По некоторым данным, в 2025 году ведомство заблокировало более 13 тысяч фейков [1]. Эти показатели отражают лишь официально зарегистрированный объем существующей проблемы, однако латентная часть правонарушений и преступлений в этой сфере связана с оперативным удалением деструктивного контента до его блокировки или с распространением в закрытых каналах и мессенджерах. Особое опасение в этом аспекте вызывает факты распространения заведомо ложной информации, обладающей признаками террористической направленности либо создающей благоприятную среду для совершения других общественно-опасных деяний.

В основном преступления, связанные с публичным распространением заведомо ложной информации террористической направленности, предусмотрены статьями 205.2, 207.1, 207.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Хотя объекты этих составов преступлений могут различаться, они входят в группу преступлений против общественной безопасности. Необходимо отметить, что сущность и определение понятия «безопасность» раскрывается в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», согласно которому под безопасностью следует понимать состояние защищенности жизненно важных интересов (общества, государства, личности, экологии и иные виды) [2].

Концепция общественной безопасности в Российской Федерации от 20 ноября 2013 г. общественную безопасность рассматривает как состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [3]. Вместе с тем такое состояние защищенности обеспечивается за счет внутренних ресурсов правоохранительных органов и посредством применения уголовно-правовых прав, а также средств, находящихся в арсенале уголовного законодательства. Это означает, что для достижения стабильного состояния обществен-

ных и государственных институтов важное значение имеют принципы и нормы уголовно-правовой охраны, а также возможности правоохранительных органов. С этой точки зрения, логично было бы рассмотреть статьи 205.2, 207.1, 207.2 УК РФ, а также смежные с ними составы преступлений на предмет их месторасположения в подгруппе статей террористической направленности. При этом необходимо отметить, что относительно вопроса о местонахождении статей террористической направленности в научном сообществе отсутствует единство во мнениях ученых и специалистов.

По мнению И. В. Пантюхиной, составы преступлений, предусмотренные статьями 207.1 и 207.2 УК РФ, не имеют связи с террористической деятельностью и их расположение между террористическими преступлениями является неуместным [4]. При этом необходимо отметить, что эти составы преступлений в определенном смысле взаимосвязаны со статьей 207 УК РФ по кругу тех общественных отношений, которые нарушаются при совершении преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ. Кроме того, данные составы преступлений совпадают по отдельным признакам, а именно признак «заведомо ложности» имеется во всех этих составах, однако если в статье 207 УК РФ речь идет о заведомо ложном сообщении, то в статьях 207.1. и 207.2. УК РФ вменяется в вину публичное распространение информации, которая носит заведомо ложный характер. В аспекте заявленной темы исследования указанный признак во всех указанных составах преступлений имеет одну смысловую нагрузку при различии объективной стороны преступного посягательства. По этим параметрам размещение исследуемых статей является логичным и целесообразным. По мнению Л. Г. Литвяк, при расположении статей 207, 207.1 и 207.2 УК РФ в главе 24 УК РФ законодатель исходил из общности объекта общественной безопасности, который подвергается угрозе в результате совершения преступления, где как итог среди людей распространяются паника и страх, возникает недовольство среди населения страны, страдают жизнь и функционирование всего общества, нарушается порядок работы государственного аппарата, в том числе правоохранительной системы [5]. При этом особую опасность представляет ложная информация с реальной террористической активностью. Террористические организации, используя силу информационного воздействия, достоверно зная, что информация является ложной, тем не менее используют такую информацию для запугивания населения, вербовки новых членов организаций, создания информационного хаоса и манипуляции общественным мнением. В этом контексте публичное распространение заведомо ложной информации выступает не просто самостоятельным признаком составов преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ, а как характерная террористической деятельности, составляющая ее информационного компонента.

Необходимо отметить, что непосредственным объектом преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ, выступают не только установленный порядок управления, общественный порядок, но и психическое состояние граждан, их внутреннее состояние защищенности. С учетом современных возможностей сети Интернет, которые выражаются в высокой скорости передаче информации, а также того, что информационные ресурсы распространяются на неограниченный круг лиц, рассматриваемые преступные деяния способны дестабилизировать обстановку в отдельно взятом регионе или даже в отдельно взятой стране. Анализ современной обстановки в обществе позволяет выделить несколько ключевых форм реализации угрозы, связанной с публичным распространением ложной информации террористического характера. Во-первых, такие преступные деяния характеризуются созданием и рассылкой ложных сообщений о готовящихся взрывах, поджогах или иных действиях, создающих опасность гибели людей (так называемый «телефонный терроризм») [3, с. 365]. Во-вторых, распространение ложной информации о якобы имевших место терактах, включая видеозаписи и фотоматериалы с мест событий, не имеющих отношения к реальности, также следует рассматривать как угрозу террористической деятельности. В-третьих, совершение деяний, связанных умышленным искажением информации о действиях правоохранительных органов в ходе контртеррористических операций, а также дискредитация деятельности органов государственной власти. Общественная опасность таких преступных деяний заключается в том, что виновный, распространяя заведомо ложную информацию, подрывает авторитет государственной власти и доверие к ней со стороны населения.

С юридической точки зрения, квалификация статей 207.1 и 207.2 УК РФ осложняется необходимостью доказывания признака «заведомо ложности», означающий осведомленность лица и осознание им того, что оно ложно распространяет информацию [4, с. 55]. Кроме того, важным аспектом является отграничение собственно террористической угрозы от смежных составов преступлений, таких как возбуждение ненависти либо вражды. Ложная информация террористической направленности часто преподносится таким образом, чтобы максимально обострить межнациональные или межрегиональные отношения, необоснованно обвинить совершение террористических актов и экстремистских действий представителей той или иной социальной группы, тем самым «разжечь» ненависть одних представителей к другим.

В заключение представляется сформулировать следующие выводы. Во-первых, публичное распространение заведомо ложной информации террористической направленности представляет собой реальную и масштабную угрозу общественной безопасности, что подтверждается статистическими данными, а также высокой динамикой совершения таких преступлений особенно лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста,

под влиянием специальных и разведывательных служб иностранных государств. Во-вторых, размещение статей 207.1 и 207.2 УК РФ в главе о преступлениях террористического характера представляется логичным и обоснованным, поскольку родовым и непосредственным объектом данных посягательств выступает общественная безопасность. Ложная информация террористической направленности посягает на состояние защищенности общества, порождая панику, страх, подрывая нормальное функционирование государственных институтов, что сближает ее с последствиями реальных террористических актов. В-третьих, с юридической точки зрения, основная сложность квалификации данных преступлений по статьям 207.1 и 207.2 УК РФ заключается в доказывании признака «заведомо ложности», поскольку, распространяя информация, лицо может и не знать, что она ложная, это исключает его умысел на совершение преступления. Кроме того, актуальной проблемой науки уголовного права является отграничение этих составов от смежных преступлений, таких как возбуждение ненависти либо вражды, особенно когда ложная информация распространяется с целью «разжигания» межнациональных или межрегиональных конфликтов.

Библиографический список

1. С начала года Роскомнадзор удалил более 20 млн единиц противоправного контента // ТАСС. 2025. 11 июня. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24199281> (дата обращения: 18.02.2026).

2. О безопасности : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Российская газета. 2010. 29 декабря.

3. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации от 20 ноября 2013 г. // Российская газета. 2013. 20 ноября.

4. Пантюхина И. В. О месте расположения новых преступлений в УК РФ // Новеллы права, экономики и управления 2020 : сборник научных трудов по материалам VI международной научно-практической конференции, Гатчина, 25–26 ноября 2020 года. Том 1. Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2021. С. 369–374.

5. Литвяк Л. Г. К вопросу об объекте составов преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ // Право, экономика и управление: теория и практика : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 2 декабря 2021 года / гл. редактор Э. В. Фомин. Чебоксары : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. С. 167–172.

6. Ахъядов Э. С-М., Альханов Н. М., Дадашов М. М. Телефонный терроризм как вид информационного терроризма // Право и государство : теория и практика. 2024. № 5 (233). С. 365–367.

7. Габдрахманов Р. Л., Кужиков В. Н. Заведомо ложная информация как предмет преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 53–57.

© Хасанова З. И., 2026

УДК 343.85: 343.34

Хусаинов Р. Р. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

EXTREMISM PREVENTION AMONG MINORS

Аннотация. Статья посвящена вопросам профилактики экстремизма оперативными подразделениями органов внутренних дел среди несовершеннолетних. Приводится краткий анализ преступности экстремистской направленности среди несовершеннолетних. Среди последних отмечается резкий скачок совершенных преступлений экстремистской направленности и террористического характера. Обосновывается необходимость повышения эффективности профилактической деятельности среди несовершеннолетних. Указывается основные способы осуществления общей и индивидуальной профилактики, также указывается на необходимость работы с подростками привлекаемыми по статье 13.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: экстремизм, профилактика, несовершеннолетние, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия,

Abstract. The article is devoted to the issues of extremism prevention by operational units of internal affairs bodies among minors. It provides a brief analysis of extremist-oriented crime and crime among minors. Among the latter, there is a sharp increase in committed crimes of extremist and terrorist nature. The article substantiates the need to improve the effectiveness of preventive activities among minors. It outlines the main methods of general and individual prevention, and also emphasizes the importance of working with adolescents who are prosecuted under Article 13.53 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Keywords: extremism, prevention, minors, operational and investigative activities, operational and investigative measures.

Экстремизм в настоящее время относится к одной из наиболее острых проблем, присущих множеству стран не зависимо от уровня развития, который дестабилизирует нормальное существование любого государства. От противоправных действий экстремистских организаций и отдельных физических лиц наносится значительный вред политической обстановке и, как следствие, все отражается во многих сферах общества. В такой не комфортной психологической обстановке возникает страх и реальная угроза жизни и здоровью людей, а также их имуществу. К сожалению, остается реальным фактом то, что использование экстремистских способов приносит заинтересованным лицам положительный результат в достижении поставленных ими целей по оказанию давления на законную власть. Поэтому вопросы организации эффективного противодействия экстремизму становятся злободневным для всех государственных структур и в первую очередь для его правоохранительных органов и специальных служб. В связи с чем возникает необходимость организации дальнейшего систематического противодействия и искоренения или минимизации таких проявлений в обществе. Актуальность рассматриваемой темы усугубляется в период проведения специальной военной операции, когда экстремистская деятельность на территории нашей страны целенаправленно организовывается некоторыми иностранными организациями и поддерживается на государственном уровне.

По данным ГИАЦ МВД России в 2025 году было зарегистрировано 2241 преступлений экстремистской направленности. Таким образом, за последние пять лет их количество практически удвоилось: в 2021 году было зарегистрировано 1057 преступлений [1]. Проводимые специалистами анализы показывают, что к совершению указанных преступлений вовлекаются разные категории населения, начиная от детей (подростков) и заканчивая пенсионерами преклонного возраста. Также хотелось отметить, что преступления экстремистской направленности относятся к преступным деяниям, выявляемым правоохранительными органами и специальными службами государства, а официальная статистика не может учитывать латентные преступления (невыявленные или незаявленные). Полагаем, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что реальное количество экстремистских проявлений значительно выше. Каждое экстремистское явление может вызвать общественный резонанс и их последствия устранить очень сложно (например, по сравнению с теми же преступлениями имущественного характера).

Ранее было указано, что данный вид преступлений совершаются людьми разных возрастных категорий, но особую тревогу вызывает, когда фигурантами дела становятся несовершеннолетние. По официальным дан-

ным в 2025 году количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, по сравнению с прошлым годом (26,4 тыс.) увеличилось на 10,1 % и составило 29,1 тыс. При этом рост наблюдается впервые начиная с 2016 года (53,7 тыс.). Наиболее тревожная картина складывается по рассматриваемой теме следующая: в 2025 году на 46,6 % (с 97 до 142) возросло число количество несовершеннолетних, совершивших преступления экстремистской направленности и в 2,5 раза (+ 154,1 %) – террористического характера (с 98 до 249) [1].

Таким образом, можно констатировать, что за последний год произошел значительный скачок преступлений экстремистской направленности, в том числе и среди несовершеннолетних. Сложившаяся ситуация требует тщательного анализа и принятия соответствующих мер. Общество вполне обоснованно ожидает от государственных структур эффективного противодействия этим проявлениям, а именно своевременного выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений экстремистской направленности. В указанном контексте приоритетным направлением должно быть профилактика этих преступлений, так как ранее уже отмечалось, что их последствия трудно восполнимы или практически невозможны. Поэтому профилактическая работа среди несовершеннолетних по указанному направлению приобретает особую остроту.

Вовлечение несовершеннолетних лиц в преступления террористической направленности представляет собой сложную систему, зависящую от многих причин преступности, которая имеет свои индивидуальные особенности, включая возраст, психологические факторы и другие особенности [2].

Многочисленные научные исследования, проводимые на основе глубокого изучения всей истории борьбы с экстремизмом, показывают необходимость комплексного использования всех имеющихся сил, средств и методов.

Для достижения этой цели одной из важных векторов является принятие мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих экстремистской деятельности; выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Правоохранительные органы Российской Федерации играют ключевую роль в борьбе с экстремизмом, активно сотрудничая с другими органами власти и гражданским обществом. Они разрабатывают и реализуют стратегии по противодействию экстремизму, а также поддерживают единую систему мониторинга, отслеживая различные аспекты общественной жизни и их влияние на межнациональные отношения [3].

Оперативно-розыскное предупреждение экстремистских правонарушений среди несовершеннолетних осуществляется соответствующими подразделениями в виде общей и индивидуальной профилактики.

Общая профилактика направлена на выявление и устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Эта деятельность касается разных сфер жизни и поэтому силами только правоохранительных органов невозможно добиться положительного результата, требуется совместная деятельность государственных структур, общественных организаций и отдельных граждан.

Деятельность профилактической работы среди несовершеннолетних должна быть организована на основе изучения и оценки причин и условий, которые толкнули психически не окрепших, не имеющих жизненного опыта подростков, на совершение правонарушений экстремистской направленности. Как и для любого вида деятельности необходимо получение соответствующей информации, которая поступает при анализе состояния преступности, изучении уголовных дел, отказных материалов, дел оперативного учета, где фигурантами являются несовершеннолетние, ценная информация также может быть получена при изучении материалов специальных профилактических мероприятий, поступающей оперативной информации.

Оперативная профилактическая работа по предупреждению экстремистской деятельности должна вестись совместно с сотрудниками подразделения по делам несовершеннолетних и представителями образовательных органов. При этом выявляются, изучаются причины и условия, способствующие совершению несовершеннолетними преступлений или административных правонарушений, после принимаются совместные меры по их устранению и оказывается активное воздействие профилактического характера на выявленных подростков.

Важное значение имеет обмен информацией с участковыми уполномоченными полиции, которые могут предоставить данные о взрослых, ранее судимых привлеченных к ответственности за совершение правонарушений экстремистской направленности и отрицательно влияющих на несовершеннолетних. Наиболее ответственным для оперативных сотрудников является индивидуальная профилактическая работа, направленная на выявление и учет лиц склонных к правонарушениям, и организация за ними оперативного наблюдения.

На склонность несовершеннолетних к экстремизму могут указывать следующие обстоятельства: высказывание намерений совершить деяния экстремистской направленности; наличие связей с ранее судимыми за экстремистскую деятельность; приобретение экстремистской литературы или символики; посещение мест концентрации лиц, проявляющих элементы экстремизма (спортивные фанаты, религиозные секты, националистические, радикальные организации и т. д.).

Информации о несовершеннолетних, требующих индивидуальной профилактики, может быть также получена от граждан, представителей организаций, предприятий и общественных организаций, материалов-

средств массовой информации и т. д. Не менее ценная информация может поступить из оперативных источников; от лиц, оказывающих конфиденциальное содействие; полученная в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий; предоставленная другими субъектами оперативно-розыскной деятельности (Федеральной службой исполнения наказаний, Федеральной службой безопасности и т. д.).

Выявленная категория подростков, склонных к совершению экстремистских проявлений, ставятся на учеты органов внутренних дел. При этом нужно широко использовать возможности информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, которые стали основным средством коммуникации для экстремистских организаций и используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений, распространения своей идеологии. Также должны быть картотечные, алфавитные, журнальные и другие виды учетов. Особого внимания и учета требуют взрослые, вовлекавшие подростков в преступную деятельность.

Довольно перспективным является использование фигурантов статьи 13.53. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, введенной Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях"». К сожалению, пока практика применения данной нормы небольшая, но со временем при разработке соответствующих методик и выявления лиц, умышленно осуществляющих поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним, в том числе с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен, станут в первую очередь объектами индивидуальной профилактики.

После определения круга объектов воздействия проводятся такие профилактические мероприятия: посещение по месту жительства, учебы, работы; проведение бесед с родителями, опекунами, преподавателями, мастерами и воспитателями; проведение специальных бесед профилактируемые, получают письменные объяснения о совершенных правонарушениях; осуществляется привод в органы внутренних дел для официального предостережения о недопустимости правонарушений; создаются условия по нейтрализации негативного влияния отдельных лиц, особенно взрослых.

При проведении индивидуальной профилактики необходимо принять меры к изоляции взрослых подстрекателей, если такие имеются. В отношении последних необходимо проведение отдельных мероприятий с целью задержания за совершенные или подготавливаемые преступления, административные правонарушения; проведение специальных бесед; объявление официального предостережения.

Таким образом, для профилактики экстремистских проявлений среди несовершеннолетних оперативный состав должен проводить работу, направленную на:

- выявление несовершеннолетних, вынашивающих экстремистские намерения, лидеров и активных участников подобных группировок и формирований;
- активизацию сбора оперативной информации на несовершеннолетних, вынашивающих экстремистские намерения;
- разработку мероприятий по оперативному документированию действий лидеров и активных участников организаций, вовлекающих несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, привлечение их к ответственности или изоляции от подростков;
- усиление мер индивидуального профилактического воздействия в отношении несовершеннолетних зараженных экстремистскими идеями, их изоляция от активных участников таких формирований, а также установление за ними постоянного оперативного контроля.

Библиографический список

1. Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 12.03.2026).
2. Бирюкова В. А. Криминологическая характеристика личности преступника экстремиста-вовлекателя несовершеннолетнего в совершение преступлений террористической направленности // Научный лидер. 2023. № 43 (141). С. 164–167.
3. Деятельность правоохранительных органов по противодействию экстремизму и терроризму : материалы всероссийского круглого стола (г. Казань, 30 ноября 2017 г.) / под. ред. С. Н. Миронова. Казань : КЮИ МВД России, 2017. 160 с.

© Хусаинов Р. Р., 2026

Шарипова А. Р. – преподаватель
кафедры профессиональной подготовки
Уфимского ЮИ МВД России (Россия,
г. Уфа)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ

THE IMPACT OF MIGRATION PROCESSES ON TERRORISM AND EXTREMEISM

Аннотация. Миграционные процессы оказывают значительное влияние на распространение экстремизма и терроризма, что обусловлено как социально-экономическими, так и политическими факторами. Неконтролируемая миграция создает условия для активизации этнических преступных групп, террористических и экстремистских организаций, а также способствует распространению радикальной идеологии. Статья посвящена исследованию взаимодействия миграционных процессов с распространением терроризма и экстремизма в современном мире. Актуальность работы обусловлена ростом международной миграции и одновременным усилением угроз безопасности, связанных с радикализацией отдельных групп населения.

Ключевые слова: миграционные процессы, терроризм, экстремизм, социальная интеграция, национальная безопасность, миграционная политика, безопасность, социокультурная интеграция, неконтролируемая миграция, профилактика экстремизма.

Abstract. Migration processes have a significant impact on the spread of extremism and terrorism, which is caused by both socio-economic and political factors. Uncontrolled migration creates conditions for the activation of ethnic criminal groups, terrorist and extremist organizations, and contributes to the spread of radical ideology. This article explores the relationship between migration processes and the spread of terrorism and extremism in the modern world. The relevance of this study is driven by the increasing international migration and the simultaneous rise of security threats related to the radicalization of certain population groups.

Keywords: migration processes, terrorism, extremism, social integration, national security, migration policy, security, sociocultural integration, uncontrolled migration, and prevention of extremism.

Проблематика взаимосвязи миграционных процессов и распространения экстремизма и терроризма в последние годы приобрела особую ак-

туальность в связи с масштабной трансформацией международной миграции. Усиление глобальной мобильности населения и рост международных миграционных потоков сопровождаются возникновением новых вызовов для национальной безопасности государств. Расширение масштабов миграции оказывает комплексное воздействие на социальную и криминологическую ситуацию, в том числе формируя предпосылки для возникновения межэтнической напряженности и распространения радикальных идеологических установок.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) неконтролируемая миграция классифицируется как одна из главных стратегических угроз [5, с. 143]. Анализ статистических данных свидетельствует о неблагоприятной тенденции: за первые пять месяцев 2025 года количество преступлений, совершенных иностранными гражданами на территории Российской Федерации, увеличилось примерно на 10 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и составило 18 873 преступления [2].

Следственный комитет Российской Федерации также фиксирует изменение структуры преступности, связанное с увеличением доли преступлений экстремистской и террористической направленности. Данные обстоятельства обуславливают необходимость усиления государственного контроля в сфере миграционных процессов и совершенствования механизмов их регулирования [2; 1, с. 104].

Экономический аспект проблемы в 2025 году характеризуется критической нагрузкой на бюджетную систему. Совокупное число легальных и нелегальных мигрантов на территории страны оценивается в 7 млн человек [1, с. 99]. Колоссальный отток капитала (только гражданами Узбекистана в 2024–2025 годах выведено более триллиона рублей) сочетается с государственными затратами на социальное обеспечение семей мигрантов, достигающими 2,5 млн рублей на одну семью в год [1, с. 99, 101].

Миграционные процессы оказывают влияние на экстремистскую и террористическую деятельность через несколько взаимосвязанных механизмов. Во-первых, это формирование социальной среды, в которой происходит циркуляция радикальных идей. Во-вторых, использование миграционных каналов для перемещения лиц, причастных к экстремизму и терроризму. В-третьих, вовлечение отдельных мигрантов в противоправную деятельность вследствие их социально-экономической уязвимости.

Так, М. П. Ситникова отмечает, что именно социальная среда оказывает значительное внимание на процессы радикализации ценностных установок личности. При отсутствии эффективных механизмов интеграции мигрантов в принимающее общество возникают предпосылки для формирования изолированных этнокультурных сообществ, в которых могут распространяться радикальные идеологии [5, с. 142].

Аналогичной точки зрения придерживается А. В. Зубач, отмечая, что именно миграционная среда может выступать одним из факторов, способствующих распространению радикальных идеологий. Основными причинами радикализации отдельных представителей мигрантского сообщества выступают социальная изоляция, трудности культурной адаптации, экономическая нестабильность и отсутствие устойчивых социальных связей. При наличии указанных условий возрастает вероятность формирования экстремистских настроений и вовлечения отдельных лиц в противоправную деятельность [4, с. 36].

А. А. Ефимов подчеркивает, что результативное противодействие экстремистской и террористической деятельности предполагает реализацию комплекса организационно-правовых мер. К их числу относятся выявление лиц, демонстрирующих признаки склонности к радикализации, проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на пресечение деятельности экстремистских объединений, а также контроль финансовых потоков, связанных с финансированием противоправной деятельности экстремистских структур [3, с. 60].

Педагогический кризис выступает долгосрочной детерминантой экстремизма. До 75 % детей с «миграционной историей» в российских школах не владеют русским языком, что ведет к деградации образовательного процесса и росту подростковых этнических банд [1, с. 102, 103]. Формирование закрытых анклавов (гетто), где мигранты живут обособленно от российского общества, создает «маленькие государства в государстве», которые становятся рассадниками радикальных идеологий [2].

Социально-экономическая маргинализация делает мигрантов уязвимыми перед предложениями иностранных спецслужб. Зафиксирована вербовочная деятельность Службы безопасности Украины (далее – СБУ), использующей мигрантов для совершения диверсий под предлогом материального вознаграждения, что подтверждается трагическими событиями в «Крокус Сити Холле» и нападениями в Дагестане [1, с. 105].

Сказанное предопределяет необходимость переосмысления содержания государственной миграционной политики, в рамках которой, в частности, контрольные меры не могут рассматриваться изолированно от инструментов социальной адаптации. Сведение противодействия экстремизму и терроризму исключительно к правоохранным мерам не обеспечивает устойчивого результата. Эффективность достигается за счет ранней диагностики процессов радикализации, снижения уровня межэтнической конфликтности и выстраивания механизмов включения мигрантов в принимающее сообщество. Реализация указанных направлений носит многоуровневый характер: помимо государственных и правоохранительных органов в нее вовлечены образовательные структуры и институты гражданского общества, формирующие социокультурную среду интеграции.

Ранее государственная политика основывалась на экономоцентричной модели регулирования миграции. Что это означает? В ее основе находилось восполнение дефицита трудовых ресурсов за счет привлечения иностранной рабочей силы, что обеспечивало поддержание функционирования отдельных сегментов экономики. Однако подобная модель оказалась ограниченной: она не учитывала в должной мере сопряженные риски в сфере общественной и государственной безопасности [6, с. 2].

Смещение приоритетов получило нормативное закрепление в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы (Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы»). Содержание документа свидетельствует о переходе к иной регуляторной логике. Отказ от прежней установки на количественное восполнение демографических потерь через масштабное привлечение мигрантов отражает изменение стратегических ориентиров [2].

Новая концептуальная модель ориентирована прежде всего на обеспечение национальных интересов государства и защиту прав граждан Российской Федерации. В документе акцентируется необходимость укрепления безопасности, а также сохранения культурно-исторических и цивилизационных основ российского общества [2].

Изменения затронули и институциональный уровень управления. Передача ключевых полномочий в сферу компетенции Совета Безопасности Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации указывает на включение миграционных процессов в контур национальной безопасности, что ранее не имело столь четкого организационного выражения.

Текущая правоприменительная практика демонстрирует усиление ответственности за нарушение миграционных режимов. Федеральным законом от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ужесточены санкции за организацию незаконной миграции и фиктивную регистрацию.

Наряду с этим сохраняется проблема нормативной раздробленности. Нормы, регулирующие контроль за пребыванием иностранных граждан, содержатся в различных нормативных правовых актах. В частности, они закреплены в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», а также в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Отсутствие единой системной конструкции приводит к коллизиям и снижает эффективность реализации правоприменительных механизмов.

В сложившихся условиях требуется переход к иной модели правового регулирования. Первостепенное значение имеет кодификация миграционного законодательства. Принятие Миграционного кодекса Российской Федерации позволит не только унифицировать терминологический аппарат, но и устранить существующие пробелы и коллизии, обеспечив внутреннюю согласованность правовой системы.

Также необходимо рассмотреть вопрос дальнейшего ужесточения административных режимов регулирования миграции: в частности, реализация положений Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ограничивающего срок безвизового пребывания иностранцев 90 сутками в течение календарного года, может быть дополнена введением визового режима с государствами, являющимися основными источниками неконтролируемой миграции.

Важное значение также имеет внедрение цифровых механизмов миграционного контроля путем создания единой информационной системы учета и профилирования мигрантов, предусматривающей обязательную биометрическую регистрацию. В целом это позволит обеспечить эффективное отслеживание перемещения иностранных граждан.

Итак, анализ законодательной и правоприменительной практики показывает отсутствие непосредственной зависимости между миграционными потоками и распространением экстремистских либо террористических проявлений. Прямая причинно-следственная связь в данном случае не прослеживается. Но в условиях недостаточной институциональной проработанности механизмов контроля, она способна трансформироваться в фактор, усиливающий уязвимость социальной среды к радикальным идеологическим влияниям.

Библиографический список

1. Богданов А. В., Ильинский И. И., Кудин О. В. Влияние миграционной ситуации в России на экстремизм и терроризм // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 97–108.
2. Бытко С. Ю., Пугачев Ю. Е. Концепция миграционной политики 2026–2030 : характеристика и сравнительный анализ с концепцией 2019–2025 // Научный журнал. 2025. № 4 (75).
3. Ефимов А. А. Административно-правовые механизмы противодействия экстремизму и терроризму в России // Российский следователь. 2022. № 8. С. 60–64.
4. Зубач А. В., Дорошенко О. М., Кравцов Д. Ю. Административно-правовые средства противодействия экстремизму в сфере миграции // Миграционное право. 2021. № 1. С. 36–38.

5. Ситникова М. П. Миграция как фактор распространения экстремизма в России : проблемы и пути решения // Актуальные проблемы российского права. 2026. № 1. С. 142–151.

6. Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р. Современные тенденции государственной политики в сфере миграции: правообразующий аспект // Миграционное право. 2025. № 2. С. 2–5.

© Шарипова А. Р., 2026

УДК 316

Янбухтин Р. М. – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат социологических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА

PREVENTION AND CARE OF EXTREMISM

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы предупреждения и профилактики экстремизма среди различных категорий населения, включая молодежь. С позиции системного подхода рассматриваются вопросы разработки модели профилактики экстремизма среди молодого поколения с учетом тенденций развития российского законодательства. Поднимается также вопрос о развитии системы профилактики экстремизма, ориентированной на предупреждение проявлений радикальных и деструктивных идей, проведение профилактических мероприятия среди различных возрастных групп молодежи, уделяя пристальное внимание несовершеннолетним, учащимся школ, студентам, а также лицам, подверженным воздействию идеологии экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, идеология экстремизма, противодействие, профилактика, молодежь, личность, традиционные духовно-нравственные ценности.

Abstract. The article discusses the issues of preventing and combating extremism among various categories of the population, including young people. From the perspective of a systematic approach, the article examines the development of a model for preventing extremism among the younger generation, taking into account the trends in the development of Russian legislation. The article also raises the issue of developing a system for preventing extremism that

focuses on preventing the spread of radical and destructive ideas, implementing preventive measures among various age groups of young people, and paying close attention to minors, school students, and individuals who are vulnerable to the ideology of extremism.

Keywords: extremism, ideology of extremism, counteraction, prevention, youth, personality, and traditional spiritual and moral values.

В современных условиях развития российского государства, обострения геополитических интересов, сохранения террористических угроз и экстремистских действий актуализируются вопросы совершенствования обеспечения безопасности информационного пространства российского общества, создания условий для личностного и духовного развития граждан, формирования у них критического мышления в эпоху информационных войн, обучения их распознавать и противостоять радикальным и деструктивным идеям. Одной из ключевых задач в настоящее время, стоящих перед государственными органами Российской Федерации, является совершенствование профилактики экстремизма среди различных категорий граждан, особенно среди молодого поколения.

Обращение к литературе по проблематике противодействия экстремизму и терроризму позволяет отметить, что здесь имеется немало проблем, связанных с вопросами определения природы и сущности идеологии экстремизма, раскрытия видов и форм идеологии экстремизма, профилактики и противодействия радикальным и деструктивным идеологиям (М. В. Авакьян, А. М. Айгузина, Т. С. Волчецкая, А. В. Еськов, Л. А. Кодзоков, А. В. Кузьмин, Т. З. Мисроков, К. А. Ольховский, А. А. Протасевич, О. В. Тепляков, Л. К. Сафина, П. Е. Суслонов и др.).

Несмотря на многообразие научных исследований, посвященных различным проявлениям идеологии экстремизма и терроризма, необходимо учитывать сложность в раскрытии природы и сущности экстремистской идеологии, его различные трансформации, изменения, а также деятельность террористических организаций, спецслужб, идеологов, определяя необходимость совершенствования политики и практики противодействия идеологии экстремизму на современном этапе.

В свою очередь считаем необходимым затронуть ряд вопросов, касающихся теоретических подходов, практик в области противодействия идеологии экстремизма и терроризма, предполагающих использование эффективных методов и форм профилактического воздействия, создания необходимых условий для личностного и духовного развития граждан, молодых людей, формирования у них критического мышления в эпоху информационных войн, обучения их распознавать и противостоять деструктивным идеологиям и информационным угрозам.

Экстремизмом на сегодняшний день считается такое социально-психологическое явление, в рамках которого люди объединяются благода-

ря общим интересам и взглядам, находя общие точки соприкосновения, действия которых чаще всего направлены на призывы и пропаганду крайних радикальных идей, взглядов и применение насильственных средств решения общественных вопросов, проблем.

В себе понятие «экстремизм» уже заранее несет приверженность к крайним взглядам, неприятие моральных и правовых ценностей, угроза основам государственного строя. Конкретного закрепления в нормативных правовых актах Российской Федерации понятие экстремизм не имеет, но существует широкая трактовка экстремистской деятельности, согласно Федеральному закону от 27 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [3]. Также в этом нормативном правовом документе определяются меры противодействия экстремистской деятельности и профилактические меры [3].

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», обеспечение государственной и общественной безопасности достигается посредством реализации государственной политики, которая включает в себя решение задачи «предупреждения проявлений радикализма, профилактики экстремистских и других преступных проявлений, в первую очередь среди несовершеннолетних и молодежи» [2]. Именно поэтому еще одной особенностью можно выделить профилактику среди молодежи.

Проведение профилактической работы, направленной на противодействие негативному влиянию антисоциальных и криминальных групп, имеет особую значимость в молодежной среде. Молодое поколение по ряду объективных причин является наиболее уязвимой категорией для подобного рода воздействия. В настоящее время наблюдается тенденция к распространению радикальных идей среди российской молодежи.

Между тем, важно отметить, что требуется более четкое и конкретное выделение ключевых путей, форм и методов на пути построения многоуровневой системы профилактики проявлений экстремизма среди молодежи.

Так, одни ученые уделяют пристальное внимание разъяснительно-предупредительной работе по противодействию экстремистским проявлениям, особенно в среде молодого поколения и общественных объединений. В частности, обосновывают необходимость проведения обучающих профилактических семинаров и информационных мероприятий, посвященных противодействию методам вербовки в радикальные группы [5].

Немало исследователей считают, что важное значение в противодействии идеологии экстремизма и терроризма имеют информационно-пропагандистские мероприятия в образовательных организациях и молодежных организациях по разъяснению истинных целей экстремистских организаций и методов их вербовки. При этом мероприятия, направленные

на недопущение вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность, предполагают решение целого комплекса целей: воспитание гражданственности, патриотизма и нравственности, приобщение молодежи к занятиям творчеством, спортом [4].

В литературе также отмечается, что в современных условиях развития российского общества востребована именно ценностно-ориентированная модель профилактики экстремизма, в которой ключевыми идеалами и ценностями общественной жизни выступают базовые традиционные российские духовно-нравственные ценности [6, с. 274]. В соответствии с данным подходом к построению модели профилактики экстремизма в качестве ключевой цели выступает развитие личности, которая обладает определенными духовно-нравственными ценностями и ориентирами. Как отмечает исследователь, традиционные ценности выступают в качестве четкого и ясного ориентира в построении современной многоуровневой модели профилактики идеологии экстремизма и терроризма в российском обществе [6, с. 274].

Предложенный ценностно ориентированный подход к построению модели профилактики экстремизма, базирующейся на традиционных российских ценностях, одной из целей которой является становление личности с конкретными духовно-нравственными параметрами, отвечает Указу Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1].

Профилактическая работа среди населения должна опираться на федеральные законодательные акты, учитывать рекомендации компетентных государственных структур и экспертных организаций, а также адаптироваться к региональным особенностям, что позволит индивидуализировать отдельные стороны проводимых мероприятий. Но также здесь считаем важным отметить постоянный аспект совершенствования профилактической работы среди различных категорий и слоев населения, а именно профилактическую работу как элемент противодействия экстремизму. В целях проведения комплексной профилактической работы следует использовать различные формы и методы взаимодействия с обществом, которые еще не имеют юридического закрепления:

Например, формирование правовой культуры посредством регулярных встреч, как индивидуальных, так и групповых, с представителями различных социальных групп (родительские комитеты, местные сообщества, домовые комитеты, старшие по домам) и слоев населения (учащиеся, студенты, рабочие, интеллигенция, предприниматели). Данные встречи направлены на проведение правовой пропаганды, формирование у населения правовых установок, а также культивирования российских традиционных духовно-нравственных ценностей и чувства уважения прав и свобод человека и гражданина.

Далее можно предложить организацию совместной работы в области профилактики проявлений экстремизма и проведение мероприятий, ориентированных на предотвращение правонарушений и преступлений экстремистской направленности.

Обмен информацией, мониторинг внешнего вида, поведения, используемой символики и высказываний граждан с целью выявления признаков экстремизма. Именно это нововведение в российское законодательство российского государства могло бы обеспечить контроль за экстремистской деятельностью в онлайн-сфере и пресечение подобных движений в самой их основе.

В заключение следует отметить потенциал в организации и необходимости дальнейшего совершенствования профилактики экстремизма среди различных категорий граждан, уделяя особое внимание молодежи, и сформулировать предложения практического характера.

1. В целях проведения комплексной профилактической работы следует активно проводить профилактические мероприятия (индивидуальные и групповые беседы, встречи) среди различных возрастных групп молодежи, уделяя пристальное внимание несовершеннолетним, учащимся школ, студентам, их родителям, а также лицам, подверженным воздействию идеологии экстремизма.

2. Важно уделять внимание проведению профилактической работы в среде мигрантов, благодаря чему обеспечивается ранняя профилактика конфликтов на этнической, религиозной, бытовой почве, способствующая дальнейшей социальной и культурной адаптации мигрантов.

3. Необходимо целенаправленное обсуждение вопросов и проблематики профилактики и противодействия идеологии экстремизма на каналах местных средств массовой информации, в социальных сетях.

4. Целесообразно широкое привлечение различных категорий молодежи к мониторингу сети Интернет на предмет распространения экстремистских материалов.

5. Активно использовать потенциал конструктивного взаимодействия государственных и муниципальных структур с институтами гражданского общества в направлении предотвращения и устранения причин и условий проявления экстремистской деятельности, готовности и умения противостоять негативному информационно-психологическому воздействию экстремистских и террористических организаций.

6. Требуется уделять пристальное внимание организации работы по реализации мероприятий (лекций, семинаров, круглых столов, конференций, олимпиад, конкурсов, «юридических уроков») среди несовершеннолетних, различных групп молодежи, учащихся, школьников, студентов по вопросам профилактики и противодействия экстремизму, сохранению культурно-исторической памяти, формирования правовой и нравственной культуры, культивирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Библиографический список

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.04.2026).
4. Авакьян М. В., Болвачев М. А., Волчецкая Т. С., Осипова Е. В. Методические рекомендации по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремизма : учебное электронное издание. Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. 44 с.
5. Ганаева Е. Э. Экстремизм и терроризм: соответствие терминологии и классификация. К вопросу о профилактике девиантного поведения молодежи // Наука без границ. 2019. № 5 (33). С. 104–108.
6. Янбухтин Р. М. Профилактика и противодействие идеологии экстремизма и терроризма // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина : материалы Международной конференции, посвященной принятию Всеобщей декларация прав человека. Уфа, 2025. С. 269–274.

© Янбухтин Р. М., 2026